Р 4278

Проф. С. В. ПОЗНЫШЕВ

ПРЕСТУПНИКИ ИЗ-ЗА АЛИМЕНТОВ

ТИПЫ ИХ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НИМИ

1 · 9 · 2 · 8
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Проф. С. В. ПОЗНЫШЕВ

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕСТУПНЫЕ ТИПЫ

Стр. 256. Ц. 2 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Введение. Криминально-психологическое изучение преступника, его задачи, необходимость и значение. I. Преступный тип. II. Два основные преступные типа: эндогенные и экзогенные преступники. III. Основные и дополнительные признаки преступного типа. IV. Экзогенные преступники. V. Эндогенные преступники. VI. Импульсивные преступники. VII. Эмоциональные преступники. VIII. Преступники расчетливые-рассудочные. IX. К вопросу о программе криминально-психологического исследования.

124/278

Проф С. В. ПОЗНЫШЕВ.

ПРЕСТУПНИКИ ИЗ-ЗА АЛИМЕНТОВ

ТИПЫ ИХ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НИМИ

1699/4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва. Пятницкая, 71.
Гл. А-3175. С.20. Гиз № 24303.
Заказ № 5386. Тираж 5.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Занимаясь в течение ряда лет систематическим изучением заключенных московских исправительно-трудовых учреждений, я не мог не заметить некоторых особенностей, общих тем из этих заключенных, которые совершили преступления — и иногда очень тяжкие — из-за алиментов. Казалось бы, то обстоятельство, что в генезисе какого-либо кровавого преступления фигурируют в той или иной роли алименты, составляет чисто внешний признак, по которому нет оснований выделять данные деяния из общей массы насильственных преступлений. Однако, с этим внешним признаком соединяется обыкновенно ряд психологических особенностей, на которые положительно необходимо обратить пристальное внимание для правильной постановки борьбы с этой преступностью. Ручьям льющейся из-за алиментов крови нужно положить конец. Этого нельзя сделать без внимательного изучения особенностей данной группы преступников и без учета этих особенностей как при разработке плана целесообразного социально-педагогического воздействия на все общество в целом, для противодействия росту этой преступности, так и при организации правильно поставленного исправительно-трудового воздействия на виновников этих преступлений в местах заключения. Изучение этиологии этих преступлений показывает, что, с одной стороны, в них нередко слышится голос предрассудков, присущих некоторым группам населения и требующих широких просветительных мер для своего рассеяния, а с другой стороны, — часто почвой для них служит недоразвитие сознания их виновников до тех высоких и вполне справедливых тре-

бований, которые предъявляет к родителям закон. В сочетании с этими факторами скупость и алчность, месть, ненависть и злоба, а иногда и некоторые другие чувства, подсказывающие нанесение вреда другому человеку, — напр., ревность и т. п., — и приводят к кровавой расправе из-за алиментов. Считая энергичную борьбу с преступлениями этого рода одной из важнейших задач современности и принимая во внимание всю социальную важность изучения особенностей этой категории преступников, я выбрал из своей обширной коллекции насильственных преступлений ряд случаев, которые могут послужить примерами, ярко и выпукло обрисовывающими различные типы преступников из-за алиментов, встреченные мною во время моих исследований. Для каждого из этих типов необходима своя, несколько отличная система исправительно-трудового воздействия. В главах настоящей небольшой работы, посвященных анализу отдельных типов этих преступников, даны и общие практические указания на характер и направление отвечающего их свойствам исправительно-трудового воздействия.

В собирании материалов для этой работы ценную помощь мне оказали мои ассистенты: М. К. Александров-Дольник, А. С. Иванов, Н. Г. Кельберер, А. А. Климушкин, Б. М. Наумов, И. И. Станкевич и Н. В. Терзиев, которым я и приношу за их содействие глубокую благодарность.

АВТОР.

3 сентября 1927 г.

I.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Просматривая хронику происшествий и судебные отчеты, нельзя не заметить, что число уголовных дел, среди внутренних пружин которых видную, а иногда и первенствующую, роль играют алименты, — растет. Вглядываясь в эти дела, невольно удивляешься той жестокости и решительности, с какою люди из-за алиментов идут на тягчайшие преступления, причем совершают эти преступления с большой обдуманностью, методичностью и хладнокровием. При этом часто оказывается, что в прошлом этих людей нет никаких судимостей, что именно из-за алиментов они впервые предстали перед уголовным судом в качестве обвиняемых в кровавом преступлении. Что же случилось с ними, когда их присудили к алиментам, или когда еще только наметилась перспектива такого присуждения? Почему эти люди, ранее не сталкивавшиеся с уголовным судом и законом, оказались способными на кровавую расправу из-за алиментов? Какое изменение в динамику их психической жизни внесла эта перспектива платежа алиментов? Казалось бы, обязанностью платить алименты на жизнь человека вовсе не налагается такой тяжести, от которой трудно избавиться, не сбросив ее при помощи преступления. Во всяком случае материальная тяжесть этой обязанности, если и может сказаться так сильно, что доведет до преступления, то лишь после того, как человек более или менее долго бился над выполнением ее, а преступления из-за алиментов совершаются обыкновенно или до платежа таковых, или в самом

начале исполнения обязанности платить их, когда тяжесть этой обязанности не могла еще чувствоваться так сильно. В чем же кроются истинные внутренние пружины этих преступлений? Дать ответ на этот вопрос и составляет первую задачу научного изучения этих преступлений.

Причины всякого преступления, — в частности, и преступлений, совершаемых из-за алиментов, — очень сложны и разнообразны. В общем они сплетаются как бы в два корня: один лежит в личности преступника и слагается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Те элементы, из которых слагается «личный» корень преступления, можно назвать эндогенными факторами, а те внешние события, которые толкнули субъекта на преступление, — экзогенными факторами этого преступления. В происхождении каждого преступления участвуют и те и другие факторы, только в одних случаях преобладающая роль принадлежит факторам эндогенным, а в других, наоборот, — экзогенным. Но ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности. Нарисуйте какую угодно цепь внешних событий, все равно для того, чтобы под влиянием их произошло преступление, необходимо прибавить к ним известный склад личности. Личность иного склада, в тех же условиях, или совершит иное преступление, чем данное, или вовсе не совершит преступления, а найдет иной выход из своего положения, — может быть, кончит самоубийством, пойдет просить милостыню, помирится с родственниками, с которыми была в ссоре, и попросит у них прощения, переменит профессию, вступит в выгодный брак и т. д. Если же нарисовать картину таких условий, при которых для человека исчезает возможность выбора, и он фатально влечется к преступлению, как к реакции на полученные им впечатления, то к таким случаям не может быть прилагаемо понятие преступления. Это — несчастные случаи, которые не могут влечь за собой никакой уголовной ответственности. Преступление предполагает вину, — умысел или неосторожность, —

а вина показывает, что в личности совершившего преступление есть нечто, что послужило корнем этого преступления. Глубочайшие корни преступности сокрыты в конституции преступника, которая создается и изменяется под влиянием, с одной стороны, окружающих личность внешних и, прежде всего, социальных условий, а с другой стороны — того, что организм данного субъекта получил в наследство от предков. Мысль о преступлении и даже желание его совершить, может появиться и у человека, неспособного решиться на преступление. Но у такого человека вслед за этой мыслью и желанием встает целый ряд противодействующих им представлений и чувствований, образующих, так сказать, «криминорепульсивную» часть его конституции. Под влиянием последней зашевелившееся желание преступления гаснет. Но если «криминорепульсивные» элементы конституции у данного человека ослаблены, находятся в состоянии распада или отсутствуют, он окажется способным совершить преступление, как скоро увидит в последнем средство удовлетворить известную свою потребность.

И тогда возникнет вопрос, что же делать с этим человеком?

Для того, чтобы разумно решить, какие меры надо применить к нему, в целях удаления его с преступного пути, нужно, во-первых, знать, что именно в его личности послужило корнем его преступления и каким изменениям должны подвергнуться эти элементы его личности, а во-вторых, — какого рода психологическому воздействию должен он подвергнуться для того, чтобы было достигнуто то именно изменение его личности, которое необходимо в общественных интересах. Для решения этих вопросов необходимо выяснить, к какой разновидности преступного мира принадлежит данный субъект, и иметь ряд общих сведений о присущих представителям этой разновидности криминогенных особенностях и о целесообразных способах воздействия на них. Каждый преступный тип требует особого подхода к себе как со стороны органов розыска, следствия и суда, так и со стороны работников исправительно-трудовых учреждений. В дальнейшем изложении мы и остановимся главным образом на установле-

нии и анализе разных типов преступников, совершивших свои преступления из-за алиментов.

Не подлежит сомнению, что борьба с этими преступлениями составляет одну из важнейших задач современности. Эта борьба должна заключаться не в возмездии этим преступникам и не в простом запугивании их наказанием, а в предупреждении преступлений этого рода путем целесообразного социально-педагогического воздействия на все общество в целом и путем правильно поставленного исправительно-трудового воздействия на данную категорию преступников. Важнейшим условием успеха всякой борьбы является знание противника. И чем полнее и глубже это знание, тем лучше. Для того, чтобы положить конец преступлениям из-за алиментов, чтобы, по крайней мере, значительно снизить волну преступности этого рода, хотя бы лишь тягчайших ее форм, необходимо, с одной стороны, внимательно изучить данную категорию преступников, а с другой стороны, — найти ряд мер такого воздействия на них, которое направлялось бы как раз на те стороны их личности, которые послужили корнями их преступлений. При этом, конечно, так как лица, совершающие эти преступления, являются носителями различных преступных типов, то и меры, принимаемые в отношении их, должны быть, разнообразны по своей силе и содержанию и должны стоять в соответствии с криминогенными элементами их личности. Следовательно, необходимо внимательно изучить «личный корень» преступности виновников этих преступлений, разобрать нити, из которых он состоит, и найти средства так или иначе парализовать и разложить его, по крайней мере, настолько, чтобы он утратил свое криминогенное значение.

Изучение психологии «алиментных» преступлений лучше всего начинать с ярких случаев сравнительно тяжких форм преступности, возникших на этой почве. Как через увеличительное стекло, в них особенно отчетливо видны те внутренние пружины, которые в менее ярких и менее тяжких случаях действуют лишь слабее и затемнены другими факторами, ослаблявшими и задерживавшими их действие.

Но прежде чем перейти к анализу подобных случаев, необходимо, хотя бы ненадолго, остановиться на характеристике и значении той обязанности платить алименты, которая служит толчком к совершению рассматриваемых преступлений. Последние возникают под ее давлением. Отражение ее в психике данного субъекта служит началом того психического процесса, который затем закончился у данной группы представителей преступного мира теми или иными преступлениями.

II.

ПРАВА И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ. МОРАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПЛАТИТЬ АЛИМЕНТЫ.

Через все советское законодательство красною нитью проходит полное юридическое равенство женщин и мужчин. Это равенство находит свое выражение и в сфере родительских обязанностей. Прежнее подчиненное положение женщины, которое было юридически закреплено в различных местах старого, дореволюционного законодательства, теперь отошло в область истории. Старое право видело в женщине — существо, неспособное к активному участию в политической жизни. Оно не давало женщинам политических прав. Оно считало их неспособными к занятию почти всех государственных должностей. Советское право, напротив, дало женщинам те же политические права, как и мужчинам, и не установило никаких особых для них ограничений совершать те или иные юридические действия, поступать на службу, вступать в различные дозволенные юридические сделки и т. д. По конституции РСФСР (ст. 68) право избирать и быть избранным в советы не зависит от пола. Затем, нельзя не отметить целого ряда правительственных мер, направленных к тому, чтобы как можно более вовлечь женщин в общественную и государственную работу. Еще в постановлении VIII съезда советов — в декабре 1920 г. — говорилось о привлечении работниц и крестьянок «во все экономические органы, разрабатывающие и осуществляющие

общехозяйственный план» [1]) В апреле 1921 года был сделан новый шаг в том же направлении, — декретом Совета народных комиссаров от 11 апреля 1921 г. о практикантстве. Этим декретом было введено практикантство как метод массового привлечения работниц и крестьянок к работе в отделы исполнительных комитетов и в его учреждения [2]). Однако, переход учреждений на твердый бюджет и предприятий на хозяйственный расчет заставил откказаться от «практикантства», как массового метода привлечения работниц и крестьянок к государственной работе. Но мысль об этом не была оставлена и вскоре, — декретом Совета народных комиссаров от 24 апреля 1922 г., — были уста-

---

[1]) Собрание узаконений и распоряжений Раб .и Кр. Пр. 1921 г., № 1, ст. 12.

[2]) Этот декрет постановлял:

1. «С целью установления связи советских учреждений с широкими массами трудящихся, оживления советского аппарата и постепенного освобождения его от бюрократических элементов, Совет народных комиссаров признал целесообразным и необходимым привлекать к практической работе в Отделы исполнительных комитетов и его учреждения работниц и крестьянок через Отделы работниц Российской коммунистической партии».

2. «Количество практикантов и функции их в Отделе исполнительного комитета устанавливаются каждым комиссариатом в отдельности, совместно с Центральным комитетом, Отделом работниц».

3. «За свою временную деятельность в Отделах исполнительного комитета в течение двух месяцев практикантка числится за предприятием, из которого она откомандирована, сохранив за собою полностью натуральное довольствие, в том числе и квартирные, вознаграждение же практикантка-работница получает в Отделе исполнительного комитета, в котором работает, по ставке инструктора».

«Примечание. Крестьянки и домохозяйки, не работающие в предприятиях, зачисляются в качестве инструкторов и получают на общих основаниях вознаграждение и натуральное довольствие, а в волостях наравне с членами волостного исполнительного комитета».

4. «По истечении срока командировки практикантка возвращается в свое предприятие или зачисляется на постоянную службу в Отдел исполнительного комитета». См. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921 г., № 35, ст. 186.

новлены следующие правила о привлечении работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях:

1. «Практикантство, как метод привлечения работниц и крестьянок к советской работе в общероссийском масштабе, отменяется».

2. «Губернские и уездные исполнительные комитеты советов или руководящие органы отдельных учреждений имеют право, по соглашению с местными организациями работниц и соответствующими предприятиями, сохранить практикантство работниц и крестьянок с оплатой их за счет пользующихся их услугами учреждений».

3. «Для подготовки работниц и крестьянок к занятию ответственных должностей, городские советы через организации работниц должны привлекать наиболее способных делегаток к работе в секциях городских советов».

4. «Привлеченные к работе в секциях городских советов делегатки освобождаются в часы занятий в секциях от их обычной работы и оплачиваются за счет предприятий по их среднему заработку».

5. «При выборах и при назначениях в разные учреждения и организации, исполнительные комитеты и другие руководящие местные советские органы должны проводить делегаток — работниц и крестьянок» [1]).

В 1924 г. ЦИК Союза ССР в циркуляре, изданном к международному женскому дню, предлагал центральным исполнительным комитетам всех союзных республик «принять срочные меры по предоставлению членам советов — работницам и крестьянкам — возможности различных практических заданий по текущей деятельности сельских советов и волостных исполнительных комитетов». В том же 1924 году состоялось постановление ВЦИКа одиннадцатого созыва об усилении участия в общественной жизни крестьянок и батрачек, в котором, между прочим, отмечалось «незначительное участие трудящихся женщин в работе советов и, особенно, в качестве членов сельских советов, волостных исполнительных комитетов»:—«Крестьянка, работница, батрачка—должны стать активными участниками советского строительства».

[1]) Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1922 г., № 31, ст. 371.

«Предстоящая работа по улучшению советского аппарата, по поднятию хозяйства и т. д., больше, чем когда-либо, требует деятельного участия в ней всего трудящегося населения деревни, в том числе активного участия трудящейся женщины».

Всероссийский центральный исполнительный комитет предлагает: принять меры к усилению участия в общественной жизни крестьянок и батрачек и к избранию лучших из них в члены сельских и волостных исполнительных комитетов» [1]).

Далее, третий съезд Советов Союза ССР отметил в своих постановлениях желательность возможно широкого участия женщин в советах и недостаточное участие женщин в выборах в советы. На основании этих постановлений ЦИК Союза ССР 10 июня 1925 г. издал циркуляр «О работе крестьянок в советах», в котором, между прочим, предписывалось возможно широкое вовлечение крестьянок как в выборную кампанию в советы, так и в состав последних. Согласно этому циркуляру во время выборных кампаний крестьянки должны принимать самое живое и непосредственное участие в избирательных собраниях, вводиться в состав президиумов избирательных собраний, принимать участие в обсуждении кандидатур, выставлять кандидатов в члены советов и т. д. В самих советах крестьянки — члены советов должны принимать живое участие в расширенных заседаниях исполнительных комитетов как волостей, так и уездов и губерний. Они должны вводиться в состав президиумов исполнительных комитетов, в секции и комиссии, разрабатывающие вопросы понятные крестьянам-депутатам. Вскоре после этого ЦИК Союза ССР издал циркуляр, которым предписывалось привлечение женщин к работе в городских советах [2]).

[1]) Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1924 г., № 82, ст. 828.

[2]) Излагаемые циркуляры см. в «Власть советов» 1925, №№ 30, 36.

6 июля 1926 г. Президиум ЦИКа обратился к ЦИКам РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, Уз. ССР, Турк. ССР и предлагал, между прочим, обратить внимание на необходимость большего вовлечения в практическую работу советов работниц и крестьянок [1]).

Приведенный перечень законодательных актов и правительственных распоряжений достаточно красноречиво говорит о том, что женщине в настоящее время не только предоставлены равные с мужчиной права государственной и общественной службы, но что правительство все время стремится как можно более вовлечь женщину в государственную и общественную работу. И постепенно процент женщин в личном составе разных государственных органов повышается. Так, напр., в 1924/25 г. процент женщин в сельсоветах, по сравнению с 1922 г., увеличился в 8½ раз, в волостных съездах — почти в 7 раз, в волисполкомах — более, чем в 6 раз, в городских советах губернских городов — почти вдвое, а в уездных городах — даже несколько более, чем вдвое и т. д. [2]). О росте числа делегаток за последние годы может дать ясное представление сопоставление данных 1924/25 и 1925/26 гг. Вот как выразился этот рост по отдельным районам:

Число делегаток.

Годы:	10 промыш. губ.	21 земл. губ.	Уральск. обл.	Сибирь.	ДВО.	Украина.
1924—25	74 525	86 088	28 140	30 281	6 863	53 376
1925—26	132 521	121 247	40 552	52 057	9 968	55 866
Изменения за год в %	77,8%	40,8	44,1	71,9	45,2	4,7 [3])

[1]) См. «Материалы к перевыборам делегатского собрания работниц и крестьянок на 1926/27 г.». Отдел ЦК ВКП (б) по работе среди работниц и крестьянок. Москва, 1926, стр. 44.

[2]) См. диаграммы в книге В. В. Соколова. Права женщины по советским законам. 2-е изд. НКЮ. Москва, 1926, стр. 25, сл.

[3]) См. «Материалы к перевыборам делегатского собрания работниц и крестьянок на 1926/27 год». Отдел ЦК ВКП (б) по работе среди работниц и крестьянок. Москва, 1926, стр. 33.

Среди делегаток было азбучно-неграмотных в 1924/25 г.— 22,6%, а в 1925/26—23,9%. В некоторых местах этот % был гораздо выше, доходя, напр., в Сибири в 1924/25 г.— до 31,6%, а в 1925/26 г. до 37,7%, а в Закавказьи — в 1924/25 г. — 53,7%, в 1925/26 — 42,1% [1]). Значительное большинство женщин-депутаток — коммунистки [2]). Однако, все-таки до сих пор еще в общем процент женщин в личном составе советов и исполнительных комитетов сравнительно невелик. Невелик, между прочим, и процент женщин, участвующих в работе судебных учреждений. Так, на 1925 г., напр., среди народных заседателей женщины составляли лишь 15%. Между тем Народный комиссариат юстиции неоднократно останавливался в своих циркулярах на желательности возможно широкого вовлечения женщин в судебную работу. В циркуляре № 50 за 1925 год [3]), — изданном к международному дню работниц 8 марта 1925 г., — между прочим, говорилось: «Народный комиссариат юстиции считает нужным подчеркнуть перед органами суда и прокуратуры необходимость еще раз просмотреть и проверить свою работу в области вовлечения именно женщин-работниц и крестьянок в работу суда, всемерной защиты их интересов в области материальной и политически-правовой, организации надлежащей и достаточно близкой помощи им при осуществлении этой защиты, а равно в области поднятия уровня их знаний прав, предоставляемых женщине-работнице и крестьянке советским законодательством». Затем, наметив ряд практических мер к более широкому вовлечению женщин в судебную работу и по охране их прав, как матерей и хозяек, циркуляр заканчивал выражением уверенности в следующем: «Народный комиссариат юстиции уверен, что работники суда и прокуратуры при проведении выше-

[1]) Там же, стр. 39.

[2]) Соколов, у. с., стр. 34.

[3]) «О вовлечении женщин — работниц и крестьянок в работу суда и о мероприятиях по защите ее прав, как матери и как хозяйки». Еженедельник советской юстиции, 1925, № 9. См. также Сборник циркуляров НКЮ за 1922—1925 гг. Москва, 1926, стр. 393 сл.

указанной работы будут твердо помнить лозунг В. И. Ленина, подчеркнутый в декрете ЦИК о мероприятиях в отношении работниц и крестьянок ко дню 8 марта 1924 г. о том, что «дело советской власти будет доведено до конца, когда в нем примут участие не сотни, а миллионы и миллионы работниц и крестьянок».

В своих более поздних циркулярах, — (напр., в циркуляре от 26 октября 1925 года за № 213, «о перевыборах членов губернских и сбластных судов, запасных и народных судей и народных заседателей на 1926 год [1]), — Народный комиссариат юстиции не раз опять возвращался к вопросу о более широком вовлечении женщин в судебную работу.

Ряд шагов, направленных к вовлечению женщин в работу по социальному страхованию и в инспекцию труда был сделан Народным комиссариатом труда, который признавал весьма желательным вообще привлечение женщин на работу в этом комиссариате, в частности, и на должность инспектора труда, особенно в районах, где женский труд имеет большое применение [2]). «Назад инспекции труда» содержит в себе специальные указания на охрану женского труда [3]). Он предписывает инспектору труда обращать внимание на то:

а) не работают ли женщины ночью; если работают, то имеется ли соответствующее разрешение и что препятствует исключению женщин из ночных смен. Надо заметить, что в Кодексе законов о труде установлены особые правила относительно труда женщин и инспекция труда должна следить за строгим соблюдением последних [4]). По

---

[1]) Еженедельник советской юстиции. 1925 г., № 42—43.

[2]) См. циркуляр НКТ от 14 ноября 1924 г. № 468/605 о вовлечении женщин-работниц в работу по социальному страхованию. Известия НКТ СССР, 1924 г., № 45. См. также циркуляр НКТ и ВЦСПС от 20 февраля 1923 г. за № 101/721 о выдвижении на должность инспекторов труда подходящих кандидаток из наиболее способных и энергичных работниц.

[3]) См. постановление НКТ СССР от 16 октября 1923 г. № 123, § 30.

[4]) Ст. 129 сл. Кодекса законов о труде.

этим правилам для женщин и подростков устанавливаются особые предельные нормы переноски тяжестей; женщины и лица моложе 18 лет не допускаются к ночным работам; лишь в виде исключения в некоторых отраслях производства, где это необходимо, с специального разрешения, допускается ночная работа взрослых женщин; безусловно не допускается ночная и сверхурочная работа беременных и кормящих грудью; освобождаются от работ женщины, занятые физическим трудом, в течение 8 недель до и 8 недель после родов, а занятые конторским и умственным трудом в течение 6 недель до и 6 недель после родов; для кормящих грудью устанавливаются, сверх общих, еще дополнительные перерывы в работе. Наказ инспектора труда требует, чтобы инспекторы наблюдали за соблюдением всех этих правил [1]);

б) инспектор труда должен выяснить, не допускаются ли женщины к тяжелым, особо вредным и подземным работам, а также к переноске тяжестей сверх установленных НКТ предельных норм [2]);

в) не допускаются ли беременные и кормящие грудью женщины к сверхурочным и ночным работам;

г) не производится ли посылка беременных, начиная с пятого месяца, в командировку вне места постоянной работы (ст. 133 Код. зак. о тр.);

д) предоставляются ли работницам установленные отпуска по беременности и материнству;

е) пользуются ли женщины, кормящие грудью, помимо общих перерывов, дополнительными перерывами для кормления (не реже, чем через каждые $3\frac{1}{2}$ часа и продолжительностью не менее $\frac{1}{2}$ часа), и засчитываются ли получасовые перерывы в счет рабочего времени [3]);

---

[1]) В примечании наказ говорит, что инспектор труда должен выяснить, не имеется ли специального постановления НКТ, разрешающего применение ночного труда женщин в данном производстве или данном предприятии.

[2]) Постановление НКТ 4/III 1921 г.

[3]) Ст. 134 Кодекса законов о труде.

ж) имеются ли при предприятии ясли и удовлетворяют ли они всех нуждающихся в них [1]).

Однако до сих пор число женщин, работающих в инспекции труда, незначительно. Вообще женщины до настоящего времени далеко не использовали всех возможностей государственного служения, открытых для них законодательством. Нельзя не признать, что до сих пор они недостаточно активны, особенно в деревнях. Это отмечалось, между прочим, и на недавно происходившем (с 10 октября 1927 г.) Всесоюзном съезде работниц и крестьянок [2]); там было отмечено, что на последних выборах в сельсоветы избирательное право имели 22 369 тысяч женщин, а явились на выборы 6 541 тыс. женщин или 29%, тогда как мужчин явилось на выборы 67%, т. е. более, чем в два раза, чем женщин [3]). Но на съезде отмечалось, между прочим, и то, что активность женщин постепенно увеличивается; приводились такие цифры, рисующие участие женщин в государственном управлении: во всем Советском Союзе — 620 000 делегаток, из них 96 000 — работниц, 26 000 — батрачек, 380 000 — крестьянок, 57 000 — домашних работниц, 51 000 — домохозяек. За 5 лет работы делегатских собраний через них прошло почти 2 миллиона женщин, принимавших деятельное участие в советской и общественной работе [4]). Отмечая в своих резолюциях постепенный рост участия женщин в государственном управлении, съезд, между прочим, признал, что «необходимо повысить процент участия работниц, крестьянок и домашних работниц в составе советов и их подсобных органов, а также в техническом аппарате советов, дабы трудящаяся женщина могла охватить все ступени советской работы как в самих советах, так и вне их» [5]).

[1]) Нарушения постановлений об охране труда женщин подпадают под ст. 133 УК (ред. 1926 г.). Циркуляр НКЮ 1922 г., № 47, § 1, п. «г» указывал, что эти нарушения влекут за собой ответственность по ст. 132 УК (старой редакции).

[2]) Этот съезд был вторым по счету; первый съезд происходил в ноябре 1918 г. См. Известия ЦИК СССР, 1927, №235.

[3]) См. Известия ЦИК СССР, 1927, № 235.

[4]) См., напр., Известия ЦИК СССР, 1927, № 236.

[5]) Известия ЦИК СССР, 1927, № 238.

В другом своем постановлении съезд говорит, что «расширение участия работниц и крестьянок в работе советов и их органов должно итти одновременно с усилением их участия в работе организаций советской общественности — кооперации, профессиональных союзах, земельных обществах, обществах крестьянской взаимопомощи, добровольных обществах, так как работа их тесно связана с работой советов» [1]).

Из всего сказанного выше ясно, что между дореволюционным и современным политическим и социальным положением женщины — разница очень большая. Эта разница сделается еще ярче, если сравнить прежнее и современное положение женщин в браке. Для этого достаточно провести хотя бы небольшую параллель между старыми дореволюционными законами, содержавшимися в I части X тома Свода Законов, и постановлениями современного брачного права.

По старым законам «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» [2]).

«Жена обязана преимущественным повиновением воле своего супруга, хотя притом и не освобождается от обязанностей в отношении к ее родителям» [3]).

Уйти от мужа, не последовать за ним, когда он, в силу тех или иных причин, менял местожительство, жена не могла. Закон гласил: «супруги обязаны жить вместе». «Посему: 1) строго воспрещаются всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов; 2) при переселении, при поступлении на службу или при иной перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним» [4]).

[1]) Известия ЦИК СССР, 1927, № 238.

[2]) Свод зак., т. X, ч. I, ст. 107.

[3]) Там же, ст. 108.

[4]) Там же, ст. 103. Для случаев, когда муж подвергался ссылке по суду, переселению или удалению по приговорам обществ и административным порядком существовали особые правила, изложенные в Уставе о ссыльных. (Ср. Свод зак., т. X, ч. I, ст. 104.)

Глубокой стариной веет от этих законов... Однако они сохраняли значительную часть своей силы до последнего времени. Конечно, жизнь заставляла практику разными способами смягчать, до известной степени, их суровость; жены нередко выхлопатывали себе отдельные виды на жительство и совсем или частью освобождались от власти мужей, но это удавалось лишь иногда и немногим. Во всяком случае брак устанавливал для женщины очень подчиненное положение, тяжесть которого она часто болезненно чувствовала. Эта тяжесть была тем более ощутительна, что развод допускался в старых законах лишь в редких случаях, по очень ограниченному числу поводов [1]).

Современное право — «Кодекс законов о браке, семье и опеке» 1926 г. — не знает уже того подчиненного положения женщины, которое устанавливалось дореволюционным брачным правом. По действующему праву супруги в браке равноправны.

«Оба супруга пользуются полной свободой выбора занятий и профессии». «Порядок ведения общего хозяйства устанавливается по взаимному соглашению». «Перемена местожительства одним из супругов не создает для другого супруга обязанности следовать за ним» [2]). «Имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак, остается раздельным их имуществом». «Имущество, нажитое в течение брака, считается общим имуществом супругов». «Размер принадлежащей каждому супругу доли в случае спора определяется судом» [3]). Закон разрешает супругам вступать между собою во все дозволенные законом имущественные договорные отношения, но соглашения между ними, направленные к умалению имущественных прав того или иного из них, недействительны; супруги в каждый данный момент свободно могут от них отказаться [1]). Каждый из супругов, если он впал в нужду и нетрудоспособен, или, хотя бы трудоспособен, но находится в состоянии безработицы, имеет право на содержание от другого супруга, если последний, по признанию суда, в состоянии оказывать ему поддержку. Оба супруга в одинаковой мере обязаны помогать друг другу содержать детей. Эта обязанность не обусловлена наличностью зарегистрированного брака. «Взаимные права детей и родителей, говорит закон [2]), основываются на кровном происхождении». «Дети, родители которых не состоят в браке, пользуются одинаковыми правами с детьми, родившимися от лиц, состоящих в браке». Но для того, чтобы субъект был юридически обязан участвовать в содержании ребенка, его отцовство или материнство должно быть установлено. Это устанавливается или на основании книги записей рождений, в которую записываются отец и мать новорожденного, или, — при отсутствии записи о родителях, неправильности или неполноте этой записи, — судебным порядком [3]). Порядок установления отцовства следующий. В целях защиты интересов ребенка матери предоставляется право в период беременности или после рождения ребенка подать заявление об отце ребенка в местный орган записи актов гражданского состояния по своему местожительству, указывая имя, отчество, фамилию и местожительство отца ребенка» [4]). О поступившем заявлении извещается лицо, названное в заявлении отцом. Если в течение месяца, со времени получения извещения о поступившем заявлении, этот субъект не представит возражения, то он записывается отцом ребенка, но за ним сохраняется право, — в течение года со дня получения извещения от органа записи актов

---

[1]) Ст. 45, ч. I, т. X, Свода зак. указывала лишь следующие поводы: доказанное прелюбодеяние; неспособность супруга к брачному сожитию; присуждение к наказанию, сопряженному с лишением всех или всех особенных прав и преимуществ; безвестное отсутствие. Самовольное расторжение брака без суда, по одному взаимному согласию супругов, ни в каком случае не допускалось; не допускались и никакие между супругами обязательства или иные акты, клонящиеся к разрыву супружеского союза. Священникам и церковным причетникам запрещалось, под каким бы то ни было предлогом и кому бы то ни было, писать разводные письма (ст. 46, ч. I, т. X, Свод зак.).

[2]) Ст. 9 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

[3]) Там же, ст. 10.

[1]) Ст. 13 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

[2]) Там же, ст. 25.

[3]) Там же, ст. 26—27.

[4]) Там же, ст. 28.

гражданского состояния, — возбудить спор против матери ребенка о неправильности ее заявления. Мать ребенка имеет право также с заявлением об установлении отцовства обратиться в суд. На субъекта, признанного отцом ребенка, суд налагает обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и шестимесячного срока после родов [1]). «Если суд при рассмотрении вопроса об отцовстве установит, что мать ребенка в период зачатия была в половых сношениях, кроме лица, указанного в ст. 28 настоящего Кодекса [2]), еще и с другими лицами, то суд постановляет решение о признании одного из этих лиц отцом ребенка и возлагает на него обязанности, предусмотренные ст. 31 Кодекса [3]) (ст. 32 Код. зак. о браке, семье и опеке).

Несмотря на то, что закон особыми постановлениями ограждает труд женщин беременных и кормящих грудью, несмотря на выдачу этим женщинам особых пособий по безработице [4]), не подлежит сомнению, что материальное по-

[1]) Ст. 29—31 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

[2]) Т. е. лица, указанного в поданном матерью ребенка заявлении в местный орган записи актов гражданского состояния.

[3]) Т. е. обязанности участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери последнего в течение ее беременности и шестимесячного срока после родов. Ст. 144 Код. зак. об актах гражданского состояния (прежней редакции) постановляла, что если суд установит, что мать ребенка была в близких отношениях не только с данным лицом, но одновременно с другими лицами, то он должен привлечь в качестве ответчиков и этих последних и возложить на всех их обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка. Эта статья в настоящее время отменена.

[4]) Ночная и сверхурочная работа женщин беременных и кормящих грудью не допускается вовсе (ст. 131 Код. зак. о тр.). Некоторые тяжелые работы запрещены этим женщинам. (См. постановление НКТ и НКЗ от 5 сентября 1919 г.) Помимо общих перерывов в работе для женщин, кормящих грудью, правилами внутреннего распорядка устанавливаются особые перерывы, причем такие перерывы не могут быть реже, чем через 3½ часа. Имеющим право на пособие по безработице женщинам беременным и роженицам, независимо от их категории, выдается пособие, установленное для безработных первой категории, причем

ложение женщины беременной или имеющей ребенка и оставленной мужчиной нередко бывает тяжелым, и закон поступает правильно, требуя, чтобы, независимо от наличности брака, отец помогал матери в содержании ребенка.

Содержание и воспитание детей составляет естественную обязанность родителей. Невыполнение или плохое выполнение этой обязанности часто влечет гибель детей или создает для них положение беспризорности, которое, затем, в свою очередь, часто служит причиной их физической или нравственной гибели. Детская беспризорность является главной причиной так называемой «детской преступности» [1]). На почве этой беспризорности нередко вырабатываются самые опасные и трудно исправимые преступники. Наблюдение показывает, что детская беспризорность служит главным источником, из которого вырастают кадры армии профессиональных преступников, а эта армия, к сожалению, повсюду быстро пополняется и растет. В ней много подростков, которые с детства учились преступлению и нередко уже в отроческом возрасте достигли поразительного искусства в нем. В этой армии есть свои обычаи и законы, свои знаки отличия и герои, свои легендарные сказания, вдохновляющие на разные «криминальные подвиги», своя особая жизнь, в атмосфере которой из детей быстро вырабатываются такие характеры, перед которыми потом с чувством беспомощности и смущения опускаются руки тех, кто захочет подойти к ним с воспитательными приемами.

Принимая на себя общую обязанность охраны детства, борясь с детской беспризорностью, с преступностью взрослых и подростков и не имея возможности взять на себя заботу

это пособие выдается в течение 6 недель до родов и шести недель после родов. Особое пособие по беременности и родам не засчитывается в предельный срок пособия по безработице. Кроме того, на кормление ребенка и на предметы ухода за новорожденным могут быть выданы особые дополнительные пособия в размере: первое из этих пособий — ¼ средней месячной заработной платы данной местности, а второе — в размере средней заработной платы данной местности.

[1]) См. мою книгу: Детская беспризорность и меры борьбы с ней, изд. «Новой Москвы», 1926, стр. 4.

о всех детях, государство не может относиться равнодушно к тому, как выполняются родителями их обязанности в отношении детей. Оно неизбежно должно дать известное выражение этой обязанности в законах и обеспечить ее выполнение достаточно серьезными санкциями. Наше законодательство, предоставляя родителям известные «родительские» права, возлагает вместе с тем на них ряд серьезных обязанностей. Оно требует, чтобы своими родительскими правами они пользовались исключительно в интересах детей, и, в случае неправомерного осуществления этих прав, лишает их последних [1]). Они обязаны заботиться о личности несовершеннолетних детей, об их воспитании и подготовке к полезной деятельности и должны защищать личные и имущественные интересы детей, являясь их представителями как на суде, так и вне суда [2]). Родители обязаны доставлять несовершеннолетним, нетрудоспособным и нуждающимся детям пропитание и содержание, если эти дети не находятся на общественном или государственном иждивении. Эта обязанность лежит на каждом из родителей в равной мере, причем размер выдаваемого ими содержания определяется в зависимости от их материального положения, но сумма, затрачиваемая каждым из родителей, не может быть менее ½ прожиточного минимума, установленного для ребенка в данной местности. Родители, не могущие уплатить свою долю полностью, уплачивают часть ее. При различном имущественном положении родителей и по другим уважительным причинам суд может установить для родителей различный размер участия в исполнении обязанности содержать ребенка (ст. 52 Код. зак. о браке, семье и опеке) [3]).

При расторжении брака разводом выясняется, кто из родителей и в какой мере должен нести издержки по содержанию и воспитанию детей. Если между разводящимися родителями есть соглашение о размерах их участия в содержании и воспитании детей, то орган, регистрирующий развод,

[1]) Ст. 153 Код. зак. об актах гражд. сост. Ст. 33 Код. зак. о браке, семье и опеке.

[2]) Ст. 41, 43 Код. зак. о браке, семье и опеке.

[3]) Ст. 42, 48, 51 — там же.

вносит это соглашение в книгу регистрации прекращения браков. Но соглашение родителей не лишает детей права отыскивать с каждого из родителей причитающееся им содержание. При отсутствии соглашения между родителями вопрос об их обязанности содержать детей разрешается местным судом особо; в этом случае судья разрешает вопрос о том, кто из родителей и в какой мере несет издержки по содержанию детей, временно, до разрешения спора о том местным народным судом. При разрешении этого вопроса суд должен принимать во внимание как средства и трудоспособность родителей, так и невозможность для трудоспособной матери иметь заработок по причине ухода за детьми или беременности [1]). При взыскании алиментов с члена крестьянского двора, ведущего общее хозяйство, когда его личных средств недостаточно для обеспечения ребенка, последний имеет право на получение содержания из той доли общего имущества, которая причитается назв. члену двора, но взыскание может быть обращено лишь на денежные суммы и продукты хозяйства (ст. 56 Код. зак. о браке, семье и опеке).

Неплатеж алиментов составляет гражданское нарушение, дающее основание для иска [2]). Но при известных условиях неплатеж алиментов составляет уже преступление, о котором говорит ст. 158 Уголовного кодекса (ред. 1926 г.). Эта статья наказывает родителей лишением свободы на срок до 6 месяцев или штрафом до 300 руб. за злостное, несмотря на имеющуюся к тому возможность, уклонение от платежа присужденных судом средств на содержание детей [3]). А в последней своей части она угрожает теми же наказаниями за оставление родителями малолетних детей без всякой поддержки, а равно за понуждение детей к занятию нищенством. Если сравнить эту статью со статьей 165а Уголовного кодекса прежней редакции, то станет ясно

[1]) Ст. 22—24 Код. зак. о браке, семье и опеке.

[2]) Ст. 165а прежней редакции УК наказывала вообще за неплатеж алиментов и вообще за оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки.

[3]) Ст. 158 имела в виду случаи неплатежа алиментов нетрудоспособному супругу. На это указал В. с. в разъяснении пленума от 20 дек. 1926 г.

ее большое преимущество. Статья 165а говорила просто о неплатеже алиментов (средств на содержание детей). Статья же 158 Уголовного кодекса говорит о злостном уклонении от платежа алиментов, т. е. об уклонении умышленном, в смысле ст. 10 Уголовного кодекса, следовательно, совершенном, с одной стороны, с сознанием затруднительного положения другого родителя, у которого находится ребенок, и самого ребенка, а с другой, — с сознанием своей обязанности по закону участвовать в расходах на содержание детей. Следует добавить, что в ст. 158 нет того ограничения, которое было в ст. 165а, именно, указания на несовершеннолетие детей. Последние могут быть и совершеннолетними. Для состава этого преступления необходимы, далее, следующие условия: во-первых, наличность у уклонившегося от платежа алиментов возможности платить таковые и, во-вторых, предварительное возложение судом на данное лицо обязанности уплачивать алименты. Может возникнуть вопрос: применяется ли эта статья к случаям, когда субъект, — при прочих, указанных в этой статье условиях, — платит алименты, но в меньших, чем присудил суд, размерах, и уклоняется от больших платежей? Я полагаю, что на этот вопрос надо ответить утвердительно. Действительно, ст. 158 говорит о злостном уклонении от платежа тех алиментов, которые присуждены судом, т. е., значит, в частности, и того размера, какой указан в решении суда.

В своей второй части статья 158 наказывает, — теми же наказаниями, какие указаны в ее первой части, — оставление малолетних детей без всякой поддержки, а равно понуждение детей к занятию нищенством [1]). Так как малолетними, в соответствии со статьей 12 Уголовного кодекса, должны признаваться дети до 14 лет, то, значит, оставление без поддержки только детей этого возраста, а не всех несовершеннолетних детей, может быть подводимо под эту часть ст. 158. Закон говорит об оставлении без всякой

[1]) Для ответственности по этой статье не требуется, чтобы дети стали действительно нищенствовать, достаточно одного понуждения к нищенству, т. е. физического принуждения к этому или принуждения психического, посредством угроз.

поддержки. Но это не значит, что для применения этой статьи необходимо, чтобы субъект совсем ничего не давал ребенку. Если то, что он дает, настолько ничтожно, что не может быть, названо «поддержкой» ребенка, ответственность по 2 ч. ст. 158 может иметь место. Само собою разумеется, что вопрос о том, имеется ли в данном случае, хотя бы недостаточная, поддержка ребенка, или нет, есть вопрос фактический, который должен быть, решен судом, смотря по всем обстоятельствам дела, с учетом трудоспособности и материальных средств родителя, уклоняющегося от поддержки ребенка. Для применения 2 части статьи 158 не требуется, чтобы предварительно, т. е. еще до уклонения родителя от поддержки ребенка, судом была установлена его обязанность поддерживать ребенка. Но для применения этой статьи нужен умысел, а, значит, и сознание субъекта, что он, как родитель, обязан по закону поддерживать своего ребенка. Для состава этого преступления не требуется уверенности родителя, что этот ребенок — его. Его сомнения в этом не снимают с него этой ответственности. Но при наличности фактов, определенно указывающих субъекту, что ребенок этот — не его, при уверенности субъекта в последнем или, хотя бы при добросовестном заблуждении его в этом — умысел отсутствует и 2 часть ст. 158 не может иметь применения.

Из всего сказанного выше ясна та обрисовка, которую дает наше законодательство обязанности платить алименты. Оставляя пока в стороне вопрос о юридических мерах, которыми может быть прочно обеспечено соблюдение этой обязанности, отмечу лишь, что эта обязанность имеет под собой твердое моральное и социальное основание и обставлена в законе такими условиями, при которых, казалось бы, никогда не должна бы была служить толчком к преступлениям, во всяком случае к таким преступлениям, как убийство или изувечение женщин и детей. А между тем практика показывает иное: подобные преступления на этой почве совершаются очень нередко. Каковы же те особенности психологического действия этой обязанности, которые приводят в результате к подобной кровавой расправе?

III.

ИМПУЛЬСИВНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ ИЗ-ЗА АЛИМЕНТОВ.

Для того, чтобы ясно представить себе, как складывается преступное настроение под влиянием наложенной на субъекта обязанности платить алименты или перспективы подобной обязанности, обратимся к фактам живой действительности, к двум-трем примерам из летописи нашего уголовного суда за последние годы. Вот один из весьма интересных случаев.

28 ноября 1926 г. один из больных санатория «Воробьевы Горы», прогуливаясь по берегу Москвы-реки, заметил торчащую из воды руку, о чем и сообщил властям. Оказалось, в этом месте лежал почти затянутый илом труп молодой женщины. Труп был обмотан довольно тонкой проволокой, к концу которой было прикреплено чугунное колесо от вагонетки, весом около пуда. Экспертиза установила, что труп пробыл в воде недели 3 и что покойная умерла насильственной смертью от асфиксии, хотя точно установить характер насилия, — в виду долгого пребывания трупа в воде, — не представлялось возможным. В покойной была опознана Анна Горшкова 17 лет, жившая в одной семье по соседству с санаторием, в качестве няни. 3 ноября 1926 г. она, распродав кое-какое имущество (кровать, 2 коврика) и захватив в узелок остатки, в 7½ часов вечера ушла и более не вернулась. Уходя, она зашла к одной своей родственнице, служившей в санатории, и сказала ей, что направляется в город родить и уплатить деньги за помещение ребенка в приют. На замечание, что в ее положении не безопасно отправляться одной в такую сравнительно позднюю пору, она ответила, что ее проводит Володя, а что устроить ребенка в приют ей поможет в Москве дядя. Было ли это сообщение ее вполне правдиво и искренно, или истинную причину своего ухода она сказать не пожелала, а говорила то, чему ее научил кто-нибудь или что она выдумала по собственной инициативе, — неизвестно. Следствие обнаружило, что в конце 1925 года Анна познакомилась с Владимиром Д., жившим рядом с нею, и вскоре сошлась с ним. Сначала он часто приходил к ней, ночевал у нее по нескольку ночей под ряд, — как показала подруга, жившая с ней в одной комнате, — но с апреля 1926 г., когда беременность Горшковой стала несомненной, начал ходить к ней все реже. Однако до последнего времени связь Анны с Владимиром Д. не прерывалась, и ни о каких ссорах или разрыве между ними близкие подруги Анны ничего не слыхали. Следует, впрочем, отметить, что Владимир старался, поскольку было возможно, скрывать свои отношения к Анне. Незадолго до смерти Анны Владимир передал ей, через одну из ее подруг, 11 р. 50 коп. на устройство их будущего ребенка. По свидетельству подруг старание Владимира скрывать отношения к Анне и намерение его уклониться от брака с Анной и от помощи ей не ускользнули от внимания Анны, и та как-то говорила о намерении подать иск об алиментах и об отводе ей комнаты в двухэтажном доме отца Владимира, но, по настоянию Владимира, от этого воздержалась; он говорил ей, что она не должна этого делать, что «все и без этого устроится». Горшкова очень любила Владимира, постоянно хорошо о нем отзывалась и во время их связи ни с кем не сожительствовала. Одной своей подруге она говорила, что Владимир приглашает ее уехать с ним в Ташкент, где он поступит на место и где они получат отдельную комнату. Ей этот план нравился. Попытка Владимира Д. установить на судебном следствии, что Анна была женщиной легкого поведения и жила с несколькими другими мужчинами, не удалась. Наоборот, приговор суда отмечает, что на суде было установлено обратное: что покойная вела уединенную, скромную жизнь, ни с кем, кроме Владимира, не

находилась в близких отношениях и говорила только о нем, будучи в него сильно влюблена. Приговор отмечает, между прочим, и неясности и противоречия в показаниях Владимира Д., а также злоупотребление, с его стороны, постоянными ссылками на свою очень плохую память. Заслуживает внимания еще то обстоятельство, что покойная Анна найдена в 200 шагах от дома, вблизи тропинки, которая вела к перевозу и в осеннее время, в вечерние часы, была очень глухой; притом она вела в противоположную сторону от линии трамвая, куда должна бы направляться Анна, если бы она, действительно, ехала одна в Москву. От домов, в которых жили Анна и Владимир, в одну сторону шла линия трамвая, а на противоположной стороне была тропинка, на которой была убита Анна. Суд пришел к выводу, что Анна была заманена на эту тропинку каким-то обманом. Положение трупа, обматывание проволокой и привязанное колесо указывали, что убийство Анны было сбдумано заранее и подготовлено; о каком-либо внезапном бандитском нападении в данном случае не могло быть и речи. Сообщение покойной, сделанное одной подруге, что ее проводит Володя, также говорило о том, что уход Анны не был неожиданным для Владимира. Приговор отмечает, кроме того, что на дворе дома, где жил Владимир, было много старого железа и разных сортов проволоки, между прочим, и того размера, которым была обмотана Анна. Владимир Д. не признавал и не признает своей виновности в гибели Анны. По его словам, вероятно, на нее напал какой-нибудь бандит или хулиган. Рассказывая о своих отношениях к покойной, он впадает в противоречия. С одной стороны, он будто бы любил Анну и хотел иметь от нее ребенка, а с другой, — не хотел на ней жениться потому, что, по его мнению, она была легкого поведения и он боялся заразиться от нее венерическою болезнью. В другой раз он заявляет, что не хотел на ней жениться, потому что не отбыл еще воинской повинности, а по отбытии последней, возможно, женился бы на ней. Про свое имущественное положение он говорил, что зарабатывал хорошо и платил бы ей алименты «из жалости», а в другом месте разговора указывал, что хорошего заработка не имел, зарабатывал немного, часто бывал

без работы, страдал безденежьем, почему и передал ей через подругу лишь 11 р. 50 коп., занятые им для этого случая у кого-то. То говорил, что, вопреки показаниям некоторых свидетелей, он ей ничем не угрожал, отношений с ней не порывал и имел в виду оказывать ей материальную поддержку, а то заявлял, что в последнее время ее не посещал и считал, что их отношения кончены. Про ребенка, которым была беременна Анна, говорит, что не знает, чей он, может быть, и его, а может быть, и нет. Говорит, что прежде ее любил, а потом она ему разонравилась из-за ее плохого поведения, но каких-либо конкретных данных относительно ее любовной связи с кем-либо во время их сожительства указать не мог; раз будто бы он видел, заглянув в окно, что у Анны и ее подруги вечером были в гостях какие-то солдаты, а в другой раз будто бы, придя к ней ночью, он застал в ее комнате пьяного спящего мужчину, про которого она сказала, что это пришедший из деревни брат ее, а «там кто его знает, может, он и не брат» и т. д. Родственников Анны он, по его словам, не знал и никогда ее о них не расспрашивал, не расспрашивал и о вышеупомянутом пьяном брате. Слышал будто бы от самой Анны, что и до него у нее был любовник, лишивший ее невинности, и при нем есть любовник, но о том, кто такие это любовники, как их фамилии, где они жили, чем занимались и т. д., ее не спрашивал, не интересовался и не знает. Все обстоятельства дела, между прочим, и сбивчивые и противоречивые рассказы Владимира не оставляют сомнения, что он напрасно старается очернить Анну. Дело ясно. Он ее никогда не любил. Но эта живая и кокетливая девушка понравилась ему. Заметив ее влюбленность в него и почувствовав половое влечение к ней, он с ней сошелся и сожительствовал несколько месяцев. С самого начала он смотрел несерьезно на эту связь, соединиться с Анной брачным союзом не собирался, почему и скрывал, поскольку было возможно, свои отношения к ней. Скоро эта связь и совсем стала для него обузой, от которой он хотел избавиться. Когда обнаружилась беременность Анны и перед ним стала близко перспектива или брака с ней, или платежа алиментов, он особенно сильно пожелал избавиться от нее,

заставил ее бросить место, заманил каким-то обманом на уединенную тропинку, где и убил. Перспектива алиментов неприятно задевала его тем, что делала достоверными, документально установленными его отношения с Анной и связывала его на ряд лет. Для того, чтобы понять, как могла эта перспектива привести его к убийству, надо познакомиться с его личностью.

Владимир Д. — русский, происходит из крестьян Тульской губернии. Но его отец крестьянского хозяйства не вел, давно стал рабочим, живет в Москве и имеет двухэтажный дом на «новой стройке» на Воробьевых горах. Он — токарь. Пьет — не сильно и не часто. Здоров. Характер имеет ровный и спокойный. Мать Владимира — женщина трезвая, имеет тихий характер. Страдает малокровием. Владимир — единственный сын у родителей. Кроме него, у них есть дочь. Родители, по словам Владимира, всегда хорошо относились к детям. Вообще домашняя обстановка, по всем признакам, складывалась для Владимира благоприятно: ни материальной нужды и беспризорности, ни жестокого с ним обращения в его детстве не было, и, однако, в результате беседы с ним от его личности остается тяжелое впечатление. Прежде всего, он — глуповат. Его мышление течет вяло, комбинаторная способность понижена. Несмотря на то, что он, хотя и с большим трудом, окончил четырехклассное училище, он очень мало образован и плохо развит. Школьные знания у него испарились. Он не мог, например, решить самых простых арифметических задач, вроде умножения 13 на 7, или деления 380 на 4, и обнаружил плохое знание таблицы умножения. Сам жалуется на крайне слабую память; то, что он прочтет или попытается заучить, очень недолго остается в его голове, все это он почти сейчас же забывает. Из показанных ему 6 фигур таблицы Бернштейна смог узнать на общей таблице лишь одну. При исследовании его памяти и способности усвоения при помощи картинок обнаружил очень слабую память и слабую способность ориентироваться даже не в сложных событиях. Но не лишен некоторой хитрости и большой скрытности; оба эти свойства проявляются у него в форме замалчивания и простого отрицания. Лжив, но во лжи

не искусен. Не раздражителен, довольно злобный, с эгоцентрическим складом характера. О себе высокого мнения. В своих интересах весьма непостоянен. Умственных интересов у него нет. Чтение и науки его не интересуют. На вопрос, не хотел ли бы он чему-либо выучиться, заявляет, что желал бы научиться какому-нибудь языку, но какому языку и для какой цели — указать сначала не мог, а затем добавил: латинскому. Для чего ему этот язык, не знает. Учился очень многим ремеслам, но не усвоил как следует ни одного и быстро бросал каждое: так, поработает месяц, два, четыре... и бросит. Сначала несколько месяцев занимался с отцом токарным делом, потом стал учиться щеточному делу и быстро бросил его; учился и столярному, и слесарному, и кровельному делу, недолго был ломовым извозчиком и возил с одного завода разные железные изделия в московские склады и магазины, но каждым из этих занятий занимался недолго, бросал. Несомненно, что нередко его увольняли за бестолковость, а, может быть, и за лень. В деле есть указания на заявления некоторых свидетелей, будто Владимир пьянствовал и был склонен к праздности. Никаких планов относительно устройства своей жизни у него нет. Побывать на вечеринках, поухаживать за девицами, поиграть на гармонике, заниматься физкультурой — вот его любимые занятия. Он силен, любит физические упражнения, «выжимает» до 6 пудов, нередко нашивал кули пудов по 8. Любит гимнастику; между прочим, нередко для упражнения прыгает со второго этажа. Незадолго до знакомства с Горшковой упал головой вниз с оборвавшейся высокой трапеции, на которой упражнялся, и сильно разбился, был недолго без памяти, но потом оправился. Очень заботится о своем организме и боится, чем бы не заразиться. Сейчас обеспокоен болевыми ощущениями в груди и опасается за свое здоровье: «не чахотка ли?» Половую жизнь начал недавно, с покойной Анной. Утверждает, что до нее женщин не знал и онанизмом не занимался.

Потенция средняя. На вид это — среднего роста, коренастый молодой человек, в лице и фигуре которого незаметно ничего особенного. Лицо маловыразительное, с глуповатым

выражением, заметно выпячена вперед нижняя челюсть и отвисла нижняя губа.

Судимостей в прошлом нет. За данное преступление приговорен к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, без поражения в правах.

Вдумываясь в это преступление, нельзя не уловить, что главные внутренние пружины его сводились к следующему. Недалекий, нравственно недоразвитый, но физически сильный молодой человек, без каких-либо серьезных намерений, движимый лишь половым влечением, сошелся с молоденькой, живой и кокетливой девушкой. Последняя привязалась к нему душой, видела в нем будущего мужа, он же думал лишь о мимолетных удовольствиях и потому избегал придавать своим отношениям с ней прочный характер, скрывал их, обнаруживал наклонность положить им конец. Ее беременность и угроза иском об алиментах создавали в его глазах перспективу связанности его жизни и личности на много лет, связанности с этой женщиной, к которой он равнодушен, и с ребенком, к мысли о котором он относился лишь с чувством досады. Эта перспектива многолетней связанности тяготила его и вызвала стремление, как бы избавиться от нее. Как человек грубый и нравственно недоразвитый, он не обладал такими психическими комплексами, из которых могла бы развиться серьезная задержка этого стремления, или такая регуляция последнего, которая привела бы к иным, непреступным формам выражения его. Надо кончить, думал он, надо избавиться от этой связанности на много лет обязанностью платить алименты, причем надо сделать это каким угодно способом, лишь бы не навлечь на себя большей беды — строгого наказания; только об этом он и заботился, и ему казалось, что он может избежать подозрений, представив дело таким образом, что вечером, на темной и глухой дорожке, Анна подверглась нападению бандитов. При эгоцентрическом складе своего характера и заметной самовлюбленности он только и думал о том, как бы устроить все получше для себя. Ни любви к Анне, ни чувства сострадания и уважения к человеческой личности вообще у него нет, по крайней мере, в такой степени, чтобы они могли

налагать прочную узду на его страшный эгоизм. Половое же влечение к ней у него ослабело, она ему прискучила и его потянуло к другим женщинам, а тут еще этот ребенок... Он и решил избавиться от угрожавших ему алиментов тем способом, который, при условии безнаказанности, казался ему наиболее выгодным и радикальным. Анны могли долго не хватиться, уехала и уехала в Москву, где-нибудь там и живет. Надо добавить, что в своих моральных оценках Владимир опирается, именно, на соображения личной выгоды и удобства. Кража и разбой, по его мнению, плохи, потому что за них наказывают. Убийство нехорошо, потому что за него строго наказывают, да и нельзя лишать человека жизни, которой ему не давал. Об алиментах он, — вряд ли, впрочем, вполне искренне, — говорит, что их следует платить «из жалости к женщине, которой трудно». Сознание своей обязанности в отношении ребенка отсутствует. Да и «жалость» в отношении Анны с его стороны сомнительна. Когда она оказалась в тяжелом положении, он отнесся к ней с большой черствостью; вместо того, чтобы отнестись к ней с нежной заботливостью, он лишь стал посещать ее реже, переслал ей 11 руб. 50 коп. и считал их отношения конченными. Последние недели он вовсе не появлялся в ее квартире, может быть, желая и ее приучить к мысли о разрыве их отношений, и другим внушить эту мысль, и себе желая подготовить почву для отговорки: что я, мол, о ней ничего не знаю, давно порвал отношения с ней, мое дело — сторона.

Сходное с преступлением Владимира Д. убийство совершил крестьянин Гомельской губернии Яков Н. 22 лет. Он занимался в деревне с отцом крестьянским хозяйством. Семья состояла из отца, 3 сыновей и одной дочери; мать Якова умерла в 1917 г. Яков — второй по счету ребенок своих родителей. По своему имущественному положению семья была середняцкая; в хозяйстве у них было 2 лошади, корова, несколько овец, свиней, кур и гусей. Жили без особой нужды, своего хлеба хватало. Атмосфера в семье была удовлетворительная. Родители жили недурно. Отец, хотя иногда и выпивал, но пьяный не буянил, жену и детей не бил. В трезвом состоянии он нередко сек Якова розгами, осо-

бенно за то, что тот в припадке злобного раздражения набрасывался на младших брата и сестру и бил их и кулаками, и чем попадало, например поленом; нож под руку ни разу не попадался. Мать Якова была очень вспыльчива. Сам Яков весьма раздражителен. Выражение глаз у него злобное. В его жизни бывали случаи, когда в порыве злобного раздражения он набрасывался с кулаками и на человека более сильного, чем он сам. Однако вообще связываться с более сильными людьми, чем он, он избегал; откровенно заявляет, что вообще трусоват, и как только замечал, что человек, с которым он столкнулся, сильнее его, сейчас же обращался в бегство. Пьет не так много, «глядя по деньгам, есть — так пьет, нет — не пьет». Пьяный становится особенно раздражителен. В умственном отношении мало развит. Сам сознает, что «разговора у него нет». Особенно нехватает ему разговора в обращении с женщинами. С женщинами он вообще несмел и разговаривать не умеет. Малограмотен, ходил в сельскую школу лишь одну зиму, потому что надо было дома работать, а отец в 1914—1917 гг. был на военной службе. Комбинаторная способность у него понижена. Память средняя. Сидя в гомельском исправдоме учился в школе и полагает, что читать и писать он еще может выучиться как следует, а арифметику понять не в силах. Разделить 20 и 40 на 4 он еще мог, а 120 и 160 — оказался не в силах. На вопрос, сколько дюжин в 120, он также ответить не мог; после некоторого размышления ответил, что не то 8, не то 10.

Хотя Яков некрасив и невзрачен, но как-то на него обратила внимание односельчанка, девица Прасковья Гордейщикова, жившая в той же деревне, через 3 дома от него. Яков рекомендует ее, как женщину распутного поведения и, после некоторого подсчета, заявляет, что у нее было 5 любовников. По его словам Прасковья была некрасива, угрюма, любила плакать. Возрастом она была старше его на год. С мужчинами она постоянно заигрывала, подарила своим вниманием и Якова. Нельзя сказать, чтобы она ему очень нравилась, или чтобы он полюбил ее, но от ее заигрываний он чувствовал возбуждение, и они сошлись. По словам

Якова до Прасковьи он женщин не знал. Повидимому, он легко возбудим в половом отношении и обладает большой потенцией. Сожительство с Прасковьей продолжалось некоторое время. Вступить в брак он ей не предлагал и вообще жениться не собирался, так как вскоре должен был итти на военную службу. Свои отношения с Прасковьей он скрывал и «при публике никакой близости не допускал». Прасковья настаивала на браке и не хотела ждать, когда он вернется с военной службы, угрожала, что иначе выйдет за односельчанина Алексея. Якову это было все равно, он ее ни к кому не ревновал и, по отбытии воинской повинности, с удовольствием женился бы на другой. Ее увереним, что она ни с кем, кроме него, не сожительствует, он не верил, но особенно этим не интересовался; никакой привязанности к ней он не чувствовал. Жениться на ней совершенно не хотел. Отец Якова также не желал, чтобы сын женился на Прасковье. В настоящее время Якову иногда как будто жалко Прасковью, а часто и «злость берет, что за нее он сидит». И при жизни Прасковьи его часто «против нее злость брала», и они ругались. По его словам, «она дерзкая была», часто над ним хохотала, что он танцовать не умеет и что «разговор у него не выходит». Бить ее он не бил, хотя знал, что она сожительствовала с односельчанином Алексеем, и хотя она упорно и категорически отрицала, что у нее есть любовники; по его мнению, стоило бы побить, а он только ругался или бывало бросит в нее чем-либо. Так тянулись их отношения вплоть до роковой развязки. Сначала Яков отрицал всякое свое отношение к смерти Прасковьи и вообще какие-либо отношения с ней, утверждая, что «сидит безвинно», но затем заявил: «я дурак был, что и у следователя, и на суде отказывался, что гулял с Прасковьей, думал лучше будет, а вышло хуже». Он признался мне в том, что убил ее. Дело было так. В конце сентября 1926 г. они были с Прасковьей на деревенской вечеринке. Он занимался тем, что весь вечер выгонял и ругал набивавшихся в тесную избу мальчишек. Назад с вечеринки он возвращался вместе с Прасковьей, часу в одиннадцатом вечера. У избы Прасковьи они сели и беседовали между собой. Никакой ссоры между ними не

было, беседовали без гнева и перебранки. Во время этой беседы Прасковья серьезно и настойчиво потребовала, чтобы он на ней женился. Он ответил отрицательно; тогда она заявила, что подаст в суд об алиментах. О ее беременности он знал уже ранее. Услышав об алиментах, он «сильно испугался», и тою рукой, которой за несколько минут обнимал ее, стал душить сзади за горло и задушил. «Алиментов, — сказал он, — у нас в деревне все боятся; говорят, много присуждают». «У нас в деревне не было случаев». Свой отказ ей в женитьбе и алиментах он объясняет так: «не знаю, мой это ребенок или нет». Задушив Прасковью, он повесил ее на воротах ее избы, симулируя самоубийство. Утром собрался народ смотреть на повешенную, пришел и он и смотрел вместе с другими, несмотря на то, что, по его словам, очень боится крови и покойников. Родители Прасковьи, ее дядя и тетка заявили подозрение, что Прасковья убита, и указали на него, как на ее сожителя. Когда он, насмотревшись на повешенную и поговорив в толпе о том, что она сама повесилась, пришел домой, его арестовали. На следствии и суде он отпирался от всего — и от убийства и от связи с Прасковьей, потому что думал, что так будет ему лучше. На вопрос, как он смотрит на свое преступление, можно ли убивать человека, например, сильно разозлившись, отвечает: «а вон решетки для тех, кто так разозлится» и, подумав, прибавляет: «теперь я не мог бы убить». Признает, что Прасковью ему не следовало убивать, хотя «она и была дурная». «Ведь вот я, — говорит он, — негодяй, а и негодяй должен жить». Негодяем он себя считает на следующем основании: «потому что, — говорит он, — в тюрьме сижу, не надо было так делать».

Сравнивая этот случай с предшествующим, не трудно усмотреть их большое сходство. И в том, и в другом случае действующими лицами являются молодые люди, раньше не судившиеся, не знавшие женщин до своей связи с убитыми ими любовницами, не желавшие жениться на этих любовницах и отговаривавшиеся от брака предстоящей им воинской повинностью. Оба они испугались алиментов, которые им угрожали и в которых они видели обузу для себя на долгие

годы. Оба они малоразвиты, малообразованы и недалеки. Оба обладают скудным нравственным сознанием, нравственно тупы, грубы, черствы и лживы. Оба действовали не вследствие взрыва какого-либо эффекта, а в относительно спокойном состоянии. Оба обладают эгоцентрическим складом характера, с господством в мотивах их поведения чувственных влечений, но один из них — сравнительно сдержанный и действовал с большою обдуманностью, другой — раздражителен и действовал в состоянии внезапного умысла. Оба, наконец, являются носителями того криминального типа, который я называю импульсивным [1]). К этому типу я отношу тех преступников, которые совершают преступление ради приятных ощущений, связанных с самым процессом совершения преступления или с обладанием теми материальными благами, которые добыты путем преступления, или ради освобождения от неприятных ощущений. Их цель: достижение, посредством преступления, известного скоропреходящего состояния, связанного с получением известных приятных ощущений или с освобождением от ощущений неприятных. С мыслью о преступлении у них соединяется более или менее живая антиципация известных приятных ощущений и родится чувственный импульс к получению этих ощущений. Следуя этому импульсу, они, без внутренней борьбы, и решаются на преступление. О моральной и социальной оценке поступка они начинают думать, уже сидя в исправительном доме. О лично для них невыгодных последствиях поступка, — о суде, наказании, разлуке с семьей и т. д., — они, в момент преступления, или также вовсе не думали, или относились к ним индиферентно, а еще чаще легкомысленно надеялись, что им удастся ускользнуть от глаз правосудия и остаться нераскрытыми. В этой надежде их нередко укрепляла слепая вера в предусмотрительность и ловкость их более опытных товарищей: последние-де, как люди бывалые, «деловые», знают уже, как все так устроить, чтобы сухими выйти из воды. Поразительно

---

[1]) Подробную характеристику этого типа см. в моей Криминальной психологии, 1926, гл. VI.

легко и быстро иногда такие люди решаются вступить на преступный путь. Идет человек, гуляет, никаких преступных мыслей у него нет; вдруг встречается со старым знакомым, разговорится, получит от него приглашение «участвовать в деле», и через несколько часов, или даже минут, он уже преступник, и иногда очень тяжкий. Иной раз он сначала еще оробеет, скажет, что боится попасться, что он по этому делу «неспециалист», через минуту же согласится, когда ему скажут, что ручаются за успех, что дело — простое и ему придется лишь нести узлы, стоять у дверей или выполнять какую-либо иную функцию, не требующую технических навыков и знаний. А потом, сидя в тюрьме, такой человек сам искренно удивляется, зачем и как он мог пойти на такое дело.

Импульсивные преступники из-за алиментов — это люди с эгоцентрическим складом характера, которым перспектива платежа алиментов представлялась лишь как неприятная связанность их жизни на ряд лет и которые способны от тягостных для них ощущений или антиципаций грозящих им в будущем неприятных ощущений избавляться всякими средствами и способами, руководясь лишь соображениями личной выгоды или риска, не считаясь или мало считаясь с моральной и социальной оценкой намечаемого поступка. Им неприятна перспектива документального удостоверения их связи с таким-то лицом и платежа алиментов; надо сбросить с себя это бремя, устранить данную опасность какой угодно ценой, лишь бы не поплатиться более неприятными последствиями, чем те, которые пытаются данным поступком устранить. Это — крайне черствые эгоисты, которые хотят лишь заменить неприятную для них перспективу приятным ощущением, что неприятной для них связи и обязанности платить алименты более уже не существует: было — прошло, теперь кончено и никакой угрозы алиментов нет. За приятным ощущением освобождения от неприятной для них угрозы быть связанными на многие годы обязанностью платить алименты они и гонятся. Таковы и те два молодых человека, которые обрисованы выше. Это — импульсивные преступники из опасения алиментов, как многолетней обузы. Вследствие их нравственного и умственного недоразвития стремление устранить эту угрозу не встретило у них себе такой задержки, которая могла бы, если не погасить его, то помешать ему вылиться в такую кровавую форму.

Интересно отметить еще 2 момента, которые заметны в обоих изложенных выше случаях и в еще более отчетливом выражении будут встречаться нам ниже. Ни у одного из обрисованных выше молодых людей нет сознания какой-либо родительской обязанности в отношении ребенка, и этим в значительной мере объясняется то, что волна злобного раздражения, вызывавшегося перспективой алиментов, получила у них полный простор для своего развития. Правда, они сомневались, от них ли эти дети, но, во-первых, они только сомневались в этом и, казалось бы, должны чувствовать невозможность истолковывать это сомнение всецело во вред ребенку, а во-вторых, и в искренность этого сомнения дозволительно не верить. Высказывая его, они думали найти в нем хотя бы некоторое оправдание своей черствости и безучастия к ребенку, хотя, разумеется, оно ничего не говорит в их пользу. В их глазах алименты, которые им угрожали, являлись как бы особым, тяжелым налогом, платимым в пользу женщин, с которыми они порвали или хотели порвать и которым им досадно было что-либо давать. Они не сознавали, что алименты они будут платить не в качестве особого подарка или дохода брошенным ими женщинам, а ребенку и из-за него. Дети, которые должны были родиться от их любовниц, рассматривались ими не так, как если бы они родились от жен или сожительниц, с которыми у них в течение известного времени было общее хозяйство. Это были дети от отношений, которые скрывались и в их глазах имели мимолетный характер, «от гульбы», — «гуляли» — вот и «нагуляли детей», — и никаких родительских обязанностей в отношении этих детей они не чувствовали. Дело здесь было, повидимому, не в отсутствии законности или регистрации союза, как брачного, а в отсутствии совместной, семейной или семьеподобной жизни. Возможность скрыть свои отношения к данной женщине и отречься от ребенка, в связи

с неприятным чувством, порождавшимся перспективой давать ей что-либо, и толкали их на преступление. И вот, когда приходилось беседовать с такими субъектами по общему вопросу, надо ли вообще платить алименты, справедливо ли это, они обыкновенно, подобно Владимиру Д., отвечали, что платить надо «из жалости к женщине». На это отсутствие у данных преступников сознания родительских обязанностей в отношении детей от союза, который они скрывали и которому не хотели придавать прочного характера, надо обращать серьезное внимание, и среди мер социально-педагогического характера, направленных против преступлений из-за алиментов, необходимо отвести достаточно широкое место таким мерам, которые будили бы и внушали сознание родительских обязанностей и в отношении этих детей.

Другой общий описанным случаям момент, останавливающий на себе внимание, это — неопределенность угрожавших данным молодым людям алиментов. С них ничего еще не присуждали, и неизвестно, сколько присудили бы, но их жадность была уже сильно задета этой неопределенной перспективой обязанности платить алименты, и они уже настолько испугались этих алиментов, что решили прибегнуть к кровавой расправе с женщинами, которые еще недавно были им так близки. Судебная практика знает, однако, немало и таких случаев, когда назначение, в качестве алиментов, даже небольшой суммы в 10 или 5 рублей вызывало у субъекта настойчивое желание сбросить эту обузу и, затрагивая его жадность и успевшее уже у него сложиться нерасположение к женщине, приводило его в состояние длительного злобного раздражения или бурного гнева, в котором он совершал свою зверскую расправу с женщиной, с ребенком, или с ними обоими.

К такого рода импульсивным преступникам из опасения алиментов, как многолетней обузы, относится, например, Петр Александрович М., крестьянин Тульской губ., Серебряно-Прудского района, хлебороб и плотник, 22 лет. С 1922 г. он «начал погуливать» с крестьянкой Клавдией Пантелеевой, в начале 1924 г.

сошелся с ней, а в июле 1925 г. она родила ему мальчика. После этого Клавдия стала настаивать, чтобы он женился на ней, но он этого не хотел и предложил ей «сдать ребенка в Москву в детдом». Клавдия на это не согласилась и подала иск о признании Петра отцом мальчика и об алиментах. Суд присудил ей с Петра алименты в размере по 5 рублей ежемесячно. Месяца 3-4 Петр ничего не платил, а потом решил отделаться от алиментов следующим образом. В конце 1925 года он предложил Клавдии выйти за него замуж. Та согласилась и переехала к нему с ребенком. С первых же дней она встретила весьма недружелюбный прием как со стороны мужа, так и его родителей: ее постоянно и всячески упрекали, что она — дочь пастуха, опозорила их сына и «навязалась на него», прижила вне брака ребенка и т. д. Петр стал попрекать жену, что ребенок — не его. К несчастью, Клавдия вскоре вновь забеременела, о чем и объявила мужу. Последний вместе с своей матерью уговаривал ее сделать аборт и для этого посылал «к деревенской бабке», но Клавдия на это не согласилась. Тогда муж заявил ей, что все равно и ее, и ребенка он изведет. В апреле 1926 г., ввиду совершенной невозможности продолжать совместную жизнь с родителями мужа, Клавдия настояла на разделе и выехала с мужем к своим родителям. Но и после этого отношения Петра к ней и ребенку не улучшились. Он продолжал их ненавидеть и всячески издеваться над ними; часто он уходил из дому, оставляя жену и ребенка без всяких средств. Клавдия вынуждена была пригрозить ему, что будет взыскивать с него алименты по исполнительному листу. Он вырвал у нее этот лист, изорвал его в клочки и заявил, что ни в каком случае ничего платить не будет. С этого момента он затаил в душе мысль во что бы то ни стало избавиться от ребенка. 4 августа 1926 г. он, как обычно, пришел ночевать к жене, проспал ночь, а утром 5 августа отказался пить чай, ссылаясь на нездоровье. Около 9 часов утра Клавдия ушла на работу в поле, ушли и тесть с шурином. Объявив себя больным, Петр лег в постель. Сын его Володя 1 года 2 месяцев играл с другими детьми Пантелеевыми: с Иваном 8 лет, с Екатериной

11 лет и с Капитолиной 10 лет. Выбрав подходящий момент, Петр взял у детей Володю, сказав, что уложит его спать, а детям предложил итти гулять на улицу, что те и сделали. Когда дети вышли и сели около дома на лавочку, Петр стал душить ребенка, сдавил ему горло рукой и крепко прижал его к груди. Ребенок вскрикнул, а затем у него наступило судорожное состояние и пошла кровь изо рта. Часов через 5-6 по доставлении в больницу он скончался. Акт медицинского осмотра и вскрытия, обнаруживший ряд следов от сдавливания горла ребенка, царапины и кровоподтеки, а также свидетельство детей Пантелеевых, которые успели подглядеть, как Петр душил ребенка, а затем придушенного передал им, обнаружили истину. Он передал им едва живого ребенка после того, как дети, заметив, что он душит ребенка, крикнули ему: «не тронь, не тронь его!»

Знакомясь с прошлым Петра и его личностью, мы узнаем следующее. Он — из крестьянской семьи среднего достатка, старший ребенок своих родителей. У его отца было 7 человек детей. На каждого едока в их семье приходилось по $^1/_3$ десятины; у них было 2 лошади, 2 коровы и некоторое количество мелкого скота и птицы. Отец его — человек здоровый, пьет довольно сильно, но пьяный не скандалит и с женой не дерется. Ссорится иногда с женой «из-за недостатков в семье», но не сильно. Детей родители Петра воспитывали строго, «баловаться не позволяли» и за шалости били. Мать была мягче отца, но и от нее «попадало». Душевнобольных ни в роду отца, ни в роду матери не было. Учился Петр в сельской школе 3 зимы, учился плохо ввиду слабых способностей, между прочим, и плохой памяти; особенно трудно давалась ему арифметика. Откровенно признается, что и сильно ленился; только первую зиму учился охотно. Читал он мало, теперь в исправдоме начинает читать, но прочитанное быстро забывает. Не мог вспомнить ничего ни об одной книге. Наконец, назвал Толстого, но не мог вспомнить ни одного из его сочинений даже по заглавию. Особого стремления к чтению не обнаруживает, говорит, что из всех книг он предпочел бы книги по сельскому хозяйству. После школы занимался дома по хозяйству,

ходил с отцом рыть колодцы и немного плотничал. Однако плотничье дело он знает плохо, мог бы быть только подручным при постройке избы. Он довольно расчетлив и заметно скуп, деньги любит приберечь и позадержать. Скупостью объясняется в значительной мере его уклонение от платежа алиментов, а также то, что он старался давать как можно менее денег жене и, условившись с тестем платить ему за себя и жену с ребенком 10 руб. в месяц, задерживал уплату этой суммы. Этой чертой его характера, до известной степени, объясняется и то, что он избегал бывать в компании, любил и выпить один, не особенно любил ходить на вечеринки и т. д. Друзей у него не было. С 23 лет начал пить, но пьет не сильно. Во хмелю становится весел, не скандалит, а начинает петь песни. Лжив. По поводу своего преступления он много лгал и следователю, и на суде, и нам, во время беседы с ним. Когда Клавдия искала с него алименты, он на суде утверждал, что ребенок не может быть его, так как он никогда ни в каком сожительстве с ней не состоял. На процессе по поводу убийства, впадая в частые противоречия, он утверждал, что жену любил, никогда с ней не ссорился и никогда не стал бы душить ребенка и т. д. «Каждому хочется жить, — говорил он, — как отнимать жизнь у кого-либо!» Утверждал даже, что он не только не отказывал в алиментах, но предлагал их Клавдии, а она не хотела их брать и т. п. В беседе с нами он говорил, что ребенок уже неделю болел дизентерией и что, вероятно, убил его под пьяную руку тесть, а он, Петр, неспособен это сделать, он со всеми склонен жить в мире, а его жена и ее братья — пьяницы, тесть любит играть в лото и также пьяница и т. д., однако ни с кем из них у него не было никаких недоразумений и т. п. Что касается ссадин и кровоподтеков у ребенка, то они, по его мнению, получились от того, что жена, играя, душила его, да и дети тискали. Оттягивание женитьбы на Клавдии, в котором вынужден был признаться, он объяснял недостатком материальных средств и опять старался свалить на тестя, который будто бы был против их брака и злобствовал на него за то, что он опозорил внебрачной связью дочь. Тесть же,

по уверению Петра, виноват и в том, что Клавдия подала иск об алиментах: это он ее научил. Клавдию он все время старается очернить, упрекает ее в распутстве и говорит: «вот и теперь, по слухам, она ходит по улицам, а дитё орет, она там от других родит, а дитё-то жалко» и т. д. Однако высказывает намерение по освобождении из исправдома опять сойтись с Клавдией и вместе с ней заняться устройством крестьянского хозяйства. Суд приговорил его к лишению свободы на 8 лет без поражения в правах. Уверяет, что по освобождении не будет совершать никаких преступлений. К краже и бандитизму он относится резко отрицательно по двум основаниям: в тюрьме сидеть неприятно и «другие презирать будут, скажут: вор, бандит». «Хочется работать, говорит он, и буду работать». Жену будто бы он любит и постарается жить с ней в мире, без ссор и драк. Драк он, по его словам, вообще очень не любит: «я и в детстве, говорит он, не озорничал». Полагает, что жена не будет на него сердиться по случаю настоящего дела: она поймет, наконец, что это ей и ее отцу показалось, будто он, Петр, удавил ребенка, тогда как он «осужден безвинно». На вопрос о раскаянии он, конечно, отвечает отрицательно: ему не в чем раскаиваться.

Все данные указывают, что убийство ребенка было актом, который Петр заранее обдумал и который был совершен им с холодной решимостью. Притворство больным, лежанье в постели, отсылка детей и последующая беседа с ними, — все это говорит об акте холодной, злобной решимости. Петр, несомненно, человек злой и холодный, способный к выполнению тяжких насильственных действий медленно, систематически, без заметной внутренней борьбы, без отступлений и колебаний. Об этом достаточно красноречиво говорит общий характер его отношений к жене, тот ряд грубостей и издевательств, которым он в течение долгого времени подвергал и жену, и ребенка, постоянно ругая их и оставляя без всяких средств. Он мало развит интеллектуально и не блещет умственными дарованиями, но достаточно хитер, чтобы обдумать план убийства и внести в свои действия столько лжи и обмана, чтобы питать надежду добиться безнаказанности

путем упорного запирательства и отрицания самых очевидных фактов; он все сваливает на жену и тестя; жена, по его словам, и исполнительный лист сама изорвала, и от предложенных им алиментов отказывалась и т. д.

Сопоставляя изложенные случаи, можно сделать следующие общие выводы, имеющие серьезное практическое значение.

Во всех этих случаях импульсивный тип связан с интеллектуальной слабостью, с заметным умственным недоразвитием. Мышление этих людей бедно знаниями, работает вяло, комбинирует факты и идеи слабо. Им нехватает ассоциаций, с помощью которых они могли бы дать достаточно углубленную и полную оценку своего положения и поведения.

Перспектива платежа алиментов вызывает у них неприятное настроение, в котором слышатся досада, злобное раздражение, скупость, алчность и желание то, что они получают, тратить лишь на самих себя и свои чувственные удовольствия. Враждебное чувство к женщине, иногда прямая ненависть к ней усиливают и поддерживают это неприятное настроение. Из последнего родится чувственный импульс устранить это тягостное состояние и ту опасность, с которой оно связано.

Недоразвитие морального и социального сознания, отсутствие сознания родительских обязанностей открывают этому чувственному импульсу широкий путь к осуществлению.

Последнее задерживается и тормазится у них сознанием возможности неприятных для них последствий — суда и наказания. Но этот тормаз оказывается слишком слабым; при своей умственной слабости и неопытности на преступном пути эти люди легко приходят к убеждению, что придуманные ими будто бы хитрые способы выполнения преступления и измышленные ими отговорки обеспечивают им безнаказанность, или делают весьма вероятным небольшое наказание, значение которого в их глазах перевешивается перспективой, что «алиментная опасность» окончательно и радикально устранена.

При слабости интеллектуального развития и нравственного сознания у этих преступников резко выражен эгоцен-

трический склад характера и господство, среди внутренних пружин их поведения, чувственных влечений.

Все обрисованные выше молодые люди действовали в относительно спокойном состоянии и иногда по заранее приготовленному плану. Один — сидел и беседовал с своей любовницей, затем стал душить ее сзади, другой — притворился больным, спокойно лежал в постели, а потом, улучив удобный момент, стал душить ребенка. Конечно, известное волнение они испытывали, но у них не было того аффективного состояния, которое бывает при взрыве определенного чувства и затрудняет оценку положения и выбор поступка. Правда, такие преступники часто ссылаются на ссоры с своими любовницами, на обиды и оскорбления, которым они будто бы подвергались со стороны последних, но эти ссылки оказываются ложными. Вот один из примеров такой лживой ссылки. Плотник Михаил В., 22 лет, сошелся в 1924 г. с Александрой Соколовой. В 1925 г., в августе, у них родилась дочь. Ввиду отказа Михаила давать на содержание дочери, Соколова подала иск об алиментах. Суд, в мае 1926 г., присудил Михаила к уплате ежемесячно по 10 руб. Михаил настойчиво убеждал Соколову брать с него лишь по 5 руб., а после ее отказа решил убить ее и ребенка. План убийства был тщательно им обдуман. В ноябре 1926 г. он пригласил Соколову поехать с ним в деревню «вместе жить». Та, после некоторых колебаний, согласилась. Сойдя на ст. Ховрино, они шли лесом. Было под вечер. Соколова шла впереди с ребенком на руках. Михаил нес узел с вещами, а под полой топор. Несколькими ударами топора он убил Соколову и ребенка, добыл лопату, зарыл убитых и вернулся в Москву. 4 мая 1927 г. председатель сельсовета деревни Бусиново, близ ст. Ховрино, размечая границы пастбища, заметил бугор, напоминающий могилу. Дело обнаружилось. Михаил сначала отрицал свою вину, потом сознался в убийстве, но уверял, что совершил его в порыве гнева от ссоры с Соколовой, «сильно озверев». Он зол, раздражителен и скуп. Московский губсуд приговорил его к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением в правах на 3 года.

Импульсивным преступникам свойственно действовать не в порыве чувства, а в относительно спокойном состоянии, часто с некоторым лишь волнением, вызванным новизной положения, страхом перед последствиями, которым они могут подвергнуться за свое преступление, чувством риска. Они решаются на преступление без серьезной, внутренней нравственной борьбы, хотя иногда с недолгими колебаниями, вызванными опасением большого риска для себя, или для лиц, к которым они расположены, а иногда и несильным протестом со стороны нравственного сознания и чувства. Но во всех этих случаях импульсивные преступники резко отличаются от преступников эмоциональных, с которыми мы встретимся далее. Во всех приведенных выше случаях поразительны та решительность, с которою действовали преступники, отсутствие у них внутренней борьбы и колебаний и относительное спокойствие, с которым они совершали свою кровавую расправу. А между тем все они — новички на преступном пути.

Все они — лживы, склонны чернить тех женщин, с которыми находились в связи, и извращать истинную картину своих отношений с ними.

Ни у одного из них незаметно сожаления к убитым и сколько-нибудь глубокого осуждения своего поступка, деятельного и искреннего раскаяния. Все они сожалеют о своих поступках, но исключительно, или главным образом, потому, что пришлось «сидеть» за это.

Сознание тяжести совершенного преступления отсутствует или выражено очень слабо. Один юноша, напр., Максим У. 20 лет, окончивший начальное училище и убивший свою беременную любовницу Ирину 22 лет за то, что она «нахально приставала», чтобы он на ней женился, угрожая в противном случае взыскивать алименты; не без раздражения заявил мне о своем недовольстве приговором суда — к 8 годам лишения свободы — и заметил: «раньше этого не было, чтобы за девчонку в тюрьме сидеть». В содеянном не раскаивается, хотя находит, что лучше бы ее убить после того, как суд присудил алименты, а то, может быть, суд и ничего бы не присудил.

Из сказанного ясно, что преступники рассматриваемого типа представляют большую социальную опасность. Это — личности с настолько слабо развитыми криминорепульсивными элементами и с такой способностью к насилию, что, как скоро в их жизни появляется серьезное затруднение, они быстро решаются устранить его насильственными мерами.

Борьба с этими преступниками должна развиваться по нескольким линиям.

В целях предупреждения этих преступлений необходима организация таких мер воздействия, в силу которых субъекты, наклонные к насильственной расправе из-за алиментов, не могли бы рассчитывать таким образом избавиться от угрожающих им денежных платежей. Ниже будет указано, каким образом это может быть достигнуто. В превентивных целях необходима, далее, широкая пропаганда идеи безусловной обязательности для всякого принимать участие в расходах по содержанию его ребенка, как бы ни был кратковремен его союз с женщиной и каковы бы ни были его чувства к последней. При этом должно быть выяснено моральное и социальное значение добросовестного выполнения этой обязанности.

Что касается лиц, уже совершивших преступления из-за алиментов и являющихся носителями импульсивного типа, то необходимо принять меры к повышению их интеллектуального уровня и к насаждению у них ассоциаций морального и социального содержания, способных затормаживать их чувственные импульсы к насильственному самоосвобождению от обязанности участвовать в содержании их детей платежом алиментов.

Необходимо, далее, уничтожать их легкомысленный расчет на безнаказанность или слабую наказуемость преступлений, возникших из-за алиментов, путем применения к ним серьезного пенитенциарного воздействия. Совершение насильственного деяния из-за алиментов, — при отсутствии исключительных обстоятельств, вызывающих снисхождение к преступнику, — должно рассматриваться как тяжкий случай, требующий применения наибольшего размера наказания, установленного за данное насильственное преступление,

ввиду того, что совершение подобного преступления по таким побуждениям является показателем большой нравственной грубости и недоразвитости субъекта, большею частью связанных с интеллектуальным недоразвитием и требующих серьезного и длительного морально-дисциплинирующего воздействия на личность.

При рассмотрении дел о преступлениях, совершенных из-за алиментов преступниками импульсивного типа следует обращать самое серьезное внимание:

на степень их интеллектуальной недостаточности;

на степень их распущенности в половых отношениях;

на быстроту образования и на твердость их решимости на насильственную расправу из-за алиментов;

на степень обдуманности и жестокости учиненной ими расправы;

на их лживость, на количество, обдуманность и жестокость обманов, употребленных ими для склонения другого лица к половому общению, для подготовки преступления, учиненного ими из-за алиментов, и для сокрытия последнего.

Чем беднее или чем более оскудели у субъекта криминорепульсивные элементы его личности и чем ярче и легче у него проявляется наклонность к насильственным действиям, тем многостороннее, серьезнее и длительнее должно быть воздействие на него в исправительно-трудовом учреждении. При выборе характера и размеров наказания для подобных преступников суд должен считаться со всеми указанными выше моментами. Поступая таким образом, он будет действовать в полном согласии с предписаниями общей части Уголовного кодекса. Так, согласно пункту «в» ст. 45 УК, при назначении меры социальной защиты, судья должен считаться с обстоятельствами дела и с личностью совершившего преступление. Согласно пункту «е» ст. 47 УК считается отягчающим обстоятельством «совершение преступления с особой жестокостью, насилием или хитростью, или в отношении лиц, подчиненных преступнику, или находившихся на его попечении, или в особо беспомощном по возрасту или иным условиям состоянии». По пункту «д» тэй

же ст. 47 УК совершение преступления из корыстных и низменных побуждений также считается «отягчающим обстоятельством». Наоборот, по пункту «г» ст. 48 УК, совершение преступления «по мотивам, лишенным корысти или иных низменных побуждений», признается «смягчающим обстоятельством». Стремление освободиться от алиментов, за редкими исключениями, подойдет под понятие «низменных» побуждений. Выражение Уголовного кодекса «низменные побуждения» должно подвергаться толкованию не с точки зрения нравственного идеала, а с точки зрения предупреждения преступлений и опасности преступника, в соответствии со ст. 9 УК, в смысле социально-правовом, в смысле побуждений, указывающих на особую социальную опасность преступника.

Нельзя не отметить, далее, что представлялось бы в высшей степени желательным, чтобы, уловив отмеченные выше черты у того или иного преступника из-за алиментов, суд отмечал их в своем приговоре и таким образом давал чрезвычайно ценные для пенитенциарных работников указания, на что в личности данных преступников прежде всего и с особой силой должно быть направлено пенитенциарно-педагогическое воздействие. Между деятельностью суда и пенитенциарных учреждений необходим возможно больший контакт. Одни продолжают решение задачи, начатой другими; то, что добыто судом при исследовании дела и личности подсудимого, не должно оставаться неизвестным или пропадать бесследно для пенитенциарных учреждений, в которые преступники поступают для цели исправительно-трудового воздействия на них. Надо добавить еще, что многое из того, что становится известным суду о личности преступника, впоследствии или вовсе не может быть самостоятельно добыто работниками исправительно-трудовых учреждений, или потребует от них большой затраты совершенно лишнего труда.

IV.

ИМПУЛЬСИВНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ ИЗ-ЗА АЛИМЕНТОВ (ВТОРАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ИХ).

Изучая преступления из-за алиментов, нельзя не обратить внимание на то, что с перспективой платежа алиментов у некоторых преступников связывалось представление о каком-то позорном или неловком и комичном положении, в которое их поставил бы этот платеж. Желание избежать этого позора или смешного положения и служило одной из сильных внутренних пружин их преступлений, иногда даже главной движущей силой последних. Скудость нравственных представлений и умственная темнота позволяют гнездиться в некоторых слоях населения предрассудку, будто платить алименты стыдно. На платеж алиментов там смотрят как на свидетельство того, что человек, хотевший увильнуть, очутился в глупом и смешном положении, попался. Над таким человеком смеются, острят. Тот, кого пугает эта перспектива насмешек, стремится всячески избежать этого комичного или позорного положения, «отвертеться» от того, что может сделать его посмешищем в глазах других. Казалось бы, чего смеяться над тем, что человек дает на содержание ребенка, даже если у него есть серьезное основание думать, что он стал жертвой судебной ошибки и что данный ребенок — не его. Это — неприятное, быть может, даже тяжелое положение, но ничего ни смешного, ни позорного в нем нет. Однако освободиться от давления общественного предрассудка часто бывает очень трудно, и многие, даже вполне сознавая его нелепость, предпочитают устраивать свою

жизнь в соответствии с ним, стараясь не привлекать к себе по данному поводу усиленного общественного внимания и не становиться объектом общественных пересудов и злоречия. В этом отношении яркие примеры в изобилии может дать хотя бы история дуэлей. Множество людей понимали нелепость дуэлей, как средства разрешить какой-либо спор, восстановить чью-либо честь и т. д. [1]). Развитой человек понимает, что дуэль не может уничтожить оскорбления. Если оскорбление это было незаслуженно, то на обидчике лежит обязанность, по указании ему недоразумения, загладить нанесенную обиду должным выражением раскаяния, и ни одна из сторон не имеет права, с нравственной точки зрения, рисковать из-за недоразумения своим здоровьем или даже жизнью; оскорбленный не имеет права требовать, чтобы оскорбитель из-за недоразумения поставил в опасность свою жизнь и вступил в поединок; оскорбитель еще менее имеет право требовать дуэли и посредством последней может только к одной несправедливости прибавить другую. Во всяком случае дуэль не может выяснить незаслуженность оскорбления и чью бы то ни было правоту. И, однако, многие люди, когда им наносили оскорбления, несмотря на свой отрицательный взгляд на дуэль, делали и принимали вызовы, убивали, увечили своих противников или погибали сами, не будучи в состоянии примириться с тем, что их назовут трусами, или что они покажутся другим таковыми.

Конечно, в данном случае — в вопросе об алиментах — нет такого сильного давления общественного предрассудка, нет такого единодушия во взглядах и такой распространенности известной ложной точки зрения, какие были, по крайней мере в прежнее время, в вопросе о дуэли. Но в известных слоях населения указанный выше предрассудок держится и на лиц, принадлежащих к этим слоям, оказывает более или менее значительное давление. Учитывать это давление очень важно и с уголовно-судебной точки зрения, и с точки зрения пенитенциарно-педагогической, т. е. для правильной поста-

[1]) См. мой Очерк основных начал науки уголовного права, II (1923), § 307.

новки и успешного достижения конкретных педагогических целей в отношении данного субъекта в исправительно-трудовом учреждении. Отметить, что данный субъект действовал под давлением этого предрассудка и сам, быть может, в значительной мере заражен им, весьма важно для суда, чтобы во всей полноте выяснить внутренние пружины поведения данного субъекта, не отнести ошибочно те или иные черты его поступка на счет иных свойств его личности и верно определить степень его опасности. Учебно-воспитательному персоналу исправительно-трудового учреждения также очень важно знать эту сторону личности заключенного, его податливость давлению этого общественного предрассудка, чтобы направить на нее соответствующее педагогическое воздействие. С точки зрения общего предупреждения преступлений необходимо бороться с этим предрассудком путем печати и пропаганды.

Из сказанного ясно, что рядом с обрисованной выше разновидностью импульсивных преступников, совершивших преступления из желания избавиться от алиментов, как от обузы, стесняющей их жизнь на ряд лет, надо поставить другую разновидность, состоящую из лиц, которые совершили преступления, желая избежать платежа алиментов, между прочим, или даже главным образом, потому, что считали, что наложение на них обязанности такого платежа поставит их в неловкое, позорное или смешное положение, сделает посмешищем в глазах окружающего общества. Среди представителей этой разновидности надо различать две группы: видевших для себя, прежде всего, позор в присуждении к платежу алиментов и считавших, что это поставит их в смешное положение в глазах окружающего общества, сделает их мишенью неприятных острот по их адресу и насмешек.

Не следует думать, что лишь в пределах импульсивного типа может быть выделена, как особая разновидность, группа лиц, считавших, что платеж алиментов поставит их в позорное, конфузное или смешное положение. Как мы увидим,

есть основание выделять эту разновидность и в пределах других типов, поскольку с уголовно-судебной и с пенитенциарно-педагогической точек зрения желательно отмечать эту особенность в настроении и складе этих лиц.

Как на пример данной разновидности импульсивных преступников из-за алиментов, можно указать на следующий тяжкий, но интересный, случай.

Василий М. 18 лет, из крестьян Тверской губернии, ранее не судившийся, учинил 28 ноября 1924 г. в Ленинске следующее преступление. Он отравил уксусной эссенцией новорожденную Антонину Грязнову, трех недель от рождения, при следующих обстоятельствах. С лета 1923 г. он познакомился с матерью этой девочки, с гражданкой Грязновой, которая была родом из той деревни, куда была отдана замуж сестра Василия. Грязнова считалась подругой его сестры. Одно время она жила работницей у бабки Василия, имевшей около Ленинска небольшое крестьянское хозяйство. Сам Василий жил в Ленинске у брата, который имел там башмачную мастерскую. В этой мастерской он и работал вместе с братом. Когда у брата ушла на время прислуга, на место последней была приглашена Грязнова. Василий и прежде имел половую связь с Грязновой, а с появлением последней в роли прислуги эта связь стала более частой и превратилась в постоянное сожительство. Он утверждает, однако, что в то же время Грязнова жила и с другими мужчинами, чуть не со всеми, которые жили в их доме, и что он это знал, да и сама Грязнова этого не скрывала, рассказывая ему все подробности в минуты откровенности. В результате Грязнова забеременела и родила дочь Антонину. От кого этот ребенок, по словам Василия, ни сама Грязнова, ни ее любовники не знали. Василий думает, что эта девочка — не от него, но Грязнова стала утверждать обратное и требовать алименты. Сначала он вошел с ней в такое соглашение: обязался платить ей ежемесячно на содержание ребенка 10 рублей и, кроме того, дал лисью шубу и швейную машинку. Грязнова за это должна была уйти с места у брата Василия и не предъявлять ни к Василию, ни к его брату никаких денежных претензий. Василий, по

его признанию, не любил Грязновой, она ему даже не нравилась, он никогда не обещал ей жениться на ней и очень желал от нее избавиться. Неприятно ему было и то, что по поводу его связи с Грязновой и рождения ребенка по дому «шла молва». Он думал, что с уходом Грязновой все это затихнет. Жил он с ней лишь ради удовлетворения половой потребности и очень желал порвать эту связь, тем более, что имел уже невесту и собирался скоро жениться. Грязнова сначала согласилась на предложенные им условия и отправилась с ребенком в деревню, к своему отцу, думая у него поселиться. Но отец не пожелал принять ее, и она снова вернулась к М. С этого времени, по словам Василия, жизнь для него стала адом. Брат и невестка «постоянно выговаривали ему за то, что им приходится держать у себя его любовницу с ребенком», а в доме все зубоскалили и смеялись по поводу его связи с Грязновой и «глупого» положения, в которое он попал: «все пользовались, а ты, дурак, за всех плати», говорили ему. Ссоры с братом стали доходить до драк, причем брат категорически требовал, чтобы он или женился на Грязновой, или иначе поладил с ней, но «развязал бы» и его, и себя. Отношения с Грязновой также стали быстро меняться к худшему. Прежде с ней еще можно было так или иначе сговориться, «теперь же она стала дерзкая, ни на что не согласная» и стала всем рассказывать, что именно Василий является отцом ребенка, а «другие мужчины тут не при чем». Василий все думал, как бы ему кончить всю эту историю. Один знакомый мастер дал будто бы ему совет насчет уксусной эссенции. Он подумал, решил окончательно извести ребенка и стал выжидать удобного момента. Прежде он часто мечтал, что ребенок сам умрет от какой-либо причины, но тот, как на зло, был здоров и умирать не собирался. Однажды, когда Грязнова куда-то ушла и дома оставались лишь брат с женой да Василий, ребенок, спавший в отгороженном углу, закричал. Невестка сказала Василию, чтобы он подошел к люльке и покачал ребенка. Тот направился, имея в кармане пузырек с уксусной эссенцией, и решил, что пора действовать. Быстро вынув пузырек, он влил эссенцию в рот ребенку. Раздался страш-

ный крик. Подбежавшая невестка, удивленная побелевшими губами ребенка, позвала мужа. Тот сказал, что ребенок явно отравлен, поднял шум, призвал соседей. Ребенок тут же умер. Подозрение всех пало на Василия. Последний, растерявшись, сразу сознался и тут же решил итти в милицию и сообщить о случившемся. Идя в милицию, он по дороге встретил Грязнову и сказал ей, что ребенок умирает. Та будто бы ему ответила: «и пускай себе умирает».

За свое преступление Василий приговорен к 2 годам 8 месяцам заключения и считает свое наказание справедливым, а поступок свой — нехорошим, хотя и не особенно большим преступлением, «не настоящим убийством». Никакой жалости к ребенку не проявляет и о нем не вспоминает. Во всем винит Грязнову, ненавидит ее и жалеет, что «не покончил с ней». Главную вину Грязновой он видит в том, что на суде она указывала определенно на него, как на отца ребенка, а сначала говорила, что не знает, от кого у нее этот ребенок. По его счету, она одновременно жила с 8 мужчинами и ей же было бы лучше, если бы она заявила, что все являются отцами этого ребенка, получала бы тогда с каждого по 10 рублей, итого — целых 80 рублей в месяц. Но она этого не заявила на суде, а «валила определенно все на него одного». Вот этого он и не может простить ей: зачем было так делать, и себе пользы не принесла, и ему повредила. Он признает, что платить алименты ему было бы неприятно и что он очень боялся суда, которым ему угрожала Грязнова. Но главным мотивом его преступления было стремление выйти из того неловкого и «глупого» положения, в которое он попал, избавиться от дальнейших насмешек и зубоскальства в доме на его счет, «прикончить все это и брата развязать». Сидение в исправдоме ему очень неприятно, сидеть приходится с ворами и убийцами, и он побаивается, как бы ему не сделаться, под их влиянием, таким же.

Василий — юноша хотя и не особенно развитой, но в интеллектуальном отношении выше обрисованных раньше преступников из-за алиментов. Десяти — одиннадцати лет он окончил начальную городскую школу, учился хорошо, особенно легко давалась ему арифметика, а сравнительно трудно — чистописание. Он кое-что читал по беллетристике, читать любит и прочитанное помнит недурно. Память у него средняя. По окончании городской школы ему хотелось учиться дальше, чтобы «стать ученым», но обстоятельства не позволили; его определили учиться башмачному делу и мысль об учении пришлось бросить: «голова стала не тем занята», хотя и сейчас он завидует положению ученых. Пробовал он читать и научные книги по географии и медицине, они ему нравились; читал он также книги и политического содержания, но они показались ему очень скучными, почему он их быстро и бросил. У него заметна некоторая любознательность, которая, возможно, при других условиях получила бы большее развитие и удовлетворение. Он недурно и довольно быстро выучился башмачному делу и считается хорошим мастером. Его отец — также башмачник, но плохой, и притом горький пьяница. В пьяном виде отец обыкновенно вел себя тихо, шел спать, не скандалил и с женой не дрался. В трезвом же виде иногда сильно раздражался и бил жену. К детям относился хорошо, хотя строго, но «понапрасну не обижал». Хотя отец Василия мастер не искусный, однако он все же кое-что зарабатывал, еще более зарабатывала мать и семья имела средний достаток; лишь иногда бывала нужда, потому что отец много пропивал. Семья сначала жила в деревне, а затем переселилась в Ленинград, после же революции, во время голода, выезжала в хлебородные губернии, а затем, наконец, устроилась на жительство в Ленинске. Мать Василия, умершая в 1923 г., также была башмачница и башмачница хорошая, зарабатывавшая больше отца; главным образом на ее заработок и жила семья. К отцу Василий равнодушен, никогда его не любил и не боялся, несмотря на то, что он был строг. К памяти же матери он относился с глубоким уважением и утверждает, что всегда очень любил ее. С отцом Василий часто спорил по религиозным вопросам и сильно с ним ссорился из-за этого. Отец был очень религиозен, а сын относился к религии сначала равнодушно, а потом — резко отрицательно; на этой почве у них бывали большие нелады. Василий — младший ребенок в семье своих родителей. Кроме

него, у них были еще сын и дочь. Ни родители, ни брат, ни сестра Василия не судились. Душевно-больных ни со стороны, отца, ни со стороны матери не было. Василий здоров, но так же, как отец, — алкоголик; пить он начал с 12 лет и пьет довольно сильно. Любит он также принарядиться, ходить на вечеринки и «гулять» с девицами; половую жизнь начал с 16 лет, проституток избегал, с женщинами имел большею частью мимолетные связи. Выше всего он ценит легкую и веселую жизнь, в которой было бы побольше развлечений и поменьше работы. Хотя он все время вел трудовую жизнь, но работать не любит и предпочитает гулять с товарищами. Приятелей у него было довольно много и он часто гулял с ними. Бывали случаи, что он с ними и ссорился, но драк всегда избегал, так как — малосильный, и в драках ему всегда сильно попадало; единственный раз, когда он победил противника, имел место уже в исправдоме, где он, раздражившись, побил одного заключенного. Однако, как видно и из этого случая, и из других фактов его жизни, некоторая склонность к насильственной расправе у него есть, только он благоразумно воздерживается от ее проявления во всех случаях, когда сталкивается с человеком более сильным, чем он. Его уменье сдерживаться, выжидать, рассчитанно проявлять свою силу видно и из общей картины его преступления. Правда, он ошибся в расчете, не предусмотрел крика ребенка, думал, что тот умрет, не успев вскрикнуть, и тогда можно будет незаметно удалиться так, что Грязнова и не догадается, в чем дело: умер и умер, а отчего, кто же его знает, мало ли от чего может умереть такой маленький ребенок, никто этим интересоваться не станет и все сойдет с рук благополучно. Так он рассчитывал, но не так случилось.

Не будь этой истории с Грязновой, Василий был бы доволен своей жизнью: жилось недурно и довольно весело. В его жизни был, однако, другой факт, о котором ему тяжело вспоминать. Факт этот следующий. До шести лет он жил с матерью в деревне. Когда ему было лет шесть, сгорел их дом и дома три соседних. Виновником этого пожара был он с товарищами. Они «баловались» с огнем, устраивали костер,

от чего и случился пожар. После пожара мать с ним и переехала на жительство к отцу в Ленинград. Этот пожар очень сильно испугал Василия, и ему до сих пор неприятно об этом воспоминать. Чувство страха у него вообще развито довольно сильно, и он заметно трусоват. Данный случай мог подействовать на него в этом направлении. Таков этот юноша, у которого, наряду с некоторой живостью ума и средними способностями, заметны недоразвитие нравственного сознания и чувства сострадания, — что ярко проявилось в его отношении к этому несчастному ребенку, — значительная доля легкомыслия и трусости с наклонностью, ради избавления себя от неловкого и, по его мнению, смешного положения, прибегать к насильственным действиям в отношении людей более слабых, чем он.

Имея в виду, что среди мотивов, вызывающих преступления из-за алиментов, могут играть более или менее видную роль стремление предотварить или устранить нелады, по поводу алиментов, с родственниками, или стремление избавиться от положения, которое субъекту представляется позорным или смешным, в делах об этих преступлениях и при исследовании преступников этой категории необходимо останавливаться на выяснении, помимо указанных выше моментов, еще следующих вопросов:

Как смотрит на алименты данный субъект?

Считает ли он смешным или позорным положение человека, платящего алименты?

Каково отношение к алиментам его близких родственников, от которых он в той или иной мере зависит, или отношениями к нему которых он дорожит? Не возникало ли у него с ними по этому поводу каких-либо столкновений, или не ожидал ли он последних?

Боязнь показаться смешным или опозоренным, страх испортить или окончательно подорвать свои отношения с родными могут оказывать сильное давление на человека и поддерживать в его душе голос злых, эгоистических чувств, заставляющих с большим неудовольствием и страхом думать об угрожающей обязанности платить алименты. Это давление необходимо учитывать и степень его надо возможно полнее

определить. Источником силы, с которою указанные факторы оказывают давление на волю субъекта, являются, в сущности, не дурные свойства человека: его стремление поддерживать хорошие отношения с родными, избегать того, что может его опозорить или сделать смешным и т. д. На эти свойства легко может опереться умело направленное воспитательное воздействие и, целесообразно направив их, сделать их силами, противодействующими стремлению к преступлению, ценными криминорепульсивными элементами. У рассматриваемой категории преступников эти свойства приводят к преступлению благодаря сочетанию с недоразвитым и извращенным нравственным сознанием.

С точки зрения предупреждения преступлений, — а только ею должна руководиться карательная политика государства, — лица, обладающие данными свойствами, при прочих равных условиях, могут требовать для своего исправления менее длительного исправительно-трудового воздействия. Необходимо очистить их нравственное сознание от указанного выше предрассудка и повысить несколько уровень их развития, что не требует очень уже длительного воздействия, и опасность этих людей для общества будет достаточно устранена; именно, для того, чтобы направить воспитательное воздействие на истинные корни их преступления нужно выяснить во всей его полноте их взгляд на алименты и отношение к последним их родных и окружающего их слоя общества. Путем психологических опытов и расспросов о их прошлой жизни и об отношениях к окружавшему обществу надо постараться выяснить также степень их внушаемости.

V.

РАССУДОЧНО-РАСЧЕТЛИВЫЕ ПРЕСТУПНИКИ ИЗ-ЗА АЛИМЕНТОВ.

Большой интерес, со стороны внушаемости, представляет преступник, на котором я остановлюсь в настоящей главе. Но прежде чем перейти к его обрисовке, я должен общими штрихами набросать характеристику того криминального типа, который я называю рассудочно-расчетливым и одним из носителей которого является данный субъект [1]). К рассудочно-расчетливым я отношу тех преступников, которые совершили преступление, главным образом, из расчета таким образом достигнуть или, по крайней мере, приблизиться к достижению известной цели, имеющей для них не мимолетное, а более или менее общее, руководящее значение в жизни, поскольку достижением ее на долгий срок создаются известные рамки для этой жизни и определяется направление последней. Не порыв чувства, не стремление к мимолетным чувственным наслаждениям, а представление известной связи совершаемого преступления с их общею целью, — вот что толкает их на преступную дорогу, и чтобы свести их с последней, надо или изменить в их глазах значение этой общей цели, или привести к убеждению в необходимости итти к ней иными, непреступными путями. Поставив себе целью достижение известного более или менее постоянного положения — служебного, социального, имущественного, семейного, — или известной роли в обществе, они ради этой общей

[1]) Ср. мою Криминальную психологию, гл. VIII.

цели своей жизни совершают преступление, потому что, по их расчетам, преступление поможет им достигнуть ее, или устранит какое-либо стоящее на пути к ней препятствие и приблизит к ее осуществлению. В качестве общих целей, толкающих к преступлению, у этих преступников обыкновенно фигурируют:

1. Карьера, причем преступники, у которых движущей силой является склонность к достижению этой цели, стремятся к последней или по честолюбию, как к властному, видному, почетному положению (карьеристы-властолюбцы или честолюбцы), или ради материальных выгод, связанных с известным положением (корыстные карьеристы).

2. Достижение известного семейного положения, — освобождение себя от известных тягостных для субъекта почему-либо уз с целью поставить себя в новое семейное положение и т. д. (искатели семейного покоя или счастья).

3. Достижение солидного имущественного положения, не просто путем получения куша денег для временного облегчения и улучшения своего положения или кутежей, — как это бывает у импульсивных преступников, — а прочного изменения своего имущественного положения, путем устройства, расширения или обеспечения известного постоянного источника дохода, — какого-нибудь торгового предприятия («коммерческие дельцы») или какого-нибудь хозяйства («хозяйчики»), создания себе клиентуры и практики и т. д. В этих случаях известный целевой комплекс, ассоциируясь с образом известного преступления, как средства для этой цели, создает очень устойчивое предрасположение к преступлению, которое надо тщательно выяснить, чтобы, затем, найти средства, как на него действовать.

Никакого идейного базиса под свое преступление расчетливые преступники не подводят; они знают, что оно нехорошо и им не следовало бы его делать, но это преступление, по их расчетам, ведет или приближает их к цели, которой они решили добиться, и это соблазняет их. Этим они отличаются от резервов. К этому типу принадлежат, между прочим, те, которые совершают преступление, мечтая таким путем добыть себе капитал для торговли, завести лавку и т. п.

Некоторая общая цель, с которой до известной степени дисгармонировали отношения с Грязновой и ребенок, была и у только что обрисованного выше Василия М., именно: он собирался жениться, и поднятый вокруг его отношений с Грязновой шум был ему неприятен, между прочим, и ввиду того, что он был женихом. Но главные его мотивы лежали вне этой плоскости. Данная цель — вступление в брак — представлялась ему достижимой, несмотря на весь происшедший «скандал», и не зависела от каких-либо его действий в отношении ребенка или его матери. Задуманное им преступление не связывалось в его сознании логическою связью с будущим его браком и не было средством устранить какое-либо препятствие, стоявшее на пути к последнему. Поэтому его нельзя причислить к рассудочно-расчетливым преступникам. Целевой комплекс, приведший его к преступлению, заключался в устранении ощущаемого им в данный момент неприятного состояния, — смешного положения в глазах других и неловкого положения перед братом. Все остальные неприятные ощущения, связывавшиеся с перспективой предстоящего платежа алиментов, отодвигались, сравнительно с указанными моментами, на задний план. Ввиду всего этого он является ярким носителем импульсивного типа. Теперь же я остановлюсь на характеристике преступника, у которого довольно ярко выражены черты рассудочно-расчетливого типа.

Петр Ф. 30 лет, крестьянин-хлебороб, из казаков Кубанской области, имеет свое хозяйство в станице Новоминской. Сначала он жил в этой местности вместе с родителями и вел совместно с отцом довольно большое хозяйство; у них было 5 лошадей, несколько коров и довольно много мелкого скота и птицы. Кроме него, у отца было 2 дочери, которые теперь вышли замуж. Мать Петра давно умерла, и отец его женился на второй жене. Отношения у Петра с мачехой были удовлетворительные, она его не «притесняла», и они довольно долго жили вместе в мире. Отец со второй женой иногда дерется в пьяном виде. Он довольно сильно пьет и пьяный скандалит. Через некоторое время Петр, без особой ссоры, отошел от отца и стал вести самостоятельное хозяйство; у него 9 де-

сятин пахотной земли, 2 лошади, корова, несколько штук мелкого скота и птицы. Он — очень хозяйствен. Все интересы его — в хозяйстве, и ко всем явлениям он подходит со стороны их большей или меньшей полезности для хозяйства. Любит вообще рассчитывать, но рассчитывает медленно, с трудом. Мышление его бедно ассоциациями и комбинирует медленно. Однако глупым его назвать нельзя. Малограмотен: в начальной школе учился лишь одну зиму, «больше некогда было, надо было работать дома по хозяйству». Из четырех действий знает лишь два первые, умножения и деления не знает. Но и с задачами на сложение и вычитание, при более или менее крупных числах, справляется не без усилий. Находит, что ему, как крестьянину, большего образования и не требуется. Читал очень мало и почти исключительно книжки по сельскому хозяйству. Память у него средняя. Сам он про свою память говорит, что она «ничего себе». Эксперименты это подтвердили; между прочим, из показанных ему 6 бернштейновских фигур на общей таблице узнал 3 и ни одной не показал неверно. Характер у него не веселый, скорее угрюмый и тяжелый. Шумного веселья, болтовни и вечеринок он избегал, а сейчас находит, что они ему, как человеку семейному и уже 30 лет, не приличествуют. Склонен держать себя степенно, не без заметного сознания своего достоинства. Вспыльчивости и раздражительности у него незаметно, но чувствуется, что он не из добрых, и сам себя добрым он не называет. Пьет немного, большею частью вино и пиво, водки избегает. В пьяном виде не скандалит, а ведет себя тихо и стремится спать. Скуп и старается деньги попусту не тратить, а на хозяйство. Женился 20 с небольшим лет на девице, которую сам выбрал по своему вкусу. Ссорится с ней редко и «всего 3 раза ее побил». От жены у него было 4 детей, из которых в живых лишь одна девочка; остальные умерли в раннем детстве. Жену свою очень уважает и в хозяйстве постоянно обо всем с нею советуется. Рекомендует ее как женщину степенную, тихого, спокойного характера, трудолюбивую, преданную ему и очень скупую; она еще менее его склонна попусту тратить деньги. По возрасту она старше его года

на 3. И он, и жена оба держатся убеждения, что женатому человеку надо держать себя особенно скромно и никаких «глупостей» себе не позволять. Оба они думают, что платить алименты женатому человеку позорно: «от народа срам». Холостому также позорно платить алименты, он должен жениться на матери своего ребенка. Женатый же человек должен платить алименты, это — полагается по закону и справедливо, но это — срам, позор, перед людьми совестно. Скажут: «женатый, а такие глупости». У них в станице не один он с женой так думают, а все или почти все, и над «алиментщиками» сильно и злобно смеются. В половом отношении Петр особой пылкостью не отличается. Половое созревание у него было позднее, лет 19. До женитьбы он половых связей не имел, а потом жене изменял с несколькими женщинами, как можно заключить из истории его преступления и из того, что несколько лет назад у него был триппер; по его утверждению, виновник этой болезни — продувший его холодный ветер, но такое объяснение, разумеется, наивно. Неверно и его уверение, будто он изменял жене лишь с одной Третьяковой, о которой речь будет ниже. Жена про его измены, — за исключением последней, — ничего не знала, и, таким образом, доброе согласие его с женой этими изменами не нарушалось.

В 1922 году Петр был мобилизован в белую армию, попал в плен к красным, а затем поступил добровольцем в Красную армию. На военной службе пробыл до конца 1924 года. Участвовал во многих сражениях, но ни ранен, ни контужен не был. Казалось бы, в общем его жизнь за последние годы текла так спокойно в плоскости хозяйственных забот, что никакому преступлению в ней не должно бы было быть места. Почему же он стал убийцей из-за алиментов? Дело было так. Ввиду сравнительной обширности своего хозяйства Петр в течение 3 лет — 1922—1925 гг. — держал работницу Марию Третьякову, которая в голодные годы переселилась в Кубанскую область из Харьковской губернии. Затем, в 1925 г. хозяйство Петра, ввиду плохого урожая, к тому же выбитого сильным градом, пришло в расстройство; он продал лошадей, сильно сократил запашку, не смог более держать работ-

ницу, и Третьякова ушла от него, проработав лишь до 1 июня; она поступила на службу к другим лицам. Сам Петр, желая приработать, стал столярничать в станице; он знает немного столярное ремесло. Все время, пока Третьякова жила у Петра в работницах, и потом, когда она ушла от него на другое место, она находилась с ним в половой связи. Жена Петра об этом сначала ничего не знала. Надо заметить, что, по местному обычаю, с наступлением летних месяцев Петр, подобно другим жителям станицы, переселялся в летнее помещение, устроенное в поле, и пребывал там все время полевых работ, до глубокой осени. Третьякова уезжала с ним, и там они свободно сожительствовали. Жена Петра приезжала позднее, лишь на период наиболее горячих работ. Таким образом, Петр и Третьякова месяцами бывали одни. Когда Третьякова ушла на другое место, она продолжала время от времени видеться с Петром и своих отношений с ним не порвала. Весной 1926 г. она почувствовала себя беременной, о чем сказала Петру. Последний настоятельно советовал ей сделать аборт, но Третьякова последнего не сделала по неизвестным причинам. Между прочим, Третьякова сочла нужным заявить о своем положении жене Петра и призналась ей в своем продолжительном сожительстве с ее мужем. Та, услышав об этом, в припадке ревности избила и выгнала вон Третьякову. Петра при этом не было дома; иначе, говорит он, он не позволил бы жене бить Третьякову. После того, как жена Петра узнала о сожительстве своего мужа с Третьяковой, между супругами начались постоянные ссоры. Петр понял, что так дальше их семейная жизнь продолжаться не может, что жена не примирится просто с его связью с Третьяковой. Жена страшно ревновала его к Третьяковой и требовала, чтобы он покончил с последней. Петр одно время угрожал жене разводом, но на самом деле разводиться с ней не собирался и даже побаивался, как бы она с ним не развелась. Жену он не любит, ею, как женщиной, мало интересуется, но уважает ее и ценит, как хорошую хозяйку и очень полезную сотрудницу в разных хозяйственных делах. Последнее время он был очень занят восстановлением своего хозяйства, и жена, как

помощница в этом деле, была ему очень нужна. Легко догадаться, что в вопросах хозяйственных жена в его глазах имела большой авторитет, что он не только советовался с ней по всем этим вопросам, но и слушался ее. Будучи человеком с вялым, туго соображающим умом, он невольно отдавал ей пальму первенства во всех сколько-нибудь сложных и серьезных вопросах. По всем признакам, она более активна и сообразительна, чем он. Ему не охота в том признаться, но все говорит за то, что в доме верховодила она, а не он. Как и у него, все ее интересы были в хозяйстве, и она еще более, чем он, стремилась, чтобы ни одна копейка не шла попусту, мимо хозяйства или в ущерб хозяйству. Ее преданность хозяйственным интересам укрепляла ее авторитет в его глазах. Как человек легко внушаемый, он подчинялся ей, и если иногда ругался и шумел, — три раза даже подрался, — то это была — так, пустая видимость какой-то власти в доме; на самом же деле эту власть жена его крепко держала в своих руках, позволяя ему лишь иногда для самоуслаждения «похорохориться», потому что все-таки муж, хозяин. Жена имела большой авторитет в глазах Петра и потому, что она настоящая, законная жена, а у него заметно уважение к законным брачным узам. Они связывают, по его представлениям, супругов так крепко, что никакие эти «глупости» для них недозволительны. А отношения внебрачные, независимо от чувства, их проникающего, это, именно, «глупость», которую лица, состоящие в браке, не должны допускать. Алименты же, как своего рода доказательство этой «глупости» и ее документальное подтверждение, — позор, «срам от народа». Таковы взгляды и его, и его жены. Когда жена Петра узнала о сожительстве своего мужа с Третьяковой и о беременности последней, перед ней сразу явились три опасности: потерять мужа, к которому некоторую, а, может быть, и большую, привязанность она, несомненно, чувствовала; потерять хозяина и быть выбитой из колеи тех хозяйственных планов, которые поглощали всю ее энергию и с которыми она свыклась; наконец, — позор и убыточность для хозяйства алиментов. Все это било ее по самым чувствительным ме-

стам. Как женщина активная и, повидимому, довольно решительная, она сейчас же вооружилась против всех этих опасностей и начала действовать. Мужу она заявила, что отношения его с Третьяковой — блажь и глупость, которою стыдно заниматься женатому человеку, и что алиментов надо избежать во что бы то ни стало, так как это — позор перед всем народом, после которого и глаза нельзя никуда показать, так как все смеяться станут и над ним, и над ней: какой, мол, муж-то у тебя. Надо во что бы то ни стало все это кончить, и, раз Третьякова не делает аборта, ее надо вместе с ребенком убить. Все эти мысли ее нашли в конце концов живой отклик в душе ее мужа. Настоящей любви к Третьяковой он не чувствовал, да вряд ли к ней и способен. Он также думал, что Третьякова это — «блажь» и «глупость» и серьезному хозяину такими делами заниматься неприлично. С Третьяковой он сошелся, потому что просто соблазнился попутаться с новой женщиной, которая казалась ему гораздо интереснее его жены, как женщина, и была моложе ее на несколько лет. Третьяковой было около 30 лет; он ей понравился и она против связи с ним сильно не протествовала. Увидев ее доступность для него, он и соблазнился, настаивал только на том, чтобы все было «шито-крыто» и чтобы жена ничего не знала; и в течение нескольких лет эта связь тщательно скрывалась от жены. О том, что Третьякова ему нравилась, свидетельствует, между прочим, тот факт, что, несмотря на свою скупость, он покупал ей одежду, обувь и по временам давал немного денег.

Изложенная выше характеристика отношений Петра к Третьяковой, в связи вообще с холодностью и черствостью его натуры, помогает понять, почему мысль жены об убийстве Третьяковой не вызвала у него длительного и достаточно энергичного протеста, и они скоро стали вместе обдумывать как бы получше осуществить план убийства. Не трудно догадаться, что главная роль в разработке этого плана принадлежала жене. Решили так. Петр должен притвориться, будто он хочет бросить жену и уехать с Третьяковой, чтобы устроиться с нею на ее родине; для этого он должен назначить ей определенное место, куда она должна явиться с вещами, чтобы ехать вместе по железной дороге. На пути к станции он должен убить Третьякову. Три дня обдумывали они этот план. 5 сентября 1926 г. Петр виделся на рынке с Третьяковой, которая сообщила ему, что она покончила все расчеты с своими хозяевами и готова к отъезду; тогда он назначил ей прийти завтра вечером, как стемнеет, в определенное место, откуда они будто бы отправятся на станцию. В ночь на 6 сентября Петр сообщил жене, что Третьякова приготовилась к отъезду и что он решился приступить завтра к выполнению плана. Та была этому очень рада и ободряла его. Вечером 6 сентября Третьякова пришла с 2 узлами имущества в условленное место, и они пошли по дороге к станции, разговаривая об устройстве их будущей совместной жизни. Петр был очень ласков с ней и раза два ее поцеловал. Пройдя некоторое расстояние, Петр предложил присесть поотдохнуть. Полулежа рядом на траве, они продолжали разговор об устройстве их жизни, а тем временем Петр, осмотревшись по сторонам, нет ли кого поблизости, привстал на колене, выхватил приготовленный заранее нож из голенища сапога, схватил левой рукой Третьякову за горло, а правой перерезал ей горло с правой стороны, а затем — и с левой; в результате оказались перерезанными все крупные сосуды и дыхательное горло. Третьякова тут же скончалась. Осмотрев узлы покойной, Петр взял один из них с вещами и с находившимися там деньгами и побежал домой. Зачем он взял узел, он, по его словам, не знает. Можно думать, что хотел отдать вещи жене. Труп он оставил на месте убийства. Прибежав домой около 10 часов вечера, он вошел в дом, сказал жене, что выполнил убийство, как было условлено, бросил в доме узел с вещами Третьяковой и сейчас же вышел к стоявшей на дворе кадке с водой, в которой тщательно вымыл окровавленные руки и нож. Войдя снова в дом, он отдал жене взятые им у Третьяковой 21 руб. Жена вещей Третьяковой не взяла, а велела ему отнести узел в противоположную от дома сторону и бросить там на дороге. В приговоре говорится, что нож, которым было совершено убийство, был зарыт во дворе в глине

и найден при обыске. Петр же утверждает, что ножа он не зарывал, что тот упал и вонзился в глину у колодца, а потом его затянуло, и что он не знал, куда девался нож. Но было ли так или иначе, это для дела не существенно. По вскрытии покойной Третьяковой у нее обнаружен ребенок на седьмом месяце. За свое преступление Петр приговорен к 10 годам заключения со строгой изоляцией и с поражением в правах на 5 лет. Его жена Мария была приговорена к 8 годам заключения, но затем суд уменьшил ей срок заключения до 5 лет. Ввиду того, что свидание Петра с Третьяковой происходило в темное время, преступники рассчитывали, что смерть Третьяковой будет приписана нападению бандитов.

Придя домой, Петр ощущал некоторое время какое-то беспокойство, но скоро успокоился и ночь спал хорошо и спокойно. После убийства он несколько раз видел Третьякову во сне, причем ему снилось, будто она смеется и в веселом настроении. Об убийстве вспоминает без заметного волнения. Доволен, что вследствие темного времени не видел крови Третьяковой, а то вид крови на него неприятно действует. Говорит, что и перед убийством, и во время убийства, и после него был «как во сне». Потом ему казалось даже сомнительным и невероятным, что он убил Третьякову. Он даже просился из заключения, чтобы его пустили посмотреть на покойную, действительно ли она умерла, но его не пустили. Утверждает, что Третьякова нравилась ему гораздо более жены и отношения с ней были для него гораздо приятнее. Она была с ним нежнее, чем жена, и «во всем для меня была хорошая», говорит он. Сейчас жалеет, что убил ее. На вопрос, не лучше ли было бы для него убить жену и сохранить себе Третьякову, сначала отвечает утвердительно, а затем, спохватившись, добавляет: «а еще лучше бы никого не убивать, оставить жене весь дом и хозяйство, а самому уйти с Третьяковой и жить на ее родине». «Авось прокормились бы». И с убеждением еще раз повторяет такое решение вставшей перед ним жизненной проблемы, причем прибавляет, что любил Третьякову и «жалел» ее больше, чем жену. Рассматривая на показанных ему картинках изображения

женщин и внимательно всмотревшись в них, говорит про одно, что оно похоже на Третьякову и напоминает ее, причем особенно долго на него смотрит, а про другое, — что сходства никакого с Третьяковой нет. Смысла многих показанных ему картинок он уловить не мог. Так, напр., про картинку, воспроизводящую известную картину Репина — убийство Иваном Грозным сына, говорит: «какая-то кровь тут и какие-то мужчины как будто в каком-то хорошем отношении, а, впрочем, не знаю, что это».

Я полагаю, что некоторое сожаление о покойной и о том, что он убил ее, у Петра Ф., действительно, есть. Возможно, что взвинченный подстрекательством жены он действовал в особом состоянии напряженного повиновения тому, что ему внушено, в состоянии, которое ему напоминало сонные грезы. Интересно, между прочим, отметить некоторые детали из процесса подстрекательства жены. Когда жена предложила «покончить» с Третьяковой, он сначала заколебался, потому что «убивать как-то неудобно». Но затем, когда через некоторое время, в воскресенье, после того, как они распили полбутылки водки, жена вновь завела речь о том же, он перестал «колебаться», и они перешли к обсуждению плана убийства, причем и здесь инициатива принадлежала жене; весь план мнимого отъезда с Третьяковой для новой жизни на ее родине был изобретен его женою и им лишь, так сказать, подработан в деталях и усвоен.

Если вглядеться внимательно в изложенный случай, то станет ясно, что двойной ряд импульсов привел Петра к преступлению. Первый — исходил из той главной общей жизненной цели, которую он и жена его себе поставили: поднять свое пошатнувшееся хозяйство и устроить его как можно лучше. Отсюда проистекали импульсы не порывать с женой, а раз совместная жизнь с ней стала невозможна без устранения Третьяковой с их жизненного пути, устранить последнюю и избавить с таким трудом восстанавливаемое хозяйство от платежей алиментов. Второй ряд импульсов исходил из усвоенных Петром и его женой взглядов на внебрачные отношения и алименты, кратко выражаемых формулой: «от людей стыдно».

Ввиду всего изложенного Петра Ф. следует отнести к числу преступников рассудочно-расчетливых. У его жены, наряду с вышеизложенными моментами, была еще ревность. Насколько сильно захватывало ее это чувство, было ли оно у нее главной побудительной силой, отодвигавшей на задний план всякие имущественные расчеты и напряженно искавшей удовлетворения, или, наоборот, оно, как фактор второстепенный, лишь несколько поддерживало общие у нее с мужем расчеты, — сказать нельзя без специального обследования ее. Если же основываться на том, что сообщал о ней Петр, то более вероятным является второе предположение. У Петра заметно теперь некоторое раздражение против жены, которая первая толкнула его на это дело. Недоволен он также сидением в исправдоме: теперь, говорит он, другу-недругу закажу убивать. Но ясной и полной моральной и социальной оценки убийства он дать не может. В содеянном им убийстве он сначала не сознавался, а потом, когда, по его словам, его сильно избили, сознался и на жену указал, как на подстрекательницу. Убийство, по его мнению, дело плохое, убивать никого нельзя, но почему, — он объяснить не может.

В приведенном примере стимул к убийству вырос из перспективы платежа алиментов. Но бывают и такие случаи, когда алименты играют иную роль и с иной стороны толкают к убийству, именно: когда жертвой убийства становится тот, кто не платит или мешает платить алименты. Вот один из случаев этого рода [1]). Действующим лицом в нем является Николай Андреевич П. 43 лет, из крестьян Костромской губернии. Отец его умер, когда ему было года 3, так что он его не помнит. Он слышал, что отец его сильно пил и частенько бил свою жену, мать Николая. Последняя также часто и сильно пила. О детстве своем Николай вспоминает с тяжелым чувством: оставшись с 4 малолетними детьми вдовой, мать его жила очень бедно, с трудом кое-как обрабатывала землю и прирабатывала тем, что нанималась к соседям. Лет 8-9 Николай ходил с бабушкой просить ми-

[1]) Подробнее этот случай описан в моей Криминальной психологии, стр. 231 и сл.

лостыню, а лет с 10 нанимался к соседям в няньки и скотину стеречь. В школе он учился всего год, малограмотен. Ученье давалось ему с трудом, что он объясняет плохой памятью. Особенно трудно было ему рассказывать и решать задачи по арифметике. И сейчас он по части счета слаб, «трудно ему смекнуть», он полагает, «потому что не торговал». Пять на шесть он еще мог помножить, а шесть на девять и тринадцать на шесть — нет; не удалось ему и разделить 164 на 4, с делением же 64 на 4 он с трудом справился. Процесс чтения ему удается сносно, но усвоение прочитанного и рассказ — очень затруднительны. Книг он никаких не читал, только газеты по временам читает. С матерью он прожил в деревне до 15 лет, а потом отправился в Москву и стал работать по малярной части. Малярное дело ему нравится, и он его знает недурно. Из периода его детства и юности особенного ничего указать нельзя. В детстве, кроме бедности, постоянных колотушек строгой матери, — на которую он, впрочем, за это не обижается, считая колотушки нормальным воспитательным приемом, — да работы, иногда трудной и неприятной, у него ничего не было. На военной службе он был три раза: в 1902—1905 гг., с 1914 по 1918 г. и в Красной армии с 1919 по 1921 год. О военной службе он вспоминает с удовольствием во всех отношениях; не нравились ему только уроки словесности. Он много раз бывал в боях, часто видел трупы и раненых и привык к этим зрелищам. Однажды в 1914 году ему пришлось упорно защищаться карабином и шашкой, когда враг неожиданно вплотную подошел к батарее, на которой П. служил. Между прочим, он участвовал в боях под Новой Александрией и Ивангородом и попал в плен. Вернувшись из плена, он поселился в деревне, но в 1919 году у него сгорел дом и это обстоятельство опять привело его на военную службу: с год он прослужил в команде, ловившей дезертиров.

На 20-м году жизни П. женился и имел 6 человек детей, из которых трое в детском возрасте умерли. Половую жизнь он начал до женитьбы, лет с 16-17, и имел лишь мимолетные связи. Венерическими болезнями не болел. С женой особых неладов у него не было, бил он ее редко, но и жил с ней

редко, бывая в деревне лишь наездами, а большею частью пребывая в Москве, где работал у разных подрядчиков малярных работ в качестве мастера. Демобилизованный в 1921 году он приехал в Москву и поступил здесь на работу; к семье в деревню он не ездил уже около 2 лет, что объясняет скудостью своих денежных средств. Летом 1923 года он сошелся с соседкой по комнате Королевой и вскоре перешел в ее комнату, сохранив, однако, за собой и свое прежнее место в квартире. И ей, и другим жильцам квартиры он говорил, что вдов, что жена его будто бы во время пожара в деревне сгорела, оставив двух детей. Королева вскоре забеременела от П. и, случайно узнав, что он не вдов, стала беспокоиться о судьбе своего будущего ребенка. Ей объяснили, что, если П. ничего не будет ей давать на ребенка, то она может требовать с него судом. Королева имела очень небольшой заработок от торговли булками, и материальный вопрос ее сильно озабочивал. П. говорит, что она, узнав о посылке им денег в деревню, требовала, чтобы он эти посылки прекратил и окончательно порвал с своей семьей, на что он отвечал, что любит жену и детей и посылать им деньги не перестанет. Он утверждает также, что Королева постоянно ревновала его и высказывала сомнения в его верности, хотя он никаких поводов к тому не подавал. Возможно, что его пониженная половая способность внушала Королевой некоторые подозрения. Как бы то ни было, они часто ссорились, причем 2 раза П. переходил жить из комнаты Королевой на свое прежнее место и обратно. Надо добавить, что П. часто и довольно сильно колачивал Королеву. 29 марта 1924 года он поколотил ее особенно сильно, потому что она опять угрожала ему подать на него в суд. На следующий день — 30 марта — П. встал поздно; оказывается, Королева, проснувшись раньше, успела зайти к одной соседке, которая советовала ей пойти к доктору и показать ему, какие побои нанес П., не считаясь с тем, что она на 8-м месяце беременности. По словам этой соседки, П., который, несомненно, этими побоями нанес вред ребенку, суд назначит лет 7-8 тюрьмы. Такого рода угрозы Королева и высказала своему сожителю. П. утверждает еще, что его сожительница не

раз грозила выжечь ему «зенки», т. е. плеснуть в глаза серной кислотой, что раз будто бы даже, когда она собиралась это сделать, он вырвал у нее бутылку и разбил. Этой угрозы серной кислотой он будто бы очень боялся. Как бы то ни было, в злополучное воскресенье 30 марта П. встал поздно, выслушал сетования и угрозы Королевой, хотел было ее избить еще раз, но удержался и часов до 3-х дня они провели время вместе в атмосфере обычной воркотни и перебранки. Часа в 3 он пошел на рынок, а когда вернулся часам к 6, то вскоре они сели за стол и опять стали вести неприятный для П. разговор о ребенке, об угрозах кислотой, судом и т. д. Возвращаясь с рынка П. выпил 3 бутылки пива и был несколько навеселе. Под влиянием неприятных разговоров он встал из-за стола раздраженный, опять хотел было избить сожительницу, но удержался. Тут ему пришла мысль убить ее. Часов с 7 до 8½ он ходил по комнате «сам не свой»; были минуты, когда ему хотелось плюнуть, избить и уйти. Часов в 9 вечера стали ложиться спать. К этому времени бурный, испещренный площадной бранью разговор П. с сожительницей прекратился. Он говорил, что даже будто бы просил у нее прощенья и упрашивал не выжигать ему глаз, но она ответила, что «как сказала, так и будет». После этого ответа он утвердился в мысли убить ее. Полежав некоторое время и подумав, он сказал: «ну, ладно, пойду закурю», встал и пошел к столу, на котором лежал табак и хлебный нож. Он спрятал этот нож в рукав, лег рядом с Королевой с левой стороны, еще раз спросил ее, согласна ли она простить его и, получив ответ, что она остается при прежнем решении, сказал: «что это у тебя, Наташа, одеяло сползло, дай поправлю», обнял ее, выпростал нож из рукава и резнул по горлу. Ни криков, ни испуганного лица ее он не заметил, заметил только ее хрип. Перерезав ей горло, он перевалил ее на правый бок и «дорезал». Покончив с своей жертвой, он свалил ее на пол, положил вдоль печки, а сам сел на кровать и почувствовал сильную усталость, какой-то туман в голове, в глазах даже потемнело. Потом лег на кровать ногами к изголовью, — правый головной угол постели был весь в крови, — и крепко

заснул; снов никаких не видел. Всю процедуру убийства П. рассказывает совершенно спокойно, с оживленной жестикуляцией, причем, обняв шею одного из моих ассистентов, точно указал, проведя ногтем по шее, куда и как он ее резал. Проспал он часов до 7 утра, утром встал, напился чаю, как обыкновенно, запер квартиру и ушел на службу. На службе проработал весь день, не проявляя никакого беспокойства или волнения. Вернувшись домой, пообедал и принялся за сокрытие следов преступления: разрезал труп на части, разбив кости топором, туловище в мешке стащил на берег Москвы-реки и бросил в реку под стенами Новинской женской тюрьмы, конечности и голову снес второй раз и бросил в реку в другом месте. Так как обеспокоенные долгим отсутствием Королевой соседи, к которым она постоянно заходила, сообщили об этом отсутствии милиции, то вскоре в комнату П. явилась следственная власть, которая застала его за сжиганием остатков одежды убитой, носивших на себе следы крови. П. вынужден был сознаться, хотя давал на суде разные натянутые и неправдоподобные объяснения. Суд признал, что он убил Королеву с целью избавиться от нее и от платежа алиментов, причем один из свидетелей показал суду, что однажды П. сказал ему, когда зашла речь о том, что с него будут по суду требовать на содержание ребенка, — что, может быть, и не будет никакого ребенка. Но, принимая во внимание трудовой образ жизни П., его темноту и несознательность, суд приговорил его к 8 годам заключения со строгой изоляцией и с поражением прав на 3 года. В прошлом у П. 2 судимости: в 1909 году у мирового судьи за кражу, причем в первый раз он был оправдан, а во второй — приговорен к 3 месяцам тюрьмы. Он объясняет этот приговор следующим образом: один его приятель взял чьи-то часы, продал их и пригласил нескольких товарищей маляров в трактир выпить на эти деньги.

В убийстве Королевой П. не раскаивается, о покойной не вспоминает, с моральной оценкой к своему поступку не подходит. Конечно, убийство большой грех и перед богом, и перед людьми, но, «если тебе человек — не вреден, а если

вреден, то какой же тут грех», говорит он. Покойная Королева была ревнивая, характерная баба, хотела ему «зенки выжечь». «Избавился от такой сволочи и ладно, зарезал и из головы долой». На вопрос, желал ли бы он, если бы было возможно, воскресить ее, он говорит: «никак не надо». Насколько верны заявления П. об угрозах Королевой касательно его «зенков»? Нужно думать, что если тут не все ложь, то много преувеличений. Во всяком случае поразительно то равнодушие, с которым П. относится к судьбе своей сожительницы, и то хладнокровие, с которым он выполнил самый акт убийства, скрывал следы преступления и вспоминает обо всем этом. Заслуживает большего внимания, что П. искренно расположен к своей живущей в деревне семье, особенно к детям, и очень тоскует о ней. Худшее, что он видит в своем поступке, выражается у него словами: «вот, только детей жаль, как они теперь в деревне; жили-жили, все ничего, а вдруг узнают, что отец в Москве сожительницу зарезал». Вот эта сторона дела его только и смущает. К остальным людям, кроме жены и детей, он совершенно равнодушен, иногда даже чувствует какую-то ненависть к людям. Он признает, что одним из мотивов убийства Королевой для него служило то обстоятельство, что она мешала ему посылать деньги на содержание его законных детей, требовала прекращения этих посылок и постоянно ссорилась с ним из-за них. Желание развязаться с Королевой, не платить ей алиментов на содержание ее ребенка и беспрепятственно платить алименты законным детям, — вот тот пучек мотивов, который привел П. к убийству. Человек-тупой, злой и жестокий, алкоголик-дегенерат, он быстро решился на это преступление. Перспектива алиментов играла в данном случае двойную роль: перспектива одних алиментов злила и толкала к убийству; перспектива беспрепятственной посылки других алиментов — привлекала его, но также вела к убийству, требуя устранения создавшихся препятствий. Боязнь, что Королева его ослепит, или совершенно вымышлена им, чтобы сколько-нибудь скрасить слишком тяжелую картину его убийства, или имела сравнительно второстепенное значение. Та общая цель, которая руководила П.,

сводилась к следующему: устраивать, посылая в деревню деньги, свое деревенское хозяйство и жизнь своей законной семьи и сбросить тяготившие его семейные узы с Королевой, устранив угрожавшую с ее стороны опасность платежа алиментов.

При изучении рассудочно-расчетливых преступников необходимо обращать особенное внимание на преследуемые ими общие жизненные цели, так как от этих последних к их преступлению ведут более или менее прочные нити, которые пенитенциарно-педагогическое воздействие должно порвать для предупреждения рецидива со стороны данного субъекта.

У каждого человека, в результате его жизненных переживаний, складываются известные общие жизненные цели. Под последними я разумею такие цели, содержание которых заключается не в мимолетном удовлетворении какой-либо отдельной потребности, а в достижении более или менее длительного и постоянного положения или состояния самой личности, или элементов окружающей ее среды. Таковы, напр., определенное служебное, семейное, социальное, имущественное положения личности или близких ей лиц, известное состояние государства, общества, какого-либо учреждения, предприятия и т. д. Общая цель всегда обнимает множество частных, конкретных целей, служит основанием для оценки и выбора последних и через них получает свое практическое осуществление; в этом проявляется ее руководящее, регулирующее значение. Среди общих жизненных целей субъекта всегда есть такая или такие, которые, в его глазах, имеют главное значение. Для того, чтобы узнать, что такое представляет собою данная личность, как субъект поведения, каких поступков от нее можно ожидать, а к каким отношениям и действиям она неспособна, необходимо раскрыть ее общие жизненные цели и выяснить, какие из них на практике играют в ее жизни главную роль. Для этого необходимо подвергнуть внимательному анализу миросозерцание личности, ее убеждения и идейные цели, если таковые у нее есть, ее домашнюю жизнь и семейные отношения, круг ее служебных отношений и отношений к возлагаемым на нее государством общегражданским обязанностям, к политической и неполитической общественной деятельности, к имущественным благам и интересам, к трудовому и нетрудовому их приобретению и к материальному комфорту. В результате внимательного исследования всех этих сфер жизни личности получится ряд имеющихся у нее общих жизненных целей. После этого необходимо определить относительное значение этих целей, выяснить, какая из них доминирует в жизни данного лица и создает как бы известный общий фон, на котором откладываются отдельные акты его поведения.

Выясняя общие цели личности, необходимо отметить еще, проявилось ли в них инертное и пассивное отношение ее к окружающей среде или, наоборот, отношение активное и, в последнем случае, какое, — «творчески-активное», так сказать, боевое, или такое, которое можно назвать «подчиненно-активным». Разница в данном случае сводится к следующему. К инертным личностям я отношу тех, которые покорно укладывают свои общие жизненные цели в рамки наличных условий окружающей их среды, без боевого отношения к последней, без стремления внести в нее сколько-нибудь крупные изменения. Активные личности, напротив, стремятся более или менее сильно воздействовать на окружающую среду и внести в нее от себя более или менее крупные изменения. Инертные личности способны преследовать цели личного благополучия лишь в рамках доставшихся им общих условий жизни, созданных их предками. Активные личности до известной степени стараются приспособить окружающую среду к служению своим целям. При этом одни из них выступают с более или менее широкими, реформаторскими целями и планами, стремятся к крупной, творческой работе в окружающей среде, иногда к воплощению в ней какой-либо новой и более или менее значительной идеи, активность же других ограничивается лишь некоторым воздействием на окружающую среду, более или менее ловким и удачным использованием последней для целей своего благополучия, с объективно незначительным изменением некоторых элементов этой среды. Про этих последних нередко говорят, что они очень предприимчивы и активны, «сами пробивают себе

дорогу», а не идут лишь по той, на которую были поставлены своим происхождением и родительскими заботами. Личности с широкой, творческой активностью сравнительно реже встречаются и среди непреступных людей, и в преступном мире, но они есть все-таки и в этом последнем, и при обследовании их их активность должна быть предметом зоркого внимания обследователя. Чрезвычайно яркий образ рассудочного эгоцентрика с очень широкой активностью, с жаждой захвата властного социального положения для того, чтобы получить свободный доступ к целому ряду чувственных наслаждений, дан Шекспиром в Ричарде III [1]). Это — с замечательной яркостью изображенный, поразительно цельный тип рассудочного преступника, очень расчетливого эгоцентрика, убийцы-властолюбца, у которого целая цепь убийств, звено за звеном развивается из тонко продуманного, холодного рассчета. Ричард жаждет власти, и вся энергия его уходит на захват ее. Это — его главная общая жизненная цель. Ради нее он сеет всюду смуту, ведет разнообразные интриги, лжет, льстит, лицемерит, совершает массу убийств и готов совершить их, сколько окажется нужным. Ради нее он употребляет страшные усилия над собой, закаляет свою волю, выучивается хорошо владеть лошадью и оружием, показывает чудеса храбрости в сражениях, выделяется во всех телесных упражнениях, выучивается терпеливо ждать, зорко наблюдать, подмечать слабости своих врагов и ловко ими пользоваться. Он — образец человека, который всецело поглощен одной целью, все подчиняет ей и в своей жизни, и в своей личности. Он — не мечтатель, который только строит воздушные замки, а трезвый, расчетливый, практический человек, который каждый день и непрерывно состоит на службе поставленной им себе цели и работает над ее практическим осуществлением. Это — натура в высшей степени активная и практическая. Он не носитель какой-либо

[1]) Совершенно неправ Голль, усмотревший в Ричарде III яркий образчик прирожденного преступника. Прирожденных преступников вообще не существует, и самый термин этот должен быть брошен. См. Голль, Преступные типы в произведениях Шекспира, перев. Б., Одесса 1909, стр. 132.

политической идеи, ради воплощения которой ему была бы нужна власть. Не благо народа или государства, а его личное благо, как он его понимает, заставляет его страстно искать власти. Он хочет ее для самоуслаждения, для того, чтобы упиваться сознанием высоты своего положения, свободно расправляться с людьми, стать для них объектом преклонения, тешить свое самолюбие и, пользуясь властью, добиться разных радостей жизни, без того ему мало доступных.

Не останавливаясь долее на обрисовке этого чрезвычайно интересного образа рассудочно-расчетливого преступника, в котором поэт с гениальным проникновением в самые существенные, но обыкновенно глубоко скрытые свойства этой категории преступников весьма выпукло и ярко изобразил их особенности, отмечу только, что, как скоро исследуя преступление и стараясь уяснить себе во всей полноте его этиологию [1]), мы усматриваем нити, связующие это преступление, как средство, с общими жизненными целями субъекта, необходимо выяснить с возможной точностью и полнотой содержание этих целей, степень активности субъекта в достижении их, координированность у него этих целей друг с другом, а также — имеется ли у субъекта склонность считаться с моральным и социальным значением выбираемых для этих целей средств. Выяснение общих жизненных целей субъекта нужно при всяком вообще исследовании преступника, но оно особенно важно в тех случаях, когда мы имеем перед собой преступника рассудочно-расчетливого, потому что для того, чтобы исправить такого преступника, необходимо порвать те нити, которые протянулись от его общих жизненных целей к его преступлению, изменив или содержание этих целей, или процесс выбора средств для них. Если пенитенциарно-педагогическое воздействие не сумеет сделать ни того, ни другого, оно оставит нетронутым самый существенный и деятельный криминогенный элемент в личности преступника. С другой стороны, если между совершенным преступлением и общими жизнен-

[1]) Т. е. всю совокупность вызвавших его причин.

ными целями субъекта нет прямой связи как средства к цели, если его преступление не подсказано ему особенностями его жизненных целей, а последние стоят от этого преступления особняком и, быть может, даже находятся с ним в явном антагонизме, у пенитенциарного работника окажутся в распоряжении совсем иные точки опоры, и направление его работы должно соответственно измениться.

В частности, что касается преступников из-за алиментов, то сказанное выше применяется к ним целиком. При изучении преступлений из-за алиментов необходимо обращать большое внимание на то, была ли перспектива платежа алиментов особенно неприятна лицу в виду поставленных им себе общих жизненных целей, или она мало затрагивала эти цели и из последних не возникал для субъекта главный стимул, приведший его к преступлению. Чем в большем антагонизме находились общие жизненные цели субъекта с тревожившей его перспективой алиментов, чем более он активен и чем менее, в то же время, разборчив в средствах и способах действия, в силу ли своего недоразвития или испорченности, тем он опаснее, как носитель типа рассудочно-расчетливого преступника. Само собой разумеется, что и другие элементы личности преступника, о которых уже упоминалось выше, когда шла речь об импульсивных преступниках, должны быть внимательно исследованы и в тех случаях, когда мы имеем дело с представителем рассудочно-расчетливого криминального типа.

VI.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ ИЗ-ЗА АЛИМЕНТОВ.

К типу эмоциональных я отношу тех преступников, главным корнем преступления которых явилась сильная и длительная напряженность известного чувства, ради удовлетворения которого они и совершили это преступление. Если импульсивные преступники действуют ради получения известных приятных ощущений или для избавления от определенных неприятных ощущений, то эмоциональные преступники действуют под влиянием более или менее сильного чувства, настойчиво требующего удовлетворения [1]). Если у первых импульс к преступлению родится из антиципации (т. е. предощущения) известных ощущений, то у вторых — из антиципации удовлетворения охватившего их чувства, причем, смотря по роду чувств, бывших главными руководителями их преступной деятельности, их можно разделить на ряд видовых типов: мстители, завистники, ревнивцы и т. д. При этом, в пределах каждого из этих видовых типов, можно различать:

а) действовавших в состоянии более или менее сильного душевного волнения, по взрыву, так сказать, известного чувства; их можно назвать аффективными, и

[1]) Между чувствами и ощущениями есть несомненные различия; ощущения связаны с известной частью тела, чувства — нет; противоположные чувства переходят друг в друга и одновременно несовместимы в сознании, ощущения друг в друга не переходят; чувство не допускает сосредоточения на нем внимания и в таком случае исчезает, ощущение же от этого приобретает большую ясность.

б) действовавших рассчитанно, с большею или меньшею обдуманностью ради удовлетворения известного чувства; их можно назвать обдуманно-эмоциональными.

Первые действуют в порыве известного чувства и часто искренно и глубоко раскаиваются после в том, что они сгоряча сделали. Вторые продумывают план преступления, в котором рассчитывают каждый свой шаг на преступном пути, ставят иногда свою будущую преступную деятельность в зависимость от наступления или ненаступления известных событий, выжидают подходящих условий, а при отсутствии таковых откладывают свой поступок и т. д.

Преступления из-за алиментов часто носят резко выраженный эмоциональный характер. Рукою преступника в этих случаях движет целый хор чувств, в котором особенно выдается голос чувства мести, ненависти, накипевшей злобы или ревности. Взрыв этих чувств нередко обусловлен убеждением мужчины, что ребенок — не от него, а между тем его хотят заставить содержать этого чужого ребенка. Часто, конечно, признание ребенка не своим объясняется простым желанием увильнуть от расходов на его содержание, но часто оно бывает и искренно и вызывается целым рядом различных обстоятельств. Так, иногда поведение женщины, действительно, бывает подозрительным или прямо распутным, а ее связь с данным лицом, которому предъявляется требование алиментов, настолько скоротечна, что мужчине кажется невероятным, чтобы какое-либо единичное сношение могло сделать его отцом ребенка.

Т. Стельмахович, напр., приводит такие случаи алиментных исков: истица — чернорабочая на железной дороге, вдова, имеет двух детей. Ответчик — санитар поездов, имеет 5 человек детей. Истица убирала вагон, санитар осматривал, как убраны вагоны; найдя истицу одну в вагоне, вступил с нею в половую связь, которая впоследствии не повторялась. В результате иск об алиментах, спор об отцовстве, признание судом данного субъекта отцом и возложение на него обязанности платить алименты в размере 6 руб. в месяц. Другой случай: истица — безработная, живет в Москве. Ответчик — демобилизованный красноармеец, был проездом в Москве,

вступил раз в половую связь с истицей, от чего истица родила. Присужден к уплате алиментов в размере 1/3 содержания ежемесячно [1]). Ниже мною будет подробно изложен случай аналогичной мимолетной связи, повлекшей кровавое преступление из-за алиментов. Надо заметить, что вопрос об алиментах часто возникает в случаях так называемого «фактического» брака. По данным Стельмаховича, исследовавшего 300 алиментных дел, около половины — 41% — «алиментных» исков возникли из «фактического» брака. При этом, в 11,4% иск возник в результате «случайной», т. е. мимолетной связи, 55,3% — из кратковременного сожительства и 33,3% — из сравнительно длительного сожительства [2]). В случаях «фактического» брака часто не бывает такой совместной жизни, при которой вся жизнь жены протекает, так сказать, на глазах мужа. И просматривая приведенные мною выше преступления из-за алиментов, мы видим, что «фактические» супруги в этих случаях жили постоянно или, по крайней мере, долго врозь, виделись украдкой или с большими перерывами, причем обе стороны или, по крайней мере, одна сторона скрывали свои отношения. При таких условиях у мужчины была почва не только для лживых отговорок, но и для вполне искренних сомнений в отцовстве, тем более, что нередко своим черезчур кокетливым поведением или небезупречным прошлым их подруги давали пищу для подобных сомнений. Так как человек особенно легко убеждается в том, в чем ему хочется быть убежденным, то, естественно, что во многих случаях мужчины упорно отрицали свое отцовство. По данным Стельмаховича, спор об отцовстве был заявлен в 70,9% исследованных им «алиментных» дел, причем всего лишь в 29,1% случаях ответчики признавали детей своими [3]).

При всех вышеуказанных условиях понятно, что для резких эмоциональных движений и даже для взрыва различных аффектов, — в тех случаях, когда поднимается вопрос об

---

[1]) Стельмахович, Дела об алиментах, М. 1926, стр. 47—48.
[2]) У. с., стр. 32.
[3]) Там же, стр. 44.

алиментах, — часто оказывается вполне благоприятная почва. При этом иногда аффективное состояние субъекта, которому угрожает обязанность платежа алиментов, выражается теми или иными грубыми и насильственными действиями, направленными против ребенка, в других случаях жертвой его оказывается мать ребенка, а в третьих — оба они, и мать и ребенок. Вот один из случаев этого последнего рода.

Иван З. 27 лет, русский, из крестьян-старообрядцев Ульяновского уезда, человек злобный и вспыльчивый, склонный в гневе переходить к насильственным действиям. Его мать также обладает крутым и вспыльчивым характером. Когда дети были маленькие, от нее им часто доставалось и за уши, и за волосы, когда за дело, а когда и без дела, «за компанию», потому, что в это время другому за дело попадало, или потому, что «подвернулся под дурную руку». Отец Ивана, наоборот, человек мягкий и добрый; он не только никогда не бил жену и детей, но и дурного слова бывало от него не услышишь. Несмотря на эту разницу характеров родителей, главой дома был отец, и мать находилась у него в полном подчинении. Ни отец, ни мать Ивана не пьют. Единственный случай, когда отец Ивана запил, но потом бросил пить, — имел место после того, как вся усадьба их сгорела от пожара. Но скоро отец оправился, взялся за ум, переехал в город и занялся там легковым извозом. Несмотря на многолюдство семьи, — 7 сыновей и 3 дочери, — и пожар, от которого хозяйство сильно пострадало, родители Ивана, благодаря хорошему заработку отца, жили безбедно, и, воспитываясь у них, Иван особой нужды не видел; жили, как живут крестьяне-середняки. Атмосфера в семье в общем была благоприятная; родители жили дружно и хорошо относились к детям. Хорошие отношения к родителям у Ивана сохранились до сих пор. Но сейчас он ничего о них не знает, так как, не желая, чтобы они знали о его сидении в исправдоме и о его преступлении, он уже 3-й год ничего им не пишет: не хочет доставлять им страданий своим печальным сообщением, да и стыдится своего преступления и наказания. В 1922 году, когда он отбывал шестимесячное заключение за служебную халатность, он также ничего не писал ро-

дителям от стыда; отправляясь в заключение, он написал им тогда, что едет в долгосрочный отпуск, а по освобождении сообщил, что вернулся из отпуска. Учился Иван 3 года в приходской школе, затем 4 года в высшем начальном училище, и, наконец, перешел в среднее учебное заведение, — в землемерное училище, в котором прошел только 2 класса. Окончить училище ему не удалось из-за призыва на военную службу. Ему было 19 лет, когда — в 1918 г. — он был призван в армию Колчака. Он хорошо грамотен и имеет умственные интересы; в настоящее время читает по преимуществу политическую литературу, для чего часто приобретает собственные книги и выписывает журналы. В то время, когда он учился, он перечитал всех классиков и прочитанное хорошо усвоил. В частности, ему знаком и Достоевский, из произведений которого, — в нашей с ним беседе, — особенное внимание привлекло «Преступление и наказание». Иван З. с идеологией и действиями Раскольникова вполне согласен. Формально поступок Раскольникова — преступление, по существу — нет и мог бы быть совершен, если бы за это не наказывали и если бы в нем не было состава преступления. «Раскольников юридически неправ, это понимается умом, но сердце чувствует иначе». Иван З. — бывший следователь Военного трибунала — говорит юридическим языком, причем постоянно проводит в своих рассуждениях границу между формально-юридической точкой зрения и точкой зрения «идеологии». Одно дело — идеология, говорит он, другое — закон, который непременно надо соблюдать; в бытность следователем он иногда «в душе плакал», а выполнял закон. Он полагает, что, например, действия какого-либо революционера-террориста могут оправдываться в такой же мере, как действия в состоянии необходимой обороны, но формально-юридическая точка зрения иная, и вот с этой точки зрения Раскольников не прав. Улавливает З. и разницу между правами частного лица и государства, но видит в ней лишь печальную необходимость, с которой в настоящее время нельзя не считаться. Не может З. строго осуждать и воров; не всякий вор достоин осуждения: «человек в своей воле не волен»; чтобы он не совершал преступлений, надо

сначала устранить те условия, которыми порождаются его воровские действия. И тот, кто уверенно говорит, что он больше не будет совершать преступлений, сам не знает, что он говорит. Вора надо оценивать различно, смотря по тому, у кого он крадет, у трудящегося или нетрудящегося; в одном случае — он неисправим и его можно даже расстрелять, в другом случае к нему надо отнестись совсем иначе. Возмущает З. то, что «вор из 100 раз один попадается и что иной грабитель 3-4 раза убьет безнаказанно». Следует усилить розыскную деятельность. Сопоставляя кражу и бандитизм., З. заявляет, что последний — гораздо хуже, так как «зачем убивать людей из-за денег; нехорошо и связывать их, как часто делают бандиты». Во взглядах З. нельзя не отметить некоторой непродуманности, поверхностности, местами — противоречий, чувствуется и недостаток юридической подготовки, но все-таки по своему интеллектуальному развитию он гораздо выше обрисованных в предшествующем изложении преступников. У него заметна некоторая начитанность и живость ума. Ему можно поверить, что он всегда интересовался службой и добросовестно выполнял свои служебные обязанности, как он их понимал. Казалось бы, при таких своих свойствах он никогда не должен был столкнуться с уголовным законом и попасть на скамью подсудимых. Однако вышло иначе. Почему? Прежде, чем ответить на этот вопрос, заглянем не надолго в историю его жизни с того момента, когда он покинул родительский дом и пошел на военную службу.

На военной службе он находился с 1918 г. по 1922 г., часто бывал в боях и до известной степени привык к тяжелым впечатлениям войны. Бесстрашием он похвастаться не может и полагает, что отсутствия страха в бою быть не может. Но он всегда умел сдержать себя настолько, чтобы не показать своего страха другим. В первое время, в минуты страха он молился, но потом, еще будучи в белой армии, он стал атеистом; окончательно он укрепился в атеистическом мировоззрении, благодаря чтению соответствующих книг. Глядя там, на поле сражения, на усталых, измученных и умирающих людей, он возмущался, почему бог «не искоренит этих стра-

даний». Года два он не мог привыкнуть к виду трупов и раненых на поле сражения и проходил мимо, отворачиваясь и закрывая глаза рукой; потом привык, приходилось даже укрываться от выстрелов за трупами погибших товарищей. В начале З. приходилось иногда поддаваться общей панике, и однажды, когда их отряд был окружен красными, он вместе со всеми бежал с поля сражения. В 1919 году З., вместе со всем разведывательным отрядом, перешел на сторону красных, а затем вскоре, лежа в госпитале от тифа, занялся политической литературой и стал коммунистом. Выйдя из госпиталя, он продолжал служить в армии на разных нестроевых должностях. Несмотря на то, что, как нестроевой, он не был обязан, он вызывался сам участвовать в разных боевых отрядах, войдя во вкус разных боевых операций. В этих отрядах ему приходилось несколько раз участвовать в штыковых атаках, был в плену у белых, под угрозой расстрела, от которого спасся лишь случайно, бегством, был в штабе дивизии на очень напряженной работе по шифровке и расшифровке секретных документов. Из сказанного ясно, что в течение ряда лет, начиная с 1918 года, нервная система его подверглась очень тяжелым испытаниям, и вполне понятно, что, в конце концов, он стал очень аффективным человеком.

Теперь посмотрим на ближайшие обстоятельства, которые привели его к преступлению, за которое он сейчас отбывает наказание. Следовательская служба З. началась и некоторое время протекала в Омске. Здесь он в скором времени и женился, не по любви, которой он вообще никогда не знал и не признает, а из жалости, из желания поддержать девушку, попавшую в затруднительное положение и не дать ей вступить на путь вынужденной нуждой проституции. Местожительство ее было в Барнауле, в Омске она застряла случайно, по дороге в Екатеринбург, куда направлялась искать брата. В Омске она попала в такое положение, что «либо в петлю, либо на улицу, в проституцию». Он сжалился над ней, приютил ее у себя, а потом женился на ней. Их брак длился около 3 месяцев. Узнать друг друга как следует у супругов решительно не было времени. Заваленный служебной и общественной работой он уходил на службу и

приходил с занятий, когда жена уже спала. Хотя он не вполне разобрался в жене, что она за человек, однако уловил коренное различие их политических мировоззрений. Затем она то и дело стала заговаривать, что у такой-то хорошая шляпка, или пальто, или платье и т. д., и обнаруживала стремление тратить на это скудный остаток его жалованья, а он хотел тратить его на политические книги и журналы. От разговоров о чужих нарядах они скоро перешли к разговору о ее нарядах. Начались нелады. Когда он предложил ей развод, она только спросила, когда уходить, и ушла на следующий день. Расстались без ссоры. Собираясь выйти за другого, она даже приходила к З. за советом. Некоторое время у них продолжалась и половая связь. По профессии жена З. была не то счеговод, не то делопроизводитель. После развода с ней, З. стал одновременно жить с 4 женщинами, имея с каждой из них мимолетные связи, прочно же ни с кем не сходился. Он вообще заявляет, что «работа» для него гораздо выше какой бы то ни было женщины и что «канцелярская работа атрофирует половое влечение». Половая жизнь З. вообще протекла следующим образом: лет с семи он, по примеру своего двоюродного брата, стал заниматься онанизмом и занимался этим лет до 14, когда, прочтя одну книжку о вреде онанизма, бросил. С 19 лет у него начались связи с женщинами, причем все они носили мимолетный характер. Сидя в тюрьме, опять стал заниматься онанизмом. Утверждает, что венерическими болезнями не болел, чему и сам удивляется; объясняет это тем, что «женщин брал с выбором». В апреле 1924 г. ему был обещан отпуск, он «был под впечатлением этого обещания и мысли его были уже дома». Гуляя в таком настроении по Омску, он зашел в пивную, выпил 2 бутылки пива и ушел. Пьет он с 1919 г., но немного, никогда не напивается так, чтобы «терять голову»; если он «хотя немного через меру хватит», у него «поднимается рвота». Пьяный он становится вежливее, чем обычно, весел, разговорчив, не ругается и никого не задирает. Итак, подвыпивши в пивной, в блаженном настроении он, в злополучный вечер своей первой встречи с впоследствии убитой им Лысаковой, прогули-

вался по улицам Омска. С ним встретилась Лысакова и попросила прикурить. Поговорили о том, о сем и пошли вместе. Она сообщила ему сначала, что она сегодня именинница, затем, что она очень любит военных, далее, что она давно не имела сношений с мужчинами, не желает иметь их с своими близкими знакомыми и предпочла бы военного высокого роста; наконец, она прямо предложила ему себя. З. согласился и пошел с ней на ее квартиру. Он пробыл у нее полчаса или час и, затем, ушел. На следующий день он встретил ее на улице, несколько минут поговорил с ней о каких-то пустяках и расстался, а через два дня уехал в месячный отпуск. Вернувшись, З. встретил ее мельком на улице и заметил, что она сильно накрашена: «первый признак, что девка пошла по дурной дороге». Она призналась будто бы ему, что занимается проституцией. Он решил использовать ее, как и некоторых других проституток, для служебных целей, — как агента, имеющего по своей профессии связь с преступным миром; за ее службу он помогал ей входить в кафе, куда проституток одних не пускали, покупал ей пива и оказывал разные тому подобные мелкие услуги. Но связи между ними, кроме упомянутого выше единственного вечера, более не было, хотя она неоднократно предлагала ему таковую. Как-то при встрече она ему сказала, что выходит замуж за одного военного, с которым постоянно кутит в ресторанах, прокучивая в вечер 2-3-4 червонца. З., сообразив, что ни у одного военного не может быть «легально» таких денег, стал ее подробно расспрашивать о ее женихе. «По простоте душевной» она рассказала ему, что этот субъект — делопроизводитель штрафной воинской части и назвала его фамилию. Пользуясь этими данными, З. раскрыл растрату в 5 000 руб. и посадил на скамью подсудимых — завхоза и делопроизводителя этой воинской части. Они были осуждены и до сих пор сидят в заключении. После этого Лысакова будто бы стала усиленно предлагать З. половую связь с собой. Она заявила, что придет ночевать к нему. Он отказался. «У тебя, что же, другая есть», спросила она. У него действительно была в это время другая любовница. Поэтому на вопрос Лысаковой он

ответил: «а может и так». Вечером, когда он сидел с своей сожительницей и спорил с ней о троцкизме и ленинизме, причем она защищала первый, а он — второй, вдруг ворвалась пьяная Лысакова с нежностями: «милый, дорогой»... и т. д. Сожительница с удивлением на все это смотрела. З. было все это очень неприятно. Он стал выпроваживать Лысакову, а та стала кричать, указывая на его сожительницу: «гони эту шлюху вон, к чорту» и т. д... и стала ругаться. Сожительница поторопилась скрыться, Лысакову же он с трудом выпроводил, пригрозив ей милицией, а то она «все норовила лечь в постель». После этого Лысакова устроила ему ряд скандалов: приходила и устраивала скандалы в общежитии, вызывала по телефону его сослуживцев и говорила им, что, дескать, следователь З. жил с нею, обещал жениться и обманул, что она его убьет и т. д., подлавливала З. на улице и во весь голос кричала: «а еще следователь, хорош следователь, женщин обманывает» и т. д. З. приходилось убегать от собранной ее криками толпы. В марте 1925 г. З. неожиданно получил записку, что его жена находится в родильном приюте и просит его зайти к ней. Удивленный, но думая, что записка говорит о той жене, с которой он в разводе, он зашел. Оказалось, это — Лысакова, которая встретила его словами: «здравствуй. Вот твой ребенок». Он сказал, что это — не его ребенок и ушел. Выписавшись из родильного дома, она пришла к нему на квартиру. На его вопрос, что ей нужно, она ответила: «во-первых, хочу тебе пакость сделать; во-вторых, мне нужны деньги. Не дашь, — подам в нарсуд». Он получал в это время жалованья около 70 руб. и мог бы платить ей не более 10 руб., так как помогал еще своим родителям. Она требовала 30 руб. в месяц. Он отказал. Она ушла, встретила отряд по борьбе с проституцией местного женотдела, нажаловалась на него, причем ложно заявила, будто он 4 года жил с ней в Перми, тогда как он даже никогда не был в этом городе. Ему пришлось из-за ее жалобы иметь очень неприятные объяснения. В результате Лысакова подала в суд. Он представил суду письмо Лысаковой, в котором она себя ему предлагала и на котором его рукой была написана резолюция: «катись

к чорту». Он указывал, что в тот момент, на который приходится зачатие, она была невестой другого, что она занималась проституцией и т. д. Но суд иск удовлетворил, признав его отцом ребенка и присудил с него Лысаковой $^1/_3$ его содержания, т. е. 22 руб. в месяц. З. это было очень неприятно, и он не без удовольствия мечтал, что авось ее, во время ее уличных странствий, где-нибудь прихлопнет штукатурка; тогда он ребенка взял бы к себе и все бы кончилось. В апреле 1925 г. З., наконец, удалось перевестись из Омска в Красноярск, о чем он, из-за истории с Лысаковой, давно хлопотал. Когда он переехал в Красноярск, из Омска туда стали поступать бумаги по поводу вычета из его жалованья присужденной суммы, запросы относительно причин, почему он бросил ребенка, письма Лысаковой, полные и нежностей, и ругательств, «форменной демагогии», замечает он. Все это сильно его нервировало. 7 июня 1925 г. Лысакова приехала в Красноярск, направилась прямо в Трибунал, но З. там не застала, узнала его адрес и явилась к нему на квартиру. Его не было и на квартире. Она свела знакомство с его квартирной хозяйкой, «наврала на него с три короба», а у хозяйки две почти взрослые дочери, и З. было очень неприятно это разглашение разных о нем сведений перед хозяйкой и перед ее двумя милыми дочерьми. На следующий день Лысакова явилась к нему с ребенком в 8 часов утра, когда он был еще в постели. Она прошла прямо к нему в комнату и — нарочно, чтобы слышали, — усиленно громким голосом стала говорить: «ну, вот и отец, дочка», и т. д. «Подожди, говорил он ей, дай хоть одеться»... «Ну, вот ерунда, отвечала она, вместе жили, а теперь при мне и одеваться стесняешься. Я к тебе жить приехала»... З. заволновался: «в уме ли ты! Бери все, что здесь есть, кроме револьвера, бери бинокль, все, только уйди». Она не согласилась и требовала денег немедленно, не сходя с места и ни на какое обождание не соглашалась. Между ними закипела ссора. Он кричал: «ты ведь знаешь, какие между нами были отношения», а она: «знать ничего не хочу, давай сейчас же денег» и т. д. Ссора и перебранка, по его словам, длилась около 2 часов. Наконец, З. выхватил наган и 4 раза выстре-

лил, причем убил и ее, и ребенка. Он утверждает, что опомнился, когда увидел кровь на виске Лысаковой; тогда он будто бы приложил револьвер к своему виску, но получилась осечка. За свое преступление З. приговорен к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением прав на 2 года. По отзыву красноярского изолятора, где он первоначально содержался, он вел себя там хорошо, работал в канцелярии учебно-воспитательной части, к своим обязанностям относился добросовестно, принимая деятельное участие в культурно-просветительной работе, состоял членом драматической и лекторской секции, в культурно-просветительной комиссии и в редакции стенной газеты. Следует заметить, что З. вообще любит публичные выступления.

Вдумываясь в обстоятельства этого дела, трудно отрешиться от мысли, что З. во многих пунктах своего рассказа о происшедшем слишком сгущает краски. Возможно, что Лысакова была не такой открытой и откровенной проституткой, как он ее изображает, по всем вероятиям даже она не была такой. Но вряд ли также можно сомневаться, что она была искательницей приключений, часто менявшей своих любовников. Вряд ли их половая связь имела место лишь однажды, вероятно время от времени он посещал ее, как любовник. Вероятно, в течение известного периода она сожительствовала только с ним и потому могла уверенно заявить, что отцом ребенка был именно он. Он пытался возражать против этого разными «хронологическими» расчетами на суде, но расчеты эти оказались безуспешны и хронология говорила не за, а против него. Обо всем этом можно догадываться и из неясностей и некоторых противоречий его показаний, и из того, что дважды его отношения с Лысаковой подвергались судебному рассмотрению и один суд признал его отцом ребенка и обязал платить алименты, а другой — назначил ему за убийство высший размер наказания. Правда, его процесс был устроен показательным и это возмутило его так, что он даже отказался отвечать на вопросы, согласился, чтобы его судили заочно и ушел с суда, чем и «сорвал» этот показательный процесс. Однако и это говорит не в его

пользу: не отвечал он потому, что трудно было или нечего было отвечать. Надо отметить, что он вообще недурно владеет собой и привык к судебной процедуре; приписывать, поэтому, его поведение на суде растерянности и смущению не приходится.

Не подлежит сомнению, что главными движущими пружинами его кровавой расправы с матерью и ребенком были ненависть к Лысаковой и злобное раздражение, накипевшее от перебранки с ней, причем в перебранке он вряд ли был только выслушивающей стороной, а вероятно часто бывал застрельщиком и не уступал в ругательствах своей сожительнице. Он очень самолюбив, тщеславен и честолюбив. Своими, действительно, черезчур назойливыми приставаниями и скандалами она чувствительно била его по этим слабым его местам и вызывала все большую ненависть к себе. Она конфузила его перед товарищами, умаляла и попирала его служебное достоинство, портила его карьеру, делала его посмешищем в глазах толпы, публично понося его. Он вообще вспыльчив и повышенно раздражителен. Долгое пребывание на военной службе и участие в вооруженных столкновениях приучило его владеть оружием и хвататься за последнее, как скоро он возмущен, подвергается оскорблениям и т. п. Когда она стала бранить его и «позорить» в глазах хозяек, — из которых две были молодые девушки, и возможно, что их мнение, особенно одной из них, было ему дорого, — он вскипел гневом и ненавистью и начал расстреливать и мать, и ребенка. Надо заметить, что, как видно из его рассуждений о Раскольникове, у него нет сознания нравственной обязанности уважать жизнь и личность другого человека. Затем, у него не было сознания родительских обязанностей в отношении этого ребенка. Он принадлежит к числу мужчин, которые признают ребенка своим, лишь если они жили совместною жизнью с женщиной, и притом более или менее долго, если вся жизнь этой женщины постоянно протекала под их наблюдением и не вызывала никаких с их стороны подозрений. А раз-де жили раздельно, виделись лишь иногда и недолго, то кто же его знает, чей ребенок. Зная общий склад личности З. и общий

характера его отношений к женщинам, говорить о каком-либо особом доверии, с его стороны, к женщине, вере в нее, конечно, не приходится, да Лысакова, повидимому, и вообще была неспособна такую веру внушать. Перспектива платежа алиментов была в высшей степени ему неприятна не только потому, что чувствительно затрагивала его материально, но и потому, что унижала его, устанавливала какую-то связующую нить между ним и ненавистной ему женщиной и знаменовала как будто какую-то победу ее над ним, а этого он ни в каком случае допустить не хотел. Алименты казались ему как бы каким-то подарком ей от него. Она настаивала на них, грубо и назойливо требовала, тем неприятнее было ему давать их ей; и он, действительно, уклонялся от алиментов, уплатил ей всего лишь 6 руб., имея, конечно, возможность уплатить более. Несомненно, переведясь в другое место, он мог точно условиться с ней относительно присужденных с него алиментов и высылать их ей, не дожидаясь столь неприятного ему ее визита. Да и после ее приезда он мог попытаться уладить дело. Ведь он накануне вечером узнал от коменданта Трибунала о ее приезде, ждал ее прихода. Почему же он не приготовил хотя бы части тех денег, которые по приговору должен был уплатить ей? Ничего этого он не сделал, не постарался и по приходе ее к нему успокоить ее насчет уплаты ей в ближайшие дни следующей ей суммы, не сделал ничего подобного, потому что хотел увильнуть от платежа алиментов и думал, что все дело кончится тем, что она поругается, побомбардирует его письмами, да и отвяжется. С целью избавиться от платежа алиментов он жаловался и прокурору на то, что неправильно присужден к алиментам судом, но жалоба его последствий не имела.

В составе криминогенных элементов у данного преступника мы находим: высокую и длительно напряженную волну чувства ненависти и злобного раздражения, его способность к длительному и очень напряженному возбуждению этих чувств; привычку в гневном возбуждении браться за оружие и прибегать к удовлетворению этих чувств насильственными действиями в отношении лиц, их возбудивших;

неуважение к личности и жизни человека, с которым он враждебно столкнулся; взгляд на обязательство платить алименты, как на досадную, крайне неприятную связанность жизни, и, наконец, эгоцентрический склад характера, при котором на первом плане у него стоят карьера и удовлетворение органических потребностей и этому приносится в жертву все остальное. В области криминорепульсивной заметны: отсутствие сознания родительских обязанностей в отношении ребенка; отсутствие серьезного и удовлетворяющего моральным требованием взгляда на половые отношения к женщине, легкомысленный и грубо-чувственный взгляд на половые отношения; поверхностность суждений; недоразвитие чувства сострадания в связи с некоторой грубостью и с отсутствием сознания нравственной обязанности уважения к личности и жизни другого человека. Некоторые юридические знания, при отсутствии достаточной юридической подготовки и навыка пользоваться ими, приводят его иногда к неверным выводам, на которых он склонен упорно настаивать. Так, напр., он кое-что знает об умысле, но знает недостаточно, почему пределы этого понятия и виды его ему неясны. Ему кажется, напр., что умысел предполагает заранее обдуманное намерение и некоторое хладнокровие, как будто нет внезапного умысла и нет умысла, возникшего и выполненного в состоянии душевного волнения. Поэтому он утверждал, что его убийство не было умышленным, так как у него не было заранее обдуманного плана и он действовал сгоряча, в состоянии гневного возбуждения. Он действовал, конечно, в аффективном состоянии, но не в состоянии так называемого патологического аффекта, и преступление его — явно умышленное; таковым оно вполне правильно и было признано судом.

В приведенном примере мы имеем дело с резко выделившимся в сознании субъекта аффектом гнева и ненависти, который и разрядился рядом насильственных действий. По сравнению с этим аффектом, другие толкавшие к преступлению криминогенные факторы, напр., чувство досады, вызванное сознанием стеснительности для него обязанности платить алименты, стояли, как движущие силы, на втором

и третьем плане. Но бывают и такие случаи, когда чувства гнева и злобного раздражения, и не достигнув сильного напряжения, толкают к убийству руку человека, которому угрожает перспектива платежа алиментов, если к этим чувствам у него присоединяется голос других чувств, ищущих себе удовлетворения в том же направлении, напр., чувства страха или стыда перед третьим лицом, близким к преступнику и способным, по его мнению, сильно возмутиться или огорчиться присуждением данного субъекта к алиментам. Вот один из случаев этого рода.

Из приговора Московского губсуда по этому делу от 5 мая 1927 г. мы узнаем следующее. Рабочий Реутовской фабрики Петр Е., 21 года, летом 1926 г. познакомился с работницей той же фабрики Анной К., 22 лет. Несколько раз они имели половую связь, причем Петр обещал Анне жениться на ней. Через некоторое время Анна забеременела и сообщила об этом Петру. Тот стал настаивать на аборте, она на это не согласилась. 28 февраля 1927 г., уже на 5-м месяце беременности, возвращаясь в общежитие около 10 часов вечера и проходя мимо общежития, где жил Е., Анна встретила последнего и вступила с ним в разговор. Они погуляли и посидели на лавочке около часа. Затем она, по его предложению, зашла с ним в сарайчик; там у них была половая связь, после которой он спросил ее, действительно ли от него она беременна. Получив утвердительный ответ, он схватил ее за горло и стал душить. Она успела вывернуться от него, закричала и выскочила из сарайчика. Следом за ней вышел Е. и нанес ей сзади в голову три ножевых раны, из которых одна — в области верхнего века левого глаза — проникла в глазное яблоко, с разрушением его, от чего Анна потеряла зрение на этот глаз; вторая рана — в нижней части затылочной кости, длиной около 4 сантиметров; третья — также в области затылочной кости, длиною в 4—5 сантиметров. Все раны глубокие. Петр признался, что раны нанесены им с намерением убить Анну и избавиться от алиментов, которыми она ему угрожала. Своего намерения он не успел привести в исполнение, потому что на крик Анны стал сбегаться народ. Приняв во внимание корыстную цель и низменные

побуждения, которые руководили подсудимым, его молодость и пролетарское происхождение, суд приговорил его к лишению свободы на 5 лет со строгой изоляцией и с поражением прав на 3 года.

Свое намерение убить Анну Петр впоследствии, в беседе, отрицал, утверждая, что, если бы хотел этого, успел бы и сумел бы нанести ей смертельные удары. Свой поступок считает «необдуманным» и объясняет так: когда с ним встретилась Анна, он был немного выпивши. Пьет он вообще немного, пил, «когда мастера угощали»; если выпьет чуть-чуть лишнее, у него поднимается рвота. Отец его также пьет, но «не шибко», во хмелю становится веселый и детей не бьет. Мать его не пила совсем, умерла на 45-м году жизни, когда в 1917 г. получила известие об убийстве во время переворота в армии ее старшего сына — офицера. Таким образом ни об алкогольной наследственности, ни о сильном опьянении в данном случае нет речи. Но все-таки отметим, что, встретившись с Анной, Петр был выпивши. На фабрике ходили слухи, что Анна беременна от него. Он стал расспрашивать ее, откуда эти слухи. Затем в сарае у них разыгралась ссора на почве разговоров о беременности Анны и о будущем ребенке. Утверждает, что не душил Анну, а только держал за горло, а она все повторяла: «все равно, будешь платить алименты». Вследствие перекоров и перебранки, он «настроился» так, так вскипел, что сгоряча ее и ударил. «Помню, — говорит он, — как ударил, а она закричала, я еще ударил, она опять закричала, я и убежал». Говорит, что относительно ребенка у него были серьезные сомнения. С Анной он «гулял» всего года полтора. Но он очень слаб в половом отношении, половые связи у них бывали через два-три месяца, так как у него «силы для этого нехватает». С нового года между ними ничего не было. Когда Анна сообщила ему о своей беременности, он стал вычислять, от него ли это, и не особенно доверяя своим математическим способностям, просил брата и одного товарища посчитать вместе с ним; считали и выходило, будто ребенок — не его. Все эти сомнения он и сообщил Анне, что вызвало резкие возражения с ее стороны, между ними и разгорелась ссора. Надо заме-

тить, что все его вычисления не имели значения, так как установлено, что Анна была на 5-м месяце беременности. Чего-либо подозрительного в поведении Анны, указывавшего на ее вероятную неверность, он никогда не замечал и ничего такого указать не мог. Дальнейшее исследование выяснило, что Петр, собственно, ничего не имел против женитьбы на Анне. Он и теперь не прочь на ней жениться, после того, как его отец вставил ей на свой счет глаз: «картина не кривая, можно и жениться», — говорит он. Ребенка, по его словам, она вытравила, «в больнице ей сделали проколы» и он этим теперь недоволен; пусть бы и ребенок жил. Думает, что «сделал ошибку, ударив ее», лучше бы платить алименты рублей по 15 в месяц. Очень он отца боялся, и стыдно было ему открывать свою связь с Анной. Поэтому он и скрывал всячески свою связь с ней, а Анна, напротив, ни от кого не скрывала своей к нему близости, что Петру очень не нравилось. Не нравилось ему и то, что она прямо требовала, чтобы он на ней женился, требовала этого и тогда, в сарае. О беременности Анны он советовался с своей мачехой, та давала ему 30 рублей на аборт и предлагала для этой цели отправить Анну в Кусково. Но Анна на это не соглашалась. Анне хотелось войти в сравнительно зажиточную семью Петра, а Петр знал, что отец будет против этого. Семья Петра состоит из отца, мачехи, Петра, его брата и сестры и жила в общем дружно и зажиточно; отец получал 120—130 рублей в месяц. Мачеха была с детьми в хороших, дружеских отношениях. Отец иногда бывал под хмельком и тогда собирался бить мачеху, но взрослые дети никогда не позволяли ему этого и мачеху защищали. Отец любит «погулять» с женщинами, мачеха ему «выговаривает» за это и за то, что он иногда выпивает; на этой почве у них бывают ссоры, но последние не надолго нарушают мирную и дружную атмосферу в их семье. В общем у Петра сохранились хорошие отношения и с отцом, и с мачехой, и с братом, и с сестрой. Материальной нужды семья никогда не знала. Петр все, что получал, отдавал отцу, а потом брал у него на свои потребности, отец в этом ему никогда не отказывал. Петр любит посещать вечеринки, кино, любит принарядиться, с 19

лет стал вступать в мимолетные связи с женщинами, очень избегая, из страха заразиться, проституток. В общем ему жилось у отца недурно. Но, будучи простоват и глуповат, Петр не пользовался уважением в семье. Отец постоянно называл его: «наш долдон», и Петр страшно боится отца, боится признаться ему в каких-либо интимных своих делах. Учился Петр в начальной школе 3 года, но последней не кончил по малоспособности и лени. У него всегда была плохая память и слабое соображение. Он не мог усвоить таблицы умножения и вообще все предметы давались ему с чрезвычайным трудом.

Умственных интересов у него нет. В исправдоме читает кое-какие книги «про путешествия», но прочитанное тотчас забывает и не в состоянии вспомнить ни автора, ни заглавие, ни содержание. Когда ему было лет 7, с ним случилось такое несчастное происшествие: он ловил на крыше двухэтажного дома голубей, полез за одним голубем, не удержался на желобе, упал, был без памяти несколько часов и 8 месяцев пролежал в больнице. После этого у него часто бывала рвота, был плохой аппетит и притупились вкусовые ощущения.

После школы Петр в течение 3 лет был в пастухах. Затем отец определил его на фабрику чернорабочим. В этой роли он и находился до последнего времени. На фабрике знали о его связи с Анной и сильно подсмеивались над ним, а он был полон ужаса при мысли, как бы не узнал отец и что тогда будет. Этот страх перед тем, как посмотрит отец на его связь с Анной, на его желание жениться на ней, на его ребенка, и был одним из сильных двигателей, толкнувших его на преступление. Одно злобное раздражение против Анны не вызвало бы такой резкой реакции, да и самое это раздражение в значительной мере обусловливалось страхом перед отцом; он боялся и заикнуться отцу об их отношениях, а она все приставала с браком и, ввиду его увиливания, грозила алиментами. При его интеллектуальной слабости и общей духовной скудости ему немного нужно было, чтобы перейти к насильственным действиям. Он мало развит, несообразителен, груб, труслив; на почве сочетания в нем этих свойств,

в связи с его злобной раздражительностью, и выросла его решимость на преступление.

В двух приведенных выше случаях между угрозой алиментами и преступлением связь прямая и непосредственная. В других случаях она носит более посредственный характер. Таков, например, следующий случай.

Григорий Л., 39 лет, городской житель, не имевший с деревней никакой связи, окончивший городское училище, по специальности позолотчик, выучился работе с сусальным золотом от отца. Отец его имел мастерскую, где выполнялись все эти работы и где работало 10—12 мастеров. Он был хороший, трудолюбивый хозяин, пил, однако, много, до 50 лет, но во хмелю был весел и не буянил. К детям — к 4 мальчикам и 2 девочкам — родители относились хорошо, причем мать была несколько строже отца. Душевнобольных в роду матери и отца не было. Григорий учился в городской школе, но ученье его не интересовало, память у него всегда была плохая, способности слабые. Читать он любил, но читал разные книги без разбора; так как дома были 2 журнала — «Нива» и «Родина», — то материала для чтения, по его словам, всегда было достаточно. По окончании школы он стал работать в мастерской отца, а позже в мастерской брата занимался выделкой алюминиевой посуды. Половую жизнь начал с 19 лет, венерическими болезнями не страдал. В 1905 г. вступил в постоянное сожительство с некоей Исаевой, одних с ним лет, жившей на одном с ним дворе. Сойдясь с ней, он продолжал попрежнему жить с родителями, а она — на своей квартире. В 1907 году он был призван на военную службу, а она с двумя их детьми уехала в деревню и жила там до 1910 г. По возвращении его с военной службы их сожительство продолжалось; она вернулась в город, но жили они попрежнему на разных квартирах. В 1911 году у него было намерение обвенчаться с ней. Но он отказался от мысли вступить с нею в брак ввиду того, что она сильно пила. Ее пьянство он приписывает дурному влиянию ее родителей; «они, — говорит он, — прирожденные алкоголики, а сестра ее — пьянчужка, проститутка». За ее пьянство он нередко «выгонял ее в шею». Он не замечал, чтобы она «путалась» с кем-либо, но «с подружками исчезала часто и напивалась». Немного он ее все-таки ревновал. «Я, — рекомендует он себя, — немного ревнив». «Сам я не курю, выпиваю умеренно, не злоупотреблял, работу не бросал». «Пробовал ее ругать, но без боя». «У меня слабый характер, не мог бить, а следовало бы, да не любитель я драться, и в детстве-то не дрался». В 1913 году в мастерскую его отца поступила работница Чернышкина. Через 8 месяцев Григорий с ней сошелся, а Исаевой заявил, что более жить с ней не хочет. «С Чернышкиной, — говорит он, — жили хорошо, редко ссорились, она — хорошая, смирная». «Если бы не с ней сошелся, сошелся бы с другой, а с Исаевой, из-за ее пьянства, жить бы больше все равно не стал». Сойдясь с Чернышкиной, он продолжал жить с родителями, а она — на отдельной квартире. На вопрос, почему они жили врозь и он не регистрировал свой брак с Чернышкиной, он отвечает: «так, не знаю почему». «А поповского венчания не признаю, религии не признаю, не верю всем этим комедиям, но не хулю». Отрицательное отношение к религии у него сложилось со времени военной службы. От союза с Чернышкиной у него также двое детей, два мальчика, которым, во время его преступления, было 6 и 8 лет. В 1914 г. он был призван на военную службу и попал в госпиталь писарем. С Чернышкиной он переписывался все время, с Исаевой же редко и «только из-за детей»; через отца он помогал ей. В 1918 г., возвратясь с военной службы, он занялся торговлей на Сухаревской площади, но торговля ему не нравилась, шла плохо, и он через полгода уехал со второй женой в Саратовскую губернию к ее родителям. Отца его уже не было в живых, и его мастерская с началом революции прекратила свое существование. В 1919 г. он вновь был призван на военную службу и служил в г. Петровске писарем в штабе. За это время он лишь раз послал Исаевой денег на детей. По демобилизации он служил конторщиком в одном сельском кооперативе Саратовской губ. и скучал по Москве: «я привык, — говорит он, — к московской жизни, а там в деревне нет никаких развлечений». «Нельзя сказать, чтобы я очень веселый был, шум мне не нужен, в карты играть не люблю, а все-таки...» В 1922 г.

он вернулся в Москву. Исаева, уезжавшая на некоторое время в Тамбовскую губернию, вернулась в Москву в 1921 г. Вернувшись в Москву, он стал давать Исаевой немного денег через сынишку, который прибегал за ними каждый день. Но часто Исаева, недовольная, приходила, ругалась, бросалась на Чернышкину, так что приходилось «отшибать» руку, которою она замахивалась. В приговоре суда значится, что Исаева часто приходила к Л., требовала обеспечения для детей, но получала от него отказ. Он же утверждает, что он все время давал ей деньги, брал с нее расписки при этом, что она более претензий к нему не имеет, но она с этим не считалась, приходила и требовала еще, ругалась, била окна камнями и т. д. 27 июня 1923 г. она пришла к нему вечером с тем же требованием. Вернувшись в восемь часов вечера с работы, он сел с женой, детьми и свояченицей пить чай. Ворвалась Исаева с кирпичем и ударила последним в спину свояченицы, от чего последняя упала. Возмущенный Л. выскочил вслед за убегавшей Исаевой на двор, и тут у них началась драка, в результате которой Исаева оказалась убитой. Экспертиза установила, что смерть наступила от рефлекторного паралича сердца, вызванного ударами по животу каким-то твердым предметом, повлекшим внутреннее кровоизлияние. Перед смертью ей были нанесены побои и, кроме того, у покойной оказались сломанными 4-е и 5-е ребра. По поводу всего этого, Л. показал, что когда он выскочил на двор, он увидел, что Исаева собирает кирпичи, причем один кирпич бросила в него; этот кирпич попал ему вскользь в висок и причинил ему большую ссадину. Он раза два ударил ее по щеке, схватил за руки и хотел отвести в комиссариат. Она вырвалась и побежала, а он пошел к своему крыльцу. Но скоро она, вернувшись, опять стала бросать камнями. «Я был, — рассказывает он, — шагах в десяти от нее, схватил камень весом фунта в полтора, бросил в нее и попал ей в сердце. Она пробежала шага четыре и упала. Я думал, что она пьяная, пошел за дворником и, не найдя его, отправился за милиционером». «А она оказалась мертвая. Я удивился. Все подробности я отлично помню. Я не был сильно взволнован, я — спокойный человек. Не

удержался, ударил». «Конечно, вина моя, это — неприятно». «Может быть и то, что я не при чем, возможно, что она пришла уже ко мне избитая и ребра ей кто другой переломал». «Она знялась с «деловыми» (т. е. с ворами) и иногда дралась с ними». «Помню все хорошо, у меня в руках ничего не было, а кулаком ребра не сломаешь». «Я все-таки не признаю за собой, что я убил ее». «Все-таки пятно на мне остается в глазах окружающих, что в тюрьме сидел». О покойной он говорит так: «что ее нет на свете, нисколько не жалею». «Такая сумасшедшая была баба». «Хорошо не поминаю за ее прошлое, она бы и детей сделала скверными». «Пила каждый день, горбатого только могила исправит».

Не подлежит сомнению, что главную роль в этом деле сыграла повышенная злобная раздражительность Л. и его склонность в порыве гнева прибегать к насильственным действиям. Хотя он говорит, что по слабости характера не может бить женщину, но, очевидно, это лишь в спокойном состоянии, а не в гневе, так как в злобном раздражении он оказался способен и по щекам бить Исаеву, и камнем в нее бросать, и ребра ломать. Его указание, что, возможно, ребра ей сломал кто-то другой, никаких подтверждений в деле не находит. Отсутствие у него ясного убеждения, что женщину бить нельзя, видно из его сожаления, что он не бил Исаеву во всех тех случаях, когда, по его мнению, стоило, и указывает на интеллектуальное и моральное недоразвитие, которое открывало простор для проявления его гнева в насильственных формах. Вообще он вял и не особенно решителен; не решится он и женщину бить в хладнокровном состоянии, отчасти и по некоторой трусости. Но когда он раздражен, когда в нем заговорит гнев, волна раздражения достигает у него такой высоты и напряжения, что его нерешительность пропадает и он бьет чем и как попало. Что касается алиментов, то вряд ли можно верить ему, что при заработке в 100 р. он уделял Исаевой от 30 до 50 р. в месяц. Из дела видно, что бывали продолжительные периоды, когда он не давал ей ничего, а в другое время, вероятно, старался дать как можно меньше. Не говорит в его пользу и то, что его дети от покойной Исаевой, достаточно уже выросшие, не посещают

его. Он приписывает это наговорам тетки, но такое объяснение мало убедительно.

Посредственную, но, несомненно, важную роль, в качестве движущей силы, сыграли алименты в следующем случае, в котором вызванное ими раздражение сопутствовало ревности и уязвленному самолюбию. Действующим лицом этой драмы является Аграфена Николаевна М., 25 лет, из крестьян Тульской губернии, Одоевского уезда, дочь трезвых родителей, из бедной крестьянской семьи. До 16 лет она жила у родителей и помогала им по крестьянскому хозяйству. В школе не училась. Ее отдали туда, но она побывала там несколько раз, а затем заявила матери, что ей неинтересно и ходить не хочется; тем дело и кончилось. На 17-м году ее сосватали, нашли, что пора, так как в их местности девушка 20 лет уже считалась старой девой, а «засидеться в девках — позорно». Перейдя в семью мужа, Аграфена старательно занималась там крестьянскими работами и «с мужем жила хорошо»; бывали случаи, что она «что-нибудь скажет по-своему», а он — по-своему, но она в таких случаях ему подчинялась. Затем мужа призвали на военную службу; он одно время дезертировал, но потом пришлось итти на службу. Она раз ездила к нему на побывку на место его службы и в общем в их отношениях не было никаких существенных изменений. В 1921 г. он сошелся в городе с одной женщиной и прожил с ней с год. Это было Аграфене неприятно, но что же поделаешь? Она с этим примирилась, так как «это было на стороне, а не дома». За этой связью у мужа последовала другая, с Степанчиковой, женщиной на два года старше его, гораздо менее красивой, по общему мнению, чем Аграфена, но имевшей то преимущество, что она жила в городе, а муж Аграфены там был без места и находился на ее иждивении. К тому же Степанчикова старательно подпаивала его водкой, до которой он большой охотник. С января 1924 г. он проживал с Степанчиковой в одной комнате и выдавал ей себя за холостого человека, между тем как с 1918 г. по 1924 г. состоял в браке с Аграфеной и имел от нее двух детей. Осенью 1924 г. брак с Аграфеной был расторгнут по инициативе мужа, о чем Аграфена получила

извещение. За некоторое время до этого муж приехал в деревню «по-хорошему», «с подарками», и заявил Аграфене о желании расторгнуть брак с ней, причем, по ее словам, привел такое основание: «что же, все теперь расходятся, а мы-то чего». На это Аграфена ему заметила: «что же ты, Сережа, надумал, ведь у нас дети». Но он на ее возражение внимания не обратил; однако, разговор о разводе оставил. С семьей мужа у нее неприятностей не было, муж ее ни в чем не укорял, и «хотя боевой», но с нею не дрался, а между тем она с чувством обиды и изумления узнала о разводе и о том, что развод мотивирован, с его стороны, тем, будто бы она ему изменяла, чего никогда не было. Ее все это тем более удивило, что, уезжая из деревни, — после упомянутого выше предложения развестись, — муж на разводе не настаивал и сказал ей, что найдет в городе другую квартиру и возьмет ее к себе, причем даже забрал с собой часть ее вещей. Она была уверена, что разговор о разводе был «так», и никаких последствий иметь не будет. После того, как развод состоялся, Аграфена, продав часть вещей, отправилась к мужу в Москву; хотела было и детей с собой привезти, да ее мать воспротивилась этому. Мужа появление ее очень встревожило; он стал просить ее уехать назад в деревню, предлагая денег на обратный проезд, обещал жить с ней и т. д. Аграфене показалось, что Степанчиковой положение ее мужа было как будто неизвестно ранее, но, и узнав истину, она от ее мужа не отказалась, и Аграфене пришлось вернуться в деревню ни с чем. Через некоторое время «молодые» приехали в деревню, к родителям, с подарками, только детям и Аграфене он не привез ничего. Так как изба была общая, не перегороженная, то положение Аграфены оказалось очень щекотливым. Родители же мужа, подкупленные подарками, перешли на сторону новой жены и оказывали последней большое внимание и явное предпочтение перед Аграфеной. Злобное раздражение стало накипать у Аграфены против «мужниной жены», которая, по ее убеждению, сбила и опутала ее мужа. Ведь если бы она, Аграфена, мужу «пришлась не по характеру», то он разошелся бы с ней прежде, через несколько месяцев после свадьбы, а то сколько

лет «все любил и жалел, а теперь вдруг...» И затем, зачем Степанчикова приехала в ее дом, где она с детьми? «Жила бы с ним там, в Москве, а то сюда еще едет». Обидно и то, что ее детям он ничего не привез. Так как Аграфена — баба бойкая, за словом в карман не лезет, то стала она с Степанчиковой ругаться. Слово за слово, а Степанчикова и говорит: «вот ты и красивая, а с тобой не живет». Не стерпела Аграфена этих слов. «Когда меня расстроят, — говорит она, — я сразу сделаю, а не трогай, и я не трону». Схватила молоток, ударила им обидчицу по голове и убежала; убежала, отчасти, и потому, что считала соперницу сильнее себя. Мужа при этом в избе не было. После этого скандала «молодые» скоро уехали в Москву и на Аграфену за удар жалобы не подали. Месяца через три сама Аграфена подала иск об алиментах на содержание двух детей. Суд ей алименты присудил, но в течение целого года она ничего от мужа не получила. Затем с полгода получала, а потом опять ничего. Между тем за это время ее отношения с родителями мужа стали все более обостряться и через полгода привели к судебному процессу о разделе. При разделе, по ее словам, ее опять обидели, так как она не могла «тягаться» со свекром, человеком очень опытным, в прежнее время служившим становым приставом. После раздела Аграфене стало очень трудно жить с двумя маленькими детьми, и она решила, оставив детей своей матери, итти в город в услужение. Так как знакомые в Москве у нее были лишь в том доме, где жил ее муж, то она туда и отправилась. Место — к 4 детям нянькой — она получила в той же квартире, где жил ее муж с Степанчиковой. Кухня — общая. Начались постоянные ссоры. Аграфена, считая, что здесь Степанчикова «у себя дома», а она, Аграфена, — «посторонняя», и опасаясь мести со стороны соперницы, сделала попытку примириться с ней, но та эту попытку отвергла и заявила, что удара она не забыла и ей за него отплатит. Отношения стали все более сбостряться. «Не жила бы я близко да не разговаривала, — говорит Аграфена, — может быть, и не было бы ничего». А то Степанчикова стала насмехаться и «попрекать»: «за чужими детьми, — говорила она, — ходишь, а своих бро-

сила». Приходилось Аграфене быть и свидетельницей нежных отношений молодых супругов: «увидишь это их вместе, — говорит она, — целый день не жрешь». «Разве сердце может пройти!» «А мои дети страдают!» «Легче бы было, если бы он умер». Своим горем Аграфена стала делиться на кухне с другими женщинами, из которых одна ей особенно сочувствовала и советовала ей не смотреть на разлучницу, а хорошенько расправиться с ней, — облить ее серной кислотой, причем вызвалась достать последнюю. Получив кислоту, Аграфена стала держать ее при себе «с опаской», так как была осведомлена о ее действии. 12 мая 1926 года Аграфена, увидев своего бывшего мужа и Степанчикову идущими по другой стороне улицы, перешла к ним навстречу и плеснула из флакона Степанчиковой в лицо, желая ее обезобразить, но причинила ей лишь небольшие ожоги, так как та успела закрыть лицо руками и толкнула флакон так, что значительная часть кислоты вылилась на жакет и только некоторая часть попала на лицо, задев соединительную оболочку глазного яблока. Повидимому, для сравнительно благоприятного исхода этого покушения, большое значение имели еще два обстоятельства: во-первых, что Аграфена сама побаивалась флакона и действовала недостаточно уверенно, а во-вторых, что, переходя с одной стороны улицы на другую, она заблаговременно привлекла к себе внимание Степанчиковой; Аграфена за свое покушение была приговорена к трем годам лишения свободы, без строгой изоляции и без поражения прав. Своим приговором она недовольна: «дали ни за что, нужно было дать условно, ведь Степанчикова не ослепла, а если бы ослепла, надо бы дать 5 лет». Она находит, что «если женщина достойна, то ее надо облить». «Я и теперь, — говорит она, обозлясь, — облила бы ее». Она не облила бы, говорит она, если бы у нее не было двух детей, с которыми ей очень трудно: «не будь детей, оставил — наплевать, оденусь, другого себе найду». После суда она хотела повеситься из-за тяжелых дум о детях, оставшихся с ее престарелой матерью, но товарки ее отговорили, и она оставила мысль о самоубийстве. «Лучше бы 10 лет дали, да при детях», — восклицает она. В другом

месте, впрочем, она заявляет, что, возможно, детей она отдаст мужу, пусть воспитывает, а то ей трудно.

Сильно уязвленное самолюбие, раздражение, вызванное неполучением алиментов и вообще невниманием и равнодушием мужа к детям, с примесью ревнивого чувства — и привели Аграфену на скамью подсудимых. Не будь этой недоговоренности и необеспеченности относительно алиментов и упорного неплатежа последних, Аграфена со всем прочим, вероятно, примирилась бы, как она мирилась и раньше с изменами мужа. Она — не очень ревнива и не очень раздражительна. Но неблагоприятное стечение обстоятельств, в силу которого то муж с новой женой приехал к ней, то она — к нему, и мучивший ее вопрос о детях настолько усилили ее злобное раздражение, что она оказалась способной совершить несколько насильственных посягательств на свою соперницу. «Алименты» в данном случае явились очень важным ингредиентом той суммы причин, которые вызвали это покушение. Аграфена — женщина не из добрых, довольно решительная, но вместе с тем ограниченная, мало способная достаточно успешно ориентироваться в обстоятельствах и найти хороший выход из скопившихся затруднений. Ей подсказала выход другая женщина, и она сейчас же и подчинилась совету последней, не подвергнув его должной критической оценке. Недоразвитие ее нравственного сознания достаточно ярко иллюстрируется ее взглядом, что разлучницу можно ослепить серной кислотой. Она малоразвита, безграмотна и сама чувствует свою серость, свою малокультурность. В исправдоме она работает на кухне и выражает желание учиться грамоте, потому что «была бы грамотна, не упустила бы мужа», т. е. нашла бы средства его удержать, и она добавляет: «могла бы найти должность, и он больше мною бы интересовался, да и я за ним не так бы гналась».

Имея дело с преступником эмоционального типа, необходимо обращать особенное внимание на напряженность и быстроту, с какою у него вспыхивает толкнувшее его на преступление чувство, а также на длительность возбуждения этого чувства. Чувство имеет громадное влияние на течение психических процессов. Благодаря ему известные представления особенно долго остаются в сознании, приковывают к себе внимание, так сказать, притягивают к себе другие представления, с которыми соединяется сходный эмоциональный тон. Повышенная интенсивность чувства усиливает процесс фиксации представлений и притягательную силу, с какою они вызывают родственные им чувства и представления. Этим объясняется, что у людей эмоциональных, обладающих повышенной возбудимостью какого-либо чувства или нескольких чувств, в поле сознания долее, чем у других, удерживаются известные связанные с чувством представления и приобретают исключительную моторную силу, т. е. особенно сильное влияние на волевые решения. Фиксационная точка сознания у них долго бывает занята данным представлением и чувством, а ассоциации, которые могли бы ослабить или рассеять связанное с этим чувством влечение, не появляются в сознании. Однако усиление фиксации представлений, связанных с данным чувством, и появление новых поддерживающих его представлений имеют место при возрастании интенсивности чувства лишь до известного предела. Слишком большая интенсивность чувства затормаживает процессы мышления, затрудняет появление каких-либо новых представлений и, в случаях уже патологических, может привести к моноидеизму, к аффекту недоумения и т. п.

Влияние чувства на ход наших мыслей и возникающие у нас решения — вполне нормальное и постоянное явление. Но если у личности, в хоре присущих ей чувств, слишком резко и сильно выдается голос известного чувства, то это предрасполагает ее к тем видам поведения, в которых это чувство может найти себе удовлетворение, создает особый уклон в эту сторону. Всякое чувство ищет известного удовлетворения. Как скоро у человека возбуждено определенное чувство, у него в сознании появляются мысли о средствах и способах удовлетворения этого чувства, и эти мысли навязываются сознанию с тем большей силой, чем интенсивнее чувство и чем длительнее связанное с ним возбуждение. Наоборот, восприятия и представления, не затрагивающие наших чувств или затрагивающие их слабо, быстро исчезают с поля сознания и остаются лишь недолго в наименее, так

сказать, освещенных его областях. То, что нас почти или совсем не трогает, не удерживается в нашем сознании и вытесняется тем, с чем, напротив, связывается более или менее заметное чувство. Общеизвестно, что мы сосредоточиваем свое внимание на том, что имеет для нас, хотя бы некоторый интерес, а в основе всякого интереса лежит известное чувство. Конечно, если появляются факты, с большой силой вызывающие иные чувства, наше настроение меняется и господство переходит к чувству иного рода, которое, так сказать, переводит нашу психическую жизнь на иные рельсы и изменяет течение ассоциаций. Большое значение, при этом, имеет, как отзывается данное чувство на нашем самочувствии: если хорошо, — мы стремимся его сохранить и продлить или испытать вновь, а если плохо, — мы стремимся избавиться от него. Из этого присущего человеческой природе стремления к приятным состояниям и к избавлению от неприятных берут свое начало все наши импульсы к тем или иным формам поведения, как скоро усмотрена связь последних с известными желательными последствиями. Эти импульсы тем сильнее, чем живее и многочисленнее антиципации тех приятных состояний, которые явятся последствиями известных поступков.

Из сказанного ясно, что в отношении эмоциональных преступников возникает следующая воспитательная задача.

Необходимо, прежде всего, выяснить, имеем ли мы дело у данного субъекта с повышенной возбудимостью известного чувства, при которой последнее вспыхивает с особенной быстротой и яркостью под действием внешних раздражителей даже не особенно большой силы, или для того, чтобы довести у субъекта данное, толкнувшее его на преступление чувство до взрыва и высокой степени напряжения, нужны сильные или частые внешние раздражители, как это мы видели, например, в последнем описанном выше случае учиненного Аграфеной телесного повреждения. Затем, следует обратить внимание, не стоит ли повышенная возбудимость определенного чувства в связи с известным невропатическим состоянием субъекта, — с травматическим неврозом, с эпилепсией, с алкоголизмом и алкогольной наследственностью

и т. д. Существенное значение имеет также длительность возбуждения известного чувства. Обо всем этом следует судить не по одним рассказам субъекта о его переживаниях, а взяв то, что он о себе сообщает, в сопоставлении с твердо установленными фактами предшествовавшей преступлению жизни этого человека, с фактами, характеризующими процесс образования у него преступной решимости и нарастания того настроения, которое выразилось в его преступлении, в связи, далее, с данными дела, указывающими на большую или меньшую обдуманность плана преступления, длительность и методичность выполнения последнего, на учет различных условий, которые могли препятствовать выполнению намеченного или делать это выполнение особенно рискованным. Чем более интеллектуальных моментов в деятельности преступника, чем они сложнее и чем более постепенности в их осуществлении, тем более указаний на то, что данный субъект является носителем такого склада личности, при котором известное чувство приводит к преступлению не потому, что оно ярко вспыхивает и сразу захватывает человека, не давая ему опомниться, как следует обсудить и взвесить, а потому, что оно длительно господствует в психической жизни субъекта, встречая прочную себе поддержку в других сторонах его личности.

Задача исправительно-трудового воздействия на преступника в пенитенциарном учреждении существенно изменяется в зависимости от вышеуказанных моментов. В одном случае она сводится к тому, чтобы несколько развить у человека самообладание, его способность сдерживаться и владеть собой, а также внушить ему такие ассоциации, которые явились бы более или менее деятельными антагонистами быстрого и сильного роста у него данного, толкнувшего на преступление чувства. В другом случае задача сводится, главным образом, к ослаблению той поддержки, которую данное длительно господствующее у субъекта чувство находит в его взглядах и в других родственных чувствах. В том хоре чувств, которым вызвано преступление, надо найти то чувство, которое послужило главной движущей силой, и посмотреть, какие из родственных ему чувств под-

держивают частое его пробуждение или длительную его напряженность у данного субъекта, а затем следует постараться ослабить эти поддерживающие данное чувство ассоциации, диссоциировать последнее от тех более или менее постоянных психических комплексов, связью с которыми объясняется его частое пробуждение или длительное господство у субъекта. Вглядываясь в приведенные выше примеры эмоциональных преступников из-за алиментов, не трудно заметить, что злобное раздражение и гнев поддерживались у одних из них — ревностью, у других — местью, у третьих — страхом перед близкими лицами, у четвертых — карьеристическими стремлениями и т. д. Волна злобного раздражения не поднялась бы у них так высоко и не держалась бы долго на большой высоте, если бы не было этой поддержки, и если устранить последнюю, то данное чувство утратит у них значительную часть своей криминогенной силы так, что при дальнейшем пробуждении будет приводить субъекта, может быть, лишь к перебранке, но не к насильственной расправе.

Ставя перед собой задачу оказать серьезное воспитательное влияние на эмоциональную сторону человека, следует иметь в виду, прежде всего, что чувства, — помимо других их подразделений, — могут быть сведены к двум группам: одни из них связаны с восприятиями и представлениями и могут быть названы конкретными; другие связаны с отвлеченными идеями и суждениями и могут быть, условно, названы абстрактными. Как на образчики абстрактных чувств можно указать, например, на любовь к истине, чувство справедливости, чести, честности, уважения к человеческому достоинству, любовь к славе и т. п. Абстрактные чувства могут связываться с восприятиями и представлениями, но, так сказать, через применение к конкретам отвлеченных идей, через оценку их с точки зрения последних. Иногда это применение происходит так быстро, что абстрактное чувство вспыхивает моментально вслед за восприятием или представлением. Пенитенциарное воспитание, в своем воздействии на эмоциональную сферу человека, может итти следующими двумя путями, или, по крайней мере, одним из них: или стараться оживить и развить те или иные

конкретные чувства, — что часто бывает очень трудно сделать, — или стремиться насадить известные абстрактные чувства, способные дать иное направление наклонностям субъекта. Если нельзя, например, из злого и жестокого сделать доброго, из бесчестного — образцово честного, то можно внушить злому человеку такие абстрактные чувствования и навык следовать им, при которых его жестокость не будет доводить его до преступления. Точно так же, развивая чувство собственного достоинства и приучая ценить уважение других людей и спокойную жизнь, можно сильно повлиять, например, на человека, долго скитавшегося по притонам и жившего кражами. А если удастся еще несколько усилить чувство сострадания, показать безжалостность эксплоатации другого человека, у которого иногда крадут необходимое, и дать испытать чувство удовлетворения от сознания, что честно зарабатываешь деньги, то психика субъекта может измениться настолько, что наклонность к жизни на чужой счет, если и не заглохнет в нем, то перестанет проявляться в преступных формах. Верное средство ослабить восприимчивость человека к известному чувству, сделать менее ярким проявление этого чувства — это усилить восприимчивость к враждебным данному чувству чувствам, или ассоциировать с данным конкретным чувством такие абстрактные идеи, которым присуще вызывать враждебные этим конкретным чувствам абстрактные чувства, а через эти последние — враждебные конкретные чувства. Каждое чувствование отражается в душе стремлением к такого рода поведению, в котором оно нашло бы себе удовлетворение. Достигнув доступной ему, при данных условиях, наибольшей напряженности, оно выливается в те или иные движения, разряжается, гаснет. Волна каждого чувства может встретиться с волной противоположного ему или враждебного чувства, которое отражается в душе стремлением к воздержанию от требуемых первым чувством поступков, или стремлением к противоположному поведению. Нервное возбуждение, проявляющееся в одном чувстве, ослабевает или уничтожается под влиянием нервного возбуждения, проявляющегося в чувстве противоположного характера. Какого

рода поток ассоциаций будет вызван данным чувством в душе человека, зависит не только от силы этого чувства, но и от степени развития у субъекта враждебных данному чувству чувств. Движения различных чувств постоянно переплетаются в душе человека. Подметив, что человек очень восприимчив к известному чувству, и желая предупредить повторные сильные вспышки у него этого чувства, доводящие до преступления, следует стараться ассоциировать у него мысль о данном образе действий с такими идеями, с которыми связывались бы враждебные данному чувству абстрактные или конкретные чувства, и, по возможности, усилить восприимчивость его к этим последним чувствам. Нужно постараться сделать более разносторонней психику субъекта, оживить или усилить те ее стороны, которые могут иметь серьезное значение для предупреждения рецидива, но у данного субъекта недоразвиты или почти атрофировались [1]). Таковы те общие принципы, которыми должны руководиться пенитенциарные работники при решении вопроса, на какую сторону личности данного заключенного и как следует им направить свое воспитательное воздействие. В тех случаях, когда приходится иметь дело с преступниками эмоционального типа, эти общие соображения особенно важно помнить.

[1]) Ср. мои „Основы пенитенциарной науки", стр. 225 сл.

VII

ЗЛОСТНЫЕ НЕПЛАТЕЛЬЩИКИ АЛИМЕНТОВ — НАРУШИТЕЛИ СТ. 158 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА.

После того, как мы ознакомились с различными типами преступников, из-за алиментов учинивших кровавую, насильственную расправу с ребенком, его матерью, или с ними обоими, весьма интересно и поучительно взглянуть на другую группу преступников, — на нарушителей ст. 158 УК, злостных неплательщиков алиментов. При сопоставлении этих двух групп особенно рельефно выделятся особенности, присущие большинству, если не всем их представителям. Конечно, между ними есть, прежде всего, громадная, бросающаяся в глаза разница в самом характере их поведения: одни злостно уклоняются от платежа алиментов и этим обнаруживают свою недобросовестность, черствость и безучастие к ребенку; другие, не желая нести свою обязанность платежа алиментов, совершают тяжкое насильственное деяние, доходя даже до убийства, и этим обнаруживают не только свою недобросовестность и черствость, но жестокость, чрезмерно развитую злобу и нравственное недоразвитие, часто и недостаток самообладания. В том и в другом случае объективирующийся в деянии склад психики очень различен. Но, кроме отмеченного различия, интересно еще одно, относящееся к интеллектуальной сфере: это различие, — не безусловное и не у всех встречающееся, но частое и типичное, — во взглядах на алименты и на обязанность в отношении ребенка. У преступников, ради алиментов учиняющих тяжкие насильственные деяния, — как это, между прочим, проходит

красною нитью через все приведенные выше примеры, — обыкновенно нет ясного сознания своей родительской обязанности в отношении ребенка. Они не чувствовали себя связанными с ребенком какими-либо узами ввиду мимолетности своих отношений к его матери, ввиду неизвестности или подозрительности для них ее поведения. А некоторые из них, опираясь на определенные данные, казавшиеся им убедительными, прямо были убеждены, что ребенок — не их. Им казалось, что они вправе и даже должны признавать своими детей лишь при условии полной уверенности, что объявляющие их отцами женщины находились в сожительстве исключительно с ними, а если есть сомнение в этом, если существует лишь вероятность, что данные дети — их, то из этой вероятности не проистекает для них никакой обязанности в отношении этих детей. Почему я знаю, рассуждают эти скептики, чей этот ребенок, может быть, мой, а, может быть, и нет. Следовательно, я не несу в отношении его никаких обязанностей. Это отсутствие сознания родительской обязанности в отношении ребенка встречается, если не во всех безусловно случаях насильственных преступлений из-за алиментов, то — в громадном большинстве их. Несомненно, что этим в значительной мере облегчалось образование решимости учинить насильственную расправу с матерью, с ребенком, или с ними обоими. А если это так, то, следовательно, исправление указанной выше кривой логики и внушение подобным лицам сознания, что они должны считать себя обязанными заботиться о содержании ребенка и при наличности у них сомнений в происхождении этого ребенка, и при известной лишь вероятности, что это — их ребенок, — могут предотвращать насильственные преступления из-за алиментов, могут затруднять образование решимости совершить подобное преступление. Такое же превентивное значение может иметь и устранение вредного и раздражающего взгляда на алименты, как на какой-то подарок матери ребенка, как на что-то вообще, что делается ради матери, с которой обязанный платить алименты хочет порвать всякие отношения или находится во вражде. Указанное выше исправление взглядов на алименты и на обязанности в отношении ребенка составляет одну из важных задач народного просвещения, — в частности, педагогического воздействия учебно-воспитательного персонала мест заключения.

У нарушителей ст. 158 Уголовного кодекса, наоборот, обыкновенно мы встречаем более или менее ясное сознание своей родительской обязанности в отношении ребенка. Они часто изъявляют полное согласие взять к себе ребенка на воспитание. Признавая себя виновными в нарушении обязанности платить алименты, они ссылаются обыкновенно на материальные затруднения. Учинить тяжкое насилие из-за алиментов они неспособны; они только уклоняются от платежа и часто скрываются. К ребенку они нередко обнаруживают живое расположение. Вот несколько без особого выбора взятых примеров этих злостных неплательщиков алиментов.

Константин М., 34 лет, русский, из крестьян Калужской губ. В 1923 г. Нарсуд возложил на него обязанность платить Илюшкиной алименты. С Илюшкиной М. сошелся еще до войны 1914 г. и находился в сожительстве до 1920 г. Илюшкина — замужняя женщина, старше М. на 8 лет. В настоящее время ее ребенку от М. — восьмой год. По словам М., Илюшкина, — женщина вообще очень злая, — была крайне недовольна тем, что он прекратил с нею сожительство. Он же сделал это, собираясь жениться, и в 1921 году, действительно, женился. С этого времени у него были лишь «официальные» отношения к Илюшкиной; последняя получала от него алименты, через судебного исполнителя, и только.

В довоенное время М. был калачным пекарем и зарабатывал недурно. С 1914 г. по 1917 г. он находился на военной службе; 3 раза ранен, раз — в руку, 2 раза — в ногу. По возвращении с военной службы — в 1918 г. — он был послан биржей труда в Москвошвей, там подучился портновскому делу и стал закройщиком сукон для платья военного покроя. Хотя эта работа оплачивается почти так же, как работа пекаря, он ее предпочитал, так как она легче. Места в Москвошвее он лишился вследствие сокращения штатов. После этого источником средств существования для его семьи, —

состоящей из жены и сына, которому сейчас 4 года, — служили работа его жены, которая шила толстовки на артель инвалидов, имевшую на Смоленском рынке палатку, и его заработок, как участника в торговле этой артели. Так продолжалось до 1925 г., и в это время, в течение около 1½ лет, он уплачивал Илюшкиной по 15 руб. в месяц. В 1925 г. торговая деятельность артели прекратилась, и он стал безработным; с этих пор он имел лишь иногда случайный заработок и перестал уплачивать алименты. Утверждает, что Илюшкина и ее муж хорошо зарабатывают и живут без нужды.

Приговором народного суда 9 июня 1927 г. присужден к одному месяцу лишения свободы за злостный неплатеж алиментов, причем в приговоре отмечено, что М. не выполнил возложенной на него в 1923 г. Народным судом обязанности платить алименты, что он мог из «временного» заработка платить таковые, что он уже отбывал раз месяц принудительных работ за неплатеж алиментов и что является «неисправимым элементом», объяснения которого, — ссылка на то, что он 3 года безработный, — не заслуживают в данном случае уважения.

М. признает, что он обязан платить алименты, причем сознает эту обязанность, как обязанность перед ребенком и заявляет, что нельзя же родить детей и оставлять их без содержания. Он взял бы с удовольствием к себе этого ребенка, но мать этого не хочет. Особых ссор с Илюшкиной у него не было, просто жили некоторое время недурно, а потом она ему надоела, захотелось завести свою семью, он ее и оставил. Никаких драк между ними не было; Илюшкина несколько раз «наскакивала» на его жену, но дело кончалось лишь перебранкой.

М. — человек не злой и добродушный. Можно поверить в его решительно отрицательное отношение к насилию, особенно — к насилию над женщиной или ребенком. К бандитизму, воровству и мошенничеству относится резко отрицательно: «это — лодырничество человеческое, — заявляет он, — очень вредное для общества и требующее энергичных мер борьбы с ним».

Несомненно, что он мог, хотя бы с перерывами, платить алименты, не делал же этого, потому что считал, что Илюшкина достаточно состоятельна и поставлена материально лучше его; ему жаль было платить ей деньги, и он думал, что удастся отвертеться. Интересно отметить, что раньше он был приговорен к месяцу принудительных работ за то, что не платил алиментов, а когда было описано по этому поводу кое-какое его имущество, он это имущество продал. Сидя в исправдоме, полагает, что в будущем будет платить алименты, рассчитывает в этом отношении на заработок жены и помощь своего брата. В исправдоме работает в портновской мастерской.

Роман Я., 29 лет, по профессии кондитер, был отдан в дореволюционное время в мальчики к известному в то время московскому кондитеру Абрикосову и служил у него до революции. В январе 1917 года был призван на военную службу, в боях не участвовал. В 1918 г. поступил добровольцем в Красную армию и в этом же году стал коммунистом. В сражениях не участвовал, но состоял взводным командиром отряда по реквизиции хлеба на Кубани. Образование — низшее; учился в сельской школе, но по бедности ее не кончил, несколько подучился грамоте в армии. Читал почти исключительно политические книги. В деревне хозяйство у него очень бедное, безлошадное. Земли у него — по десятине на едока, на 4 души. Одно время в деревне был председателем комитета бедноты. С 1921 г. по 1925 г. — служил милиционером. В 1927 г. опять поступил в милицию и служил месяц до самого ареста по настоящему делу.

Женат 2 раза. В первый раз женился на девушке односельчанке, лет на 5 старше его, по выбору отца. Жена с самого начала не понравилась, пожил с ней недели две и ушел на военную службу. В 1917 г. «прибег домой, подвыпил и дня на три связался с женой». Жена забеременела. Сейчас ребенку уже 9-й год. В 1921 году Роман развелся с женой и поделился с ней сельскохозяйственными продуктами, дал хлеба, сена и т. д. всего на две души. Жена ему не нравилась и как женщина, и как плохая, безалаберная хозяйка, к тому же не совсем чистая наруку: поворовывала и у сосе-

дей, и из своего дома на сторону родным передавала, а он воровство — «ненавидит». В изменах он жену не подозревал: «может, что и было», только он ничего такого не замечал и об этом не думал. Ребенка признает своим; пока был в деревне, мальчик все время ходил к нему. Затем, вследствие малого жалованья не стал платить алименты. В 1924 г. женился вторично. Вторую жену выбрал сам, она ему нравится, и они живут недурно. В 1925 г. первая жена подала иск об алиментах. Суд присудил алименты в размере $^1/_3$ жалованья. Один месяц он платил, затем — не стал платить. Прежде он получал жалованья 18 руб. 90 коп. и должен был платить 6 руб. 30 коп. Последнее время его жалованье равнялось 46 руб., и он должен был платить 15 руб. 33 коп. Находит это для себя слишком затруднительным, согласен был бы платить 5 руб. или взять сына к себе, на что его вторая жена согласна. Приговорен к 2 месяцам лишения свободы по ст. 158 УК. Приговор отмечает, что Роман не платил алиментов умышленно и что «все-таки он имеет домашнюю оседлость».

Петр П., русский, 52 лет, из крестьян Калужской губернии, инвалид III группы, по профессии — пекарь. С женой разошелся и сошелся с квартирной хозяйкой, вдовой 42 лет. Любовь тут роли не играла: «в любви, — говорит он, — я не понимаю». Заявляет, что обе женщины для него одинаковы, и возраст их один. На той же квартире, с ним вместе, живет его сын 25 лет. Он злобствует на отца за то, что он разошелся с женой, и Петр уверен, что это — он внушил матери подать иск об алиментах. Жена на Петра не очень злится. В феврале 1927 г. она была по делам в Москве, заходила к нему, они мирно беседовали, и он любезно провожал ее на вокзал. Жена с младшими детьми живет в деревне. Детей у Петра много: трое старших: 25, 22 и 20 лет и трое младших: 13, 8 и 6 лет. В деревне у них хозяйство на три души, лошадь, корова, овцы. До последнего года Петр на три летних месяца ездил в деревню помогать по хозяйству, только в этом году не ездил. Петр — малограмотен, учился в сельской школе два года. Книг никаких не читал, читает лишь иногда газеты. Пьет с 20 лет, много, по возможности каждый

день. Раздражителен. Склонности к драке и насилию незаметно. Ругаться — ругается. Решением Народного суда 29 июня 1926 г. присужден к платежу алиментов на трех малолетних детей в размере 20 руб. в месяц. Петр находит эту сумму чрезмерно большой. Детей он признает своими. Обязанность давать на их содержание он признает, но заявляет, что 20 руб. он платить не в состоянии, что эта сумма и несправедлива, так как он теперь от крестьянского хозяйства отошел, ничего себе из него не взял, все им оставил; притом, сын живет с ним в одной комнате и ни за что ничего не платит, хотя, как пекарь, получает более его; отцу приходится платить падающую на него часть квартирной платы и платы за коммунальные услуги. Целый год Петр не платил никаких алиментов. Народным судом за это приговорен 7 июня 1927 г. по ст. 158 УК на месяц. Приговор отмечает, что, как инвалид, Петр получал 26 руб. в месяц и приработывал, как пекарь. Раньше — в 1923 г. — Петр был приговорен к году лишения свободы за изготовление и продажу самогона; он за это отсидел месяца три, а его сожительница — 6.

Василий С. 29 лет, по профессии портной низшей квалификации, — «починщик старья». Его отец также был портным, и Василий начал у него учиться портновскому делу, но выучиться как следует не успел, так как отец умер, когда Василию было только 12 лет. Сначала Василий жил с родителями в деревне, где отец его портняжил, затем вся семья перебралась в Москву и здесь жила хотя бедно, но без большой нужды. Учился Василий в сельской школе $1^1/_2$ года, но, так как школа была в соседнем селе и у отца не было средств возить его туда, он прекратил ученье и стал учиться портновскому делу. В 1916 г. Василий поступил добровольцем в армию, — так как пропустил срок призыва, — и находился на военной службе до 1921 г. В 1923 году он женился на подруге своей сестры, девице 18 лет, работнице Анне Михайловой, которая ему нравилась и казалась скромной девушкой. Однако, вскоре он убедился, что ошибся. Анна оказалась женщиной пустой и безалаберной, склонной пофрантиться, красить губы, постоянно болтать с подружками

на дворе, вследствие чего, от недостатка ухода, умер их первый ребенок. Из-за того, что она постоянно водила к себе подруг и вмешивалась в дела мужа, у них пошли ссоры. Ее вмешательство в дела мужа заключалось главным образом в том, что она была против того, чтобы он выпивал, а он, хотя будто бы и не часто, позволял себе выпить и ничего в этом дурного не видел, так как работа тяжелая, — после нее как не выпить! Он возьмет себе ½ бутылки, ему хватит на весь день; выпьет стаканчик, станет весел, начнет петь и играть на гармонии, — пьянеет он быстро, — а она против всего этого. Она любила по гостям ходить, танцовать, и его высмеивала за то, что он танцовать не умеет, а от тяжелой жизни какие танцы... Каких-либо измен с ее стороны он не замечал и сына считает своим, хотя были у него и кое-какие подозрения: с фабрики она часто не во-время приходила, все уже пройдут, а она придет через час или позже. Следить за ней он стеснялся, как бы не обиделась; раз он пошел за ней, а она заприметила и убежала. Соседи ему на что-то намекали, даже прямо говорили ему про нее, но он этому веры не давал. Однако ссоры у них были частые, и после них она обыкновенно уходила на некоторое время к своим родным. В декабре 1925 г. они решили разойтись ввиду несходства характеров и частых ссор. Через три месяца опять сошлись, и она сказала, что «теперь научилась, как с мужем жить». На Пасхе 1926 г. они опять разошлись по следующей причине: он хотел ради праздника выпить стаканчик; она подскочила и вышибла стакан из его рук: он ее за это ударил два раза по щеке, а она бросила в него из всей силы стаканом, порезала ему шею и сама же побежала составлять в милицию протокол. Она подала в суд. Он считал неловким на суде говорить что-либо дурное про жену, больше молчал. Поэтому, полагает он, приговор за драку был против него, и его присудили к 2 неделям принудительных работ, которых, собственно, он не отбывал, а являлся лишь на регистрацию. После суда жена забрала их второго ребенка, все свое имущество и уехала. Они развелись. Затем она подала иск об алиментах. На этом процессе он хотел было подойти к сыну и дать ему полтинник на гостинцы, но жена

даже не подпустила его к нему. Этого сына он любит больше, чем свою дочку от второго брака, и с охотой взял бы его к себе. С удовольствием встречает его на улице или видит в окно. Первая жена его теперь к себе его не принимает. Алиментов с него было присуждено вначале 30 руб. в месяц, затем — уменьшили до 20 руб., но он и эту сумму находит чрезмерно обременительной ввиду того, что он — портной низшей квалификации и заработки его плохие. К тому же у него теперь вторая семья на руках. В октябре 1926 г. он вторично женился на девушке, с которой в первый раз встретился в кино, а затем несколько раз виделся в разных местах. Придя к убеждению, что эти свидания берут много времени, а надо работать, он предложил ей выйти за него замуж, она согласилась, и они теперь живут хорошо, он ею вполне доволен.

В приговоре народного суда от 14 июля 1927 г. значится, что Василий С., судившийся за уклонение от уплаты на содержание ребенка 26 апреля 1927 г. и приговоренный условно на две недели лишения свободы, уклонялся и после от платежа алиментов, назначенных ему решением Народного суда от 4 августа 1926 г. На суде он признал себя виновным и объяснил, что не уплатил лишь за апрель — май настоящего года вследствие того, что на него подано в суд. Рассмотрев квитанции за 1926 и 1927 гг., суд нашел, что за 1926 г. он не уплатил 53 руб., а за 1927 г. — по 16 мая — 85 руб., а всего 138 руб. Приговорен к лишению свободы на 1 месяц.

Из всего изложенного ясно, что Василий С. — алкоголик, и что жена покинула его, вероятно, ввиду тяжести жизни с таким алкоголиком. Не подлежит сомнению, что неплатеж алиментов вызывался, с его стороны, не одним только затруднительным материальным положением, а и нежеланием платить; ни из его объяснений, ни из данных дела не видно, чтобы он предпринимал какие-либо усилия выполнить эту обязанность и входил в какие-либо переговоры с бывшей своей женой по этому поводу. Из многочисленности состоявшихся против него судебных решений видно, что она настаивала на уплате, а он только упорно от этого уклонялся, хотя нельзя отвергать и трудности для него, как для пло-

хого портного, уплаты ежемесячно такой сравнительно большой суммы.

Павел В., 48 лет, подмосковный огородник. Отец его также и на том же месте был огородником. Он умер, когда Павлу было только 12 лет. Лет 19 Павел женился, прожил с женой хорошо 22 года и затем овдовел. Года через два, в 1925 году, он женился вторично на вдове 35 лет. У этой вдовы была дочь лет 11-12. По слухам она, после смерти мужа, жила с другим, но от него «сбежала». Вступая с ней в брак, Павел думал: «такая-то лучше, будет хозяйство вести, ребятишек обшивать». У Павла от первого брака: дочь, выданная замуж; вторая дочь — взрослая и три сына — 16, 13 и 10 лет. Но оказалось, что новая жена — Аграфена — баба «не-крестьянская», работать не любит, в поле итти не хочет, а все говорит: «давай, наймем». А на что нанять-то»? Любит печку истопить да спать. «Рано ее не буди». Любила по соседям ходить, «на мужа кляузничать да на детей». Жаловалась, что муж пьет и дерется. Он не отрицает, что это было, но не часто. «Как не выпить при моей работе»! — восклицает он. Летом он на поле устает, а зимой возит лед с реки. «Дома, — рассказывает Павел, — жена молчит, ни слова от нее не услышишь, ни тпру, ни ну, а на стороне наговаривает». «Я люблю правду, а она — нет. Говорит, что не замечал, чтобы Аграфена его детей била, «только с своими не ровняла». Ее девочка постоянно ссорилась с детьми Павла от первого брака и жаловалась на них матери. Все это служило источником вечных раздоров и все большего обострения отношений между супругами. Женился Павел на Аграфене зимой, а следующей осенью она ушла к матери до масленицы. Ее мать говорила ему: «ты ее бей, а мы будем от себя гонять». Но он «посмотрел-посмотрел, плюнул да и ушел». Ее последнего ребенка он считает своим, в неверности ее не упрекал; «говорили люди со стороны, что она гуляла», но он «веры этому не давал» и сам ничего не замечал. Ребенка он любит и желания избавиться от него не выражает, охотно взял бы к себе. Во всем винит плохой характер Аграфены, ее нежелание работать. «Женясь, — говорит он, — думал горю помочь, а вышло горя еще на-

жил». Как примеры постоянных ссор с женой, приводит следующие случаи. Пришел он домой после возки льда, увидел своего последнего сынишку — от Аграфены — на руках у ее дочки, подошел к нему, хотел приласкать, а девочка говорит: «не подходи, ты — холодный». Тогда он в шутку мазнул его рукавицей по лбу, девочка закричала; прибежала жена, бросила в него чем-то, забрала своих детей и ушла к матери. А в другой раз Аграфена взяла да и сунула в жаркую печь его валенки и валенки мальчишек, а свои поставила подле печки. Ну, и сожгла. Разошлись же они из-за следующей ссоры. Она вставала позже других и ставила себе отдельный самовар. Как-то у нее не разгорался самовар, щепки были сыроваты, — она взяла да и отломила кусок дерева от наличника окна. Он увидел это, рассердился и сказал: «строить — так нет, а вот последнее разломать, изба и так устарела»... и отнял у нее самовар, а она схватила стоявший вблизи колун, да мужа по боку; от этого удара у него образовалась большая опухоль. Он ударил ее по щеке, а она схватила его да так, что ему пришлось ее выпустить. После этого она забрала детей и к матери. Затем они развелись, и она подала иск об алиментах.

Приговор народного суда от 11 мая 1927 года отмечает, что, согласно решению народного суда от 18 июня 1926 года, Павел В. обязан был платить на содержание своего ребенка по 10 руб. в месяц, но платить такую сумму отказывается, несмотря на имеющуюся к тому возможность. За уклонение от платежа алиментов он был судим 14 января 1927 г. и присужден к 15 дням лишения свободы условно. Виновным себя Павел не признал, объяснив, что имеет другую семью, которую обязан содержать. Народный суд нашел, что Павел, имея среднее крестьянское хозяйство и занимаясь огородничеством, может платить означенную выше сумму, а потому приговорил его к лишению свободы на 15 дней и присоединил к этому сроку срок, назначенный приговором 14 января 1927 г. Павел находит данное решение суда неправильным, согласен платить алименты в размере не свыше 3 руб. 50 коп. в месяц, так как у него самого — семья большая. Земли у него было прежде на 7 едоков, а теперь осталось на 4,

так как на троих едоков выделили Аграфене, да заставили выделить ей коморку в его избе. Она с год не жила с ним, а теперь в избе водворилась, он этим очень недоволен. Они теперь из-за всего постоянно ссорятся, из-за каждого пустого мешка. У него теперь пропадают разные вещи, пропали две пары валенок, хомут. Она на все вопросы отвечает: «не знаю, не брала». Да и дети служат постоянным источником ссор. Так, его последний сынок постоянно тянется к его детям и на их половину, а Аграфена и ее дочка «ненавистничают» и «тянут его к себе». Павел утверждает, что не может платить 10 руб., так как у него две лошади пали, осталась одна корова и хозяйство довольно серьезно расстроено. «Она меня совсем разорила», — говорит он. У нее хозяйство идет еще хуже, и он утверждает, что будто бы она поговаривает: «если бы он меня позвал, пошла бы». Несколько подлил масла в огонь вернувшийся с военной службы брат Аграфены: он исколотил Павла за то, что тот «будто бы сестру его засушил». Сейчас, сидя в исправдоме, Павел все думает, как там дети без него с хозяйством управляются. Сидит он в общей камере, где есть и воры. К последним он относится крайне отрицательно: краденое — впрок никогда не идет, а про себя добавляет: «я уже устал, чтобы на такие дела пускаться, ну их»! Компании с ворами он не ведет и их решительно сторонится.

Всматриваясь в приведенные выше характеристики злостных неплательщиков алиментов, нетрудно заметить, что во всех этих случаях с вопросом об алиментах связывалось много недовольства и злобного раздражения. Несомненно, что хотя и не исключительно, но в значительной мере под влиянием этого раздражения против покинувших или покинутых женщин данные лица и уклонялись от платежа алиментов. Однако ни у одного из них злоба и раздражение не доходили до кровавой насильственной расправы с женщиной или с ребенком из-за алиментов. Некоторые из них вообще колачивали женщин, с которыми впоследствии судились из-за алиментов, но путем насилия, истязаний или даже убийства они не старались избавиться от платежа алиментов. Иногда достаточно было ничтожного повода, чтобы вызвать драку

между супругами; особенно в этом отношении ярок последний пример, вскрывающий кучу ссор и дрязг из-за какой-нибудь пары валенок, щепок и т. п. Однако и в подобных случаях дело не доходило до попытки насильственной расправой избавиться от платежа алиментов. По степени злобности и жестокости злостные неплательщики алиментов значительно уступают обрисованным нами раньше убийцам. В их психологии ярко выделяется недостаток честности в имущественных отношениях, имущественная недобросовестность с примесью безучастного, равнодушного отношения к судьбе женщины и ребенка, иногда, кроме того, и с примесью скаредности, нежелания ослаблять такими платежами свое хозяйство. На эти свойства их и надо обращать особенное внимание при исследовании данных преступлений. У них нет еще того сочетания этих свойств со злобой и жестокостью, которое заметно у обрисованных выше убийц. Сознание известной обязанности в отношении ребенка имеет у них некоторое задерживающее влияние. Для цели педагогического воздействия на этих субъектов данное сознание представляет ценную точку опоры.

VIII.

ОТКАЗ В АЛИМЕНТАХ КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ.

Обеспечить исполнение родителями их обязанности содержать их нетрудоспособных детей, с социальной точки зрения, чрезвычайно важно во многих отношениях. Прежде всего, неисполнение этой обязанности является одним из источников, из которого обильной струей струится детская беспризорность и преступность. Среди беспризорных велик процент бездомных детей, т. е. детей, совсем не имеющих крова, дома или семьи, потому ли, что родители их умерли, или потеряны ими из вида, или потому, что родители бросили их на произвол судьбы, отказали им в содержании. Среди них велик и процент детей заброшенных, таких, у которых есть кров, но насущные нужды которых остаются неудовлетворенными, потому что родители о них не заботятся, потому ли, что не интересуются ими и равнодушны к их судьбе, или потому, что, оставшись одна и без поддержки, женщина слишком подавлена материальными трудностями жизни, ходит с утра до ночи на поденную работу, занимается проституцией и т. д. Не подлежит сомнению, что уклонение мужчины от платежа алиментов нередко толкает обманутую и покинутую им женщину на путь проституции. Бывают случаи, когда отказ в алиментах толкает женщину и на путь преступления.

Вот один из случаев подобного рода, недавно имевший место в Москве. 19 октября 1926 года гражданка Жаркова, находясь на приеме в амбулатории больницы имени Склифосовского, куда она пришла посоветоваться о производстве аборта, познакомилась с молоденькой, с приятным, миловидным лицом и недурно одетой женщиной, которая назвалась Шурой, а впоследствии оказалась Александрой Р. 18 лет. Разговорились. Шура сказала, что она также беременна и нуждается в аборте. Жаркова с сокрушением призналась, что нужно делать аборт, а денег у нее мало. Шура сказала, что она — в таком же положении, и предложила поехать вместе в Волоколамск, где можно будет сделать аборт у одного хорошего врача за дешевую цену. Жаркова согласилась. Условились вечером встретиться на вокзале, встретились и поехали. Поезд пришел в Волоколамск ночью, и женщины остались на вокзале ждать рассвета. На рассвете Р. предложила итти в город пешком из экономии, Жаркова хотела ехать на извозчике. Пошли. Сначала шли по шоссе, затем Р. отклонилась к реке, утверждая, что так можно ближе пройти. Однако, пройдя несколько десятков шагов, Жаркова стала настаивать вернуться на шоссе. Подошли к мостику. Р., которая шла сзади, подозвала к себе Жаркову, будто бы ей нужно подтянуть немного живот. Та подошла и заметила, что у Шуры в руках какие-то тряпки. Когда Жаркова приблизилась, Шура выхватила из-за пазухи кинжал и крикнула: «хочешь жить, давай пальто». На Жарковой было новое пальто с меховым воротником и с меховыми манжетами. Когда она сняла пальто, Шура надела его на себя, а ей бросила свое старое. Сначала, когда Шура потребовала пальто, Жаркова думала, что та шутит, и улыбнулась. Но Шура схватила ее за воротник так, что отлетели даже 2 пуговицы. Поняв, что дело идет всерьез, Жаркова попробовала обороняться и схватила Шуру за руку, но та высвободилась и сказала: «ну, что ты со мной борешься, не такие боролись, здесь в воде моих 15 человек лежат». «Вот, подожди, сейчас ко мне подойдут еще двое». Отняв пальто, Шура велела Жарковой молчать, пригрозив местью, и стала уходить в сторону, а Жаркова побежала на станцию. По пути она увидела подводу и закричала о помощи, но, когда подвода подъехала, Шура успела благополучно скрыться. Жаркова, приехав на станцию, рассказала о случившемся

властям, причем припомнила, что как-то в разговоре Шура упомянула один адрес. По этому адресу розыскали сестру Шуры, а потом — и ее. Ограбив Жаркову, Р. пошла окольной дорогой в Волоколамск и там совершила следующую мэшенническую проделку. Подойдя к дому С., она постучала и, когда ее впустили, сказала, что она — хорошая знакомая хозяина дома, что она просит позволения войти и обогреться и что ее ограбили на большой дороге. Узнав, что хозяина нет дома, она стала просить выручить ее и дать ей на несколько часов ботинки и чулки, чтобы она могла найти одного знакомого, который даст ей денег на обратный проезд. Получив то, что просила, она скрылась. О семье С. у нее, очевидно, были некоторые предварительные сведения, так как она называла им несколько их знакомых, как своих общих с ними знакомых. Когда она узнала, что самого С. нет дома и что он ушел на службу в Земотдел, она пошла туда, выразила ему удивление, что он ее не узнает тогда, как они будто встречались у таких-то общих знакомых, и, уже вернувшись от него, получила от его дочери ботинки и чулки. За свои преступления Р. приговорена к 3 годам лишения свободы, причем, ввиду ее несовершеннолетия во время совершения этих преступлений, срок заключения понижен ей до двух лет. Знакомясь с ее личностью и прошлым, узнаем о ней следующее.

Она из бедной крестьянской семьи, родом из Тверского уезда. Отец ее умер в 1923 г.; мать жива, ей сейчас 75 лет. Две сестры ее замужем, брат женат, живет бедно, имеет 9 человек детей. Отец ее, хотя пил, но немного, жену не бил и вообще был спокойного характера; мать также. Семья жила дружно и тихо. Душевнобольных и алкоголиков среди восходящих нет, по крайней мере Шура об этом ничего не слыхала. Учиться она почти не училась, почти безграмотная, читает плохо и умеет писать лишь свою фамилию. С 14 лет ее отдали в работницы, верст за 6, в соседнее село к богатому крестьянину Арбузову. Она помогала ему по домашнему хозяйству, ходила за скотом, а летом — работала в поле. Жена Арбузова была постоянно больна; доктора определили у нее рак. Через некоторое время хозяин стал приставать

к Шуре, «предлагал ей свою любовь», обещал одевать ее хорошо и помогать ее матери. Она сначала отталкивала его, хотя он ей нравился и она рассчитывала на его щедрость, а потом — отдалась ему. От жены Арбузова эта связь тщательно скрывалась: виделись украдкой, и только летом, на полевых работах, в которых хозяйка по болезни участия не принимала, сходились чаще и свободнее. Осенью 1926 г. Шура почувствовала себя беременной. Она обратилась к хозяину с просьбой об алиментах или хотя бы о помощи сделать аборт. Тот обошелся с ней очень грубо и во всем отказал. Она тогда рассказала все хозяйке. Последняя очень рассердилась и прогнала ее со двора. Шура решила ехать в Москву к старшей замужней сестре и сделать себе аборт в Москве. В деревне она из стыда стеснялась рассказывать о своей беременности; там ходили кое-какие слухи насчет ее близости с Арбузовым, но она их опровергала, свои отношения к нему скрывала, и, когда ее мать, по поводу этих слухов, спрашивала ее, она говорила ей, что она — девушка. В половине октября 1926 г. Шура приехала в Москву и первым делом пошла к сестре. Но последняя, узнав о беременности и намерениях Шуры, встретила ее весьма неприветливо, помочь ей отказалась и требовала, чтобы она немедленно вернулась в деревню. Шура же впадала в ужас при мысли показаться в деревне «с животом»; ей казалось, что все поднимут ее там на смех, а мать и брат очень рассердятся. По наведенным ею справкам на аборт ей нужно было около 40 руб. Денег у нее не было, и она старалась как-нибудь их достать. Когда она встретилась с Жарковой в амбулатории, у нее и явилась мысль использовать ее новое пальто для этой цели. Ограбив Жаркову, она продала ее пальто за 20 руб. и сделала себе за эти деньги аборт у какой-то бабки; последняя взяла длинную иглу или спицу, намылила ее и сделала ей 4 или 5 уколов. В результате у Шуры открылось страшное кровотечение, и она слегла в больницу. Оправившись и выписавшись из больницы, она продолжала жить в Москве, боясь ехать в деревню.

В этиологии ее преступлений отказ в алиментах и в помощи на аборт играют очень заметную роль. Надо доба-

вить, что Р. — легкомысленна и очень лжива. И на суде, и при нашем обследовании она много лгала, и только изучение ее судебного дела помогло разобраться в истинных пружинах ее преступлений. Между прочим, есть указания на ее развязность и сильное кокетство со всеми встречными мужчинами. Пока они с Жарковой ехали в Волоколамск, она очень развязно вела себя в вагоне с мужчинами. Арестована она была при выходе из номеров с одним молодым человеком, с которым провела ночь. Но она всякие связи с мужчинами отрицала, утверждая, что сожительствовала лишь с упомянутым выше хозяином своим. Точно так же она уверяла, что Жаркова и дочь С. сами из жалости и любезности дали ей пальто, ботинки и чулки. Категорически утверждает, что у нее не было никакого кинжала и последний «почудился Жарковой с перепугу»; это, надо заметить, довольно вероятно. Есть еще указание на то, что в амбулатории Р. была одета недурно, а на вокзал явилась в другой, плохой одежде, что удивило Жаркову, которой было объяснено, что в дорогу незачем надевать хорошее платье. Повидимому, недурное пальто было получено Шурой неизвестным способом, — быть может, и каким-либо обманом, — от матери Арбузова и продано в Москве. Указывая на лживость и плутоватость Р., следует для полноты характеристики отметить ее неопытность в совершении преступлений, имеющееся у нее чувство стыда и боязнь общественного мнения.

В приведенном примере отказ в алиментах и в содействии производству аборта послужил толчком к вступлению на путь мошенничества и грабежа. В других случаях бывает и хуже, — на этой почве вырастают убийство или изувечение. Так, одна крестьянка задушила новорожденного ребенка, закрыв ему рот рукой, из-за того, что отец этого ребенка отказался на ней жениться и давать алименты. В другом случае некто Г., будучи прислугой, забеременела от хозяина. Брат и мать горько ее упрекали. Решили втроем убить ребенка и, когда он родился, бросили его в горящую печь [1]). Таких случаев наша судебная практика знает не-

[1]) См. Стельмахович, у. с., стр. 51 сл.

мало. На эту связь алиментов с преступностью надо также обратить серьезное внимание. Перспектива обязанности платить алименты нередко толкает на преступление мужчину, а отказ в алиментах — женщину.

Отметив многостороннюю связь между алиментами и преступностью, перейдем теперь к вопросу, как по возможности снизить, если нельзя уничтожить, несомненно нарастающую волну этой преступности.

IX.

МЕРЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ИЗ-ЗА АЛИМЕНТОВ.

ВЫВОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ.

I. Как и в борьбе со всяким вообще преступлением, в борьбе с преступлениями из-за алиментов следует прежде всего постараться найти такие меры, которые предупреждали бы самое возникновение этих преступлений. Так как длительность и напряженность злобного раздражения, выражающегося в насильственной расправе с женщиной или с ребенком, — со стороны лиц, которым угрожает обязанность платежа алиментов, — в значительной мере зависят от отмеченных выше неправильных взглядов на алименты и от отсутствия сознания родительской обязанности в отношении ребенка, то в превентивных целях, несомненно, очень полезна может быть пропаганда правильных взглядов по данному вопросу путем соответствующей литературы, лекций, чтений, бесед и т. д. В этих сочинениях, лекциях и беседах должна быть отмечена связь между отказом в алиментах и детской беспризорностью, проституцией и тому подобными социально-патологическими явлениями. В широкой мере для этого могут быть использованы газеты, кино и радио.

II. Так как убийство и вообще насильственная расправа с женщиной или ребенком, учиненная из-за алиментов, имеет в виду или предупредить иск об алиментах и наложение обязанности платить алименты, или сбросить эту обязанность, если она на субъекта уже наложена, то для предупреждения этих преступлений следует установить в законе, что в тех случаях, когда из-за алиментов убиты мать или ребенок, или оба они, обязанность платить алименты остается на виновном. В этих случаях он должен выплатить, по назначенным ему судом частям, капитализированную сумму алиментов органам охраны детства, в фонд борьбы с детской беспризорностью. Решаясь на убийство матери или ребенка, убийца думает, что, хотя ему придется отсидеть, — он надеется, небольшой — срок, но зато он избавится от обязанности платить алименты. Законодатель должен его разочаровать в этом и вырвать жало у этой соблазнительной перспективы освобождения от алиментов. Нельзя позволить сбрасывать с себя эту обязанность путем преступления.

В целях широкой и энергичной борьбы с детской беспризорностью и преступностью необходима повсеместная организация сети учреждений, которые вели бы эту борьбу [1]). В задачи этих органов должна входить борьба с беспризорностью во всех ее видах. Беспризорность есть вообще такое положение подростка в обществе, при котором он оказывается лишенным того руководства и попечения, которые необходимы ему, — по его юному возрасту и связанной с последним неспособности к саморуководству и самопомощи, — чтобы избежать причинения более или менее серьезного вреда самому себе или другим. Не подлежит сомнению, что успешная борьба с детской беспризорностью и преступностью требует возможно широкого привлечения к участию в ней общественных организаций. На все организации, участвующие в охране детства и в борьбе с детской беспризорностью, должна быть возложена, между прочим, и обязанность истребования алиментов с лиц, посредством преступного посягательства на мать или ребенка старавшихся от них избавиться. Рассеянные по всей стране, эти органы смогут достаточно зорко следить за подобными лицами и привлекать их к платежу алиментов, разумеется, если работа и сношения этих органов

---

[1]) См. об этом мое сочинение Детская беспризорность и меры борьбы с ней, „Новая Москва“, 1926, стр. 120 сл.

друг с другом будут достаточно налажены. По существу своему гражданско-правовая обязанность платить алименты, в случаях убийства ребенка или его матери, должна превратиться в дополнительное наказание, очень важное для предупреждения этих кровавых преступлений.

Борясь с преступлениями, законодатель должен возможно более лишать их выгодности для преступников. Этим путем всего лучше будет побеждена корысть. Установление безусловной обязанности уплатить известную сумму в некоторых случаях может служить надежной превентивной мерой. Так, напр., я полагаю, что было бы весьма целесообразно установить в законе, что растратчик непременно обязан возвратить растраченное, что эта обязанность безусловно лежит на нем и во время отбытия наказания, и после, что, может быть, малосостоятельный во время суда, он станет более состоятельным впоследствии и тогда окажется в силах возместить растраченное. В целях профилактических полезно было бы при этом установить, чтобы от лиц, служивших ранее в других учреждениях или предприятиях, требовались на новом месте службы удостоверения об отсутствии или наличии определенных денежных претензий к ним со стороны прежних мест их службы. Точно так же в случаях убийства из-за алиментов полезно установить, что таким путем нельзя избавиться от данной обязанности, что на место потерпевшего сейчас же становится, как правомочный истец алиментов, государство в лице рассеянных по его территории органов охраны детства и борьбы с детской беспризорностью. Не следует думать, что при таких условиях обязанность платить алименты приобретет временный характер: пока не кончится борьба с беспризорностью. Конечно, та вспышка детской беспризорности, которую мы переживаем в настоящее время, как последствие голода и войны, — явление временное, преходящее. Но известное число беспризорных и нуждающихся в особой охране детей — постоянное явление в обществе, одна из неизбежных теневых его сторон. Поэтому та или иная организация охраны детей и подростков всегда нужна, и, в зависимости от обстоятельств, она может лишь представлять собою более или менее обширную и густую сеть

органов. Детская беспризорность проявляется в следующих трех главных видах:

а) беспризорность-бездомность, когда у подростка нет дома, нет семьи, родной или чужой, которая бы о нем заботилась. Это может происходить или от того, что родители его умерли, или потеряны им из вида, или от того, что семья бросила его, не пожелала по тем или иным причинам им заниматься, предоставила его самому себе;

б) беспризорность-заброшенность, когда у подростка есть кров, есть свой дом, но его насущные нужды вообще остаются неудовлетворенными, потому что о нем слишком мало заботятся, им не интересуются, и его, как говорят, оставляют в загоне;

в) беспризорность-безнадзорность, когда лица, обязанные наблюдать за развитием и поведением подростка, хотя и проявляют некоторую заботливость о нем, хотя бы лишь о его материальных нуждах, но оставляют его без должного надзора, слабо наблюдая за его развитием или поведением. Известный % беспризорных всех указанных выше категорий, в силу разных причин, неизбежно накапливается в обществе.

Охрана детей от положения беспризорности, от эксплоатации, жестокости и развращения всегда будет необходима и всегда будет вызывать существование, в той или иной форме, органов охраны детства. Присуждая к наказаниям убийц, стремившихся убийством освободить себя от алиментов, суд должен сообщить об этом своем приговоре органам, на обязанности которых лежит охрана детства, для получения этими органами от данного лица соответствующих сумм.

При этом для признания, что субъект имел в виду путем убийства избавиться от алиментов, не нужно непременно, чтобы он сделал прямое нападение с ножом или иным оружием на свою жертву; если женщина или ребенок систематически избивались или подвергались истязаниям с целью избавиться от них и эта цель достигнута, убийство будет налицо. Действительно, для ответственности за убийство необходимо, чтобы субъект был виноват в том, что причинил или участвовал в причинении смерти другому человеку, чтобы поведение его или входило в состав тех действий на

организм этого человека, которые в совокупности стали причиной смерти последнего, или, хотя бы лишь посредственно, возбуждало, усиливало или направляло действие хотя бы одного из причинивших смерть условий-причин. Такое возбуждение, усиление или направление возможно как путем прямого положительного воздействия, так и путем устранения каких-либо препятствий или задержек. Поведение человека принадлежит к числу условий-причин убийства и тогда, когда оно прекращает, уничтожает или устраняет нечто необходимое для жизни другого человека, когда, напр., субъект ограничивается тем, что не дает ребенку пищи, от чего последний умирает [1]).

III. Убийство из стремления избавиться от обязанности платить алименты должно рассматриваться судом, — при отсутствии особых условий, вызывающих снисхождение к преступнику, — как совершенное из «низменных» побуждений. Выражение Уголовного кодекса «низменные побуждения» должно истолковываться не с точки зрения какого-либо нравственного идеала, а с точки зрения предупреждения преступлений и опасности преступника, в соответствии со ст. 9 УК. Убийца из-за алиментов руководится, если не исключительно и не главным образом, то до известной степени, корыстным побуждением и должен быть подводим под пункт «а» ст. 136 УК. Конечно, нельзя не признать, что выражение «низменные побуждения», как термин, указывающий на моральную сторону и оценку поступка, выбран не совсем удачно, и что Уголовному кодексу, взамен содержащегося в ст. 136 перечня, лучше было бы общим образом указать, что судья может назначить лишение свободы со строгой изоляцией на срок до 10 лет в случаях, когда из цели и способа убийства и из нарушения убийцей лежавших на нем по отношению к убитому обязанностей, а равно из использования тяжелого или беспомощного состояния убитого выясняется особенное корыстолюбие убийцы или его особенная жестокость, мстительность, коварство и склонность к насильственным действиям. Но раз перечень квалифицированных видов убийства

[1]) Ср. мой Очерк основных начал науки уголовного права, изд. НКЮ, 1923, II, стр. 10—11.

существует, убийства из-за алиментов должны, как правило, найти себе место среди случаев, подводимых под пункт «а» ст. 136. Надо добавить, что в общей части, в пункте «д» ст. 47, Уголовного кодекса говорится, что совершение преступления из корыстных и низменных побуждений считается «отягчающим обстоятельством»...

IV. Основной мерой борьбы с преступниками, учинившими из-за алиментов тяжкие насильственные преступления, должно быть помещение их на достаточно длительной срок в исправительно-трудовые учреждения. Эти учреждения должны все более становиться настоящими «социальными клиниками». Всякая клиника есть учреждение, практическая деятельность которого строится всецело на научных основаниях и в котором стараются возможно тщательнее и полнее изучить особенности пациентов для того, чтобы лучше индивидуализировать средства и способы лечебного воздействия на них.

В исправительно-трудовых учреждениях преступники из-за алиментов, учинившие тяжкие насильственные деяния, должны составлять, в воспитательном отношении, отдельную группу, подлежащую особым мерам пенитенциарно-педагогического воздействия, которое направлялось бы, прежде всего, на присущие им и отмеченные выше особенности взглядов на алименты и на родительские обязанности. Так как этим преступникам большею частью присущ низший уровень общего культурного развития, необходимо принять меры к повышению последнего. Преступник помещается в пенитенциарное учреждение для того, чтобы путем известных мер подействовать на «личный» корень его преступной деятельности, изменить соответствующим образом сложившиеся у него психические комплексы [1]). Первая обязанность воспи-

[1]) Выражение „психические комплексы" означает более или менее постоянное сочетание известного представления или понятия с определенным эмоциональным состоянием субъекта (с определенным эмоциональным тоном) и с импульсом к определенному отношению, со стороны субъекта, к содержанию данного представления или понятия. Сочетание этих элементов в комплексе связано в одну живую единицу психической жизни. Такого рода комплексы представляют, напр., то, что называют убеждениями человека.

тателей заключается в том, чтобы с возможной полнотой изучить личность заключенного и корни его преступной деятельности, личные и внеличные. Некоторое ознакомление с личностью заключенного необходимо уже на первых порах, при выяснении, в какую группу его надо поместить и на какие стороны его личности в дальнейшем следует обращать особенное внимание. Для того, чтобы знать, на что, именно, в данном человеке должно быть направлено исправительное воздействие для предупреждения его повторной преступной деятельности, воспитатель должен выяснить: степень присущего заключенному самообладания и способности критической оценки своего и чужого поведения и все то в интеллектуальной и эмоциональной его сфере, что оказало поддержку подсказанной известною потребностью мысли об определенном преступлении и позволило ей развиться в решимость совершить данное преступление. Воспитатель должен стараться подметить, какие комплексы в интеллектуальной сфере заключенного оказывали поддержку росту его стремления к преступлению и какие комплексы всплывали в сознании, как антагонисты этого стремления. Задача пенитенциарного воспитания — разрушить комплексы первого рода и укрепить и усилить комплексы второго рода, путем создания в психике субъекта известных ассоциаций идей и чувствований. Воспитатель должен с достаточным вниманием изучить разнообразные склонности заключенного и постараться воспользоваться для своих целей всем, что можно в них найти как точку опоры для того или иного воспитательного воздействия. Так как каждая склонность есть комплекс, в котором сосчитаны в одно целое известная эмоция, известное общее представление и влечение к осуществлению этого представления, то изменение склонностей возможно через образование сочетаний данного чувства с другими общими представлениями, а также через образование ассоциаций с данным представлением иного чувства или представлений, с которыми связаны иные чувства. Под влиянием такого рода воздействий криминогенный комплекс может или, так сказать, распасться и исчезнуть, или утратить, по крайней мере, прежнее влияние на волю.

Все эти общие соображения сохраняют полную свою силу и целиком применяются к преступникам из-за алиментов.

V. Выясняя конкретные воспитательные цели, которые должны быть достигнуты в отношении того или иного отдельного преступника, пенитенциарные работники должны стараться предварительно узнать, носителем какого криминального типа является данный субъект, — представляет ли он собою импульсивного, рассудочно-расчетливого или эмоционального преступника. Конкретные воспитательные цели должны ставиться в соответствии с тем или иным из этих типов. В одном случае внимание должно прежде всего и особенно фиксироваться на интеллектуальных и сенсорных корнях силы и господства проявившихся в преступлении субъекта чувственных импульсов. В других случаях особенное внимание должно быть сосредоточено на преследуемых субъектом общих жизненных целях, на их содержании и на крепости и постоянстве связи с ними преступления. В третьих случаях особенное внимание должна привлекать к себе эмоциональность субъекта, степень возбудимости у него известных чувств, их напряженность и продолжительность их господства в сознании. Конечно, во всех случаях обследование должно коснуться всех сторон личности, и речь может итти не об игнорировании той или иной стороны или об оставлении ее без обследования, а об особенном сосредоточении внимания на известной стороне личности, об особенно подробном ее обследовании и о положении данных этого обследования в основу конкретного плана педагогического воздействия на данного субъекта, о приспособлении мер воздействия на этого человека прежде всего и более всего к особенностям этой стороны его личности.

VI. Суд, рассматривая преступления из-за алиментов, также должен выяснить, принадлежит ли данный субъект к типу импульсивных, рассудочно-расчетливых или эмоциональных преступников. Пункт «в» ст. 45 Уголовного кодекса требует, между прочим, чтобы, при назначении осужденному меры социальной защиты судебно-исправительного характера, суд исходил из учета не только общественной опасности преступления и обстоятельств дела, но и личности

совершившего преступление. В применении к случаям убийства и вообще тяжкой насильственной расправы из-за алиментов это означает, именно, необходимость считаться с принадлежностью преступника к тому или иному из указанных трех типов.

Очень желательно, чтобы в своем приговоре суд отмечал те свойства личности подсудимого, которые раскрылись на суде и характеризуют его, как представителя того или иного из вышеупомянутых типов. Такого рода указания суда важны не только для криминально-психологических исследований, материалом для которых служит и судебное дело, но, прежде всего, для работников исправительно-трудовых учреждений, помогая им сразу ориентироваться в вопросе, в какую группу поместить в месте заключения вновь поступившего заключенного и с чего начать педагогическо-пенитенциарное воздействие на него. Работа суда по исследованию личности представляет собою, в сущности, начало обширной работы, которую продолжают работники исправительно-трудовых учреждений. Развитие уголовного правосудия в течение нескольких последних десятилетий повсеместно обнаруживает тенденцию к установлению все большего контакта между деятельностью суда и пенитенциарных учреждений. Одним из довольно ярких проявлений этой тенденции является современная организация условного досрочного освобождения. Очень желательно, чтобы законодатель возложил на суд обязанность отмечать в приговоре главные мотивы преступления и те стороны личности преступника, на которые следует обратить особенное внимание при отбытии наказания; тогда исследование судом разных моментов преступления и свойств преступника не оставалось бы неизвестным и бесплодным для работников исправительно-трудовых учреждений. В настоящее время, к сожалению, в исправительно-трудовые учреждения присылается обыкновенно лишь копия приговора, из которой ничего или почти ничего нельзя почерпнуть о личности осужденного и часто очень мало о характере совершенного им преступления.

В будущем, несомненно, и воспитатели пенитенциарного учреждения будут вести систематический учет тех изме-

нений, которые происходят в течение отбытия наказания в личности заключенного и именно в тех сторонах его личности, в которых лежат корни его преступной деятельности. Этот учет найдет свое выражение в особом «нравственном счете», который будет составляться отдельно на каждого заключенного и по кратким записям которого можно будет восстановить картину состояния данной личности с начала до конца отбываемого ею наказания [1]). В этом счете будут записаны вкратце достигнутые воспитательной деятельностью результаты. Все эти данные будут служить ценным подспорьем для суда при решении вопроса о досрочном освобождении.

VII. Исследование личности преступников из-за алиментов должно направляться прежде всего к выяснению главного внутреннего двигателя их преступной деятельности, — к решению следующих вопросов:

1) Не было ли главной побудительной причиной для субъекта соединенное с представлением об обязанности платить алименты неприятное ощущение многолетней тяжелой обузы и живое предощущение (антиципация) удовольствия навсегда освободиться от этой кажущейся ему тяжелой связанности жизни? Если таков главный внутренний двигатель, приведший субъекта к преступлению, то мы имеем перед собой представителя первой разновидности импульсивного типа, сбрисованной выше (в главе III), — представителя «импульсивных преступников из-за опасения алиментов, как многолетней обузы», и тогда необходимо подвергнуть его исследованию со всех тех сторон, которые отмечены выше, в конце гл. III.

2) Не стремился ли субъект избавиться от алиментов, главным образом, потому, что считал, что платеж их поставит его в позорное или конфузное положение, сделает его предметом злоречия и насмешек других лиц, подорвет его репутацию и добрые отношения с близкими ему людьми? Если это было так, то перед нами представитель

[1]) О т. наз. „нравственном счете“ см. мои Основы пенитенциарной науки, стр. 301.

второй разновидности импульсивных преступников, обрисованной выше, в гл. IV. В таком случае надо обратить особое внимание на степень внушаемости субъекта, на его страх перед общественным мнением, на то, разделяет ли он сам предрассудок, будто положение лица платящего алименты позорно или смешно, и как он вообще смотрит на обязанность платить алименты.

3) Не находилась ли обязанность платить алименты в противоречии или антагонизме с какими-либо из преследуемых субъектом общих жизненных целей и не из этого ли противоречия или антагонизма вытекало стремление субъекта во что бы то ни стало избавиться от этой обязанности навсегда? Если было так, — перед нами рассудочно-расчетливый преступник, и тогда надо выяснить, требовала ли данная его общая жизненная цель непременно преступных средств и способов достижения, или она не стояла в такой живой, глубокой и постоянной связи с преступлением, а также насколько субъект был захвачен этой целью и активен в ее осуществлении? Не влияло ли на субъекта, в качестве второй, толкавшей его к преступлению силы, представление о плательщике алиментов, как о человеке, попавшемся и находящемся в позорном, глупом или смешном положении?

4) Не было ли главной силой, двигавшей преступника, известное чувство, искавшее себе удовлетворения в насильственной расправе с другим человеком? Если было так, — перед нами эмоциональный преступник, и тогда особенно важно обратить внимание на степень возбудимости у него данного чувства, его напряженность и длительность связанного с ним возбуждения. Важно выяснить также, принадлежит ли данный субъект к первой или второй разновидности эмоционального типа, — к аффективным или обдуманно-эмоциональным преступникам.

VIII. При исследовании эмоциональной стороны преступников из-за алиментов следует обращать особенное внимание на развитие у них чувства злобы, а также на наличность или отсутствие у них нервной болезни (эпилепсии, истерии и т. п.), личного алкоголизма и алкогольной наследственности. Под влиянием алкоголизма человек становится все более раздражительным, аффективным; разные злобные чувства — гнев, месть, ненависть, ревность и т. п. — возбуждаются у него все легче и сильнее и встречают все менее задержек для своего развития и свободного проявления. У хронических алкоголиков нередки и порывы злобы, не находящие себе оснований в каких-либо внешних обстоятельствах, а накипающие извнутри, без всяких внешних поводов. Это — не злоба на определенное лицо или по определенному поводу, а злоба вообще на людей, на условия жизни и т. д. Срывается она, конечно, на тех, кто, так сказать, подвернулся под руку и стал объектом какой-либо придирки, и, возникнув независимо от этих лиц, тотчас переходит в злобу против них. Чаще всего страдающими лицами в этом случае являются ни в чем неповинная, несчастная жена или дети. Бывают случаи, когда, и при отсутствии особенно резко выраженного личного алкоголизма, на почве алкогольной наследственности вспыхивают необычайно сильные порывы злобы, обращенной против лиц, ничего дурного не сделавших данному субъекту, даже против маленьких детей. Так, напр. в порыве злобной раздражительности Иван К., 26 лет, из крестьян Московской губ., учинил следующее кошмарное преступление. 22 февраля 1927 г., проезжая в поезде с 4-летним сыном своей жены от первого брака, он между станциями Нахабино и Гучково вывел мальчика на площадку вагона и сбросил его с поезда. Несчастному ребенку поездом отрезало обе ноги и размозжило череп, отчего он тут же скончался.

Знакомясь с обстоятельствами дела и с личностью Ивана К., узнаем следующее. Приблизительно за год до этого кровавого события Иван К. женился на матери этого ребенка — Марии. Сразу же он крайне не поладил с тещей, которая была недовольна этим браком своей дочери и приняла зятя чрезвычайно враждебно. Она, наконец, вытеснила его из своей квартиры, в которой она помещалась в качестве дворничихи. Он устроился было временно у своей замужней сестры, но у той проживать постоянно стало невозможно вследствие крайней тесноты помещения и отказа сестры

дать ему постоянный приют. Не найдя себе помещения в Москве, Иван уехал на жительство в подмосковную деревню, откуда он родом, и стал жить там с своими родными, работая, как башмачник-кустарь; по субботам он ездил с своими башмаками в Москву, ночевал у жены, а в воскресенье уезжал обратно. Так длилось некоторое время. Но эти субботние ночевки не нравились его теще, с которой у него продолжались постоянные ссоры и перебранки. С пасынком Иван, во время своих наездов, обращался обыкновенно грубо и сурово, что вызывало резкие протесты тещи, очень любившей, напротив, внука и фактически его воспитывавшей. В последний свой приезд к жене Иван вдруг изменил отношение к пасынку: ездил с ним на рынок, купил ему шоколаду, ирисок... Это изменение обратило на себя внимание окружающих и своею неожиданностью удивило их. В 4 часа дня пасынок был отпущен матерью и бабушкой поиграть «на канаве», вблизи дома, с другими детьми. Через некоторое время после его ухода Иван стал собираться ехать назад в деревню и ушел несколько ранее обычного, отговорившись какими-то делами в деревне. Проходя мимо игравшего с сверстниками пасынка, он взял его, пошел с ним на вокзал и поехал по направлению к деревне, в которой жил. Никто не знал, что он взял с собой мальчика. Затем, как сказано выше, во время хода поезда, он вывел мальчика, сбросил его, вернулся в вагон и остаток пути мирно беседовал в вагоне с соседями. Мысль о том, что жена и теща будут беспокоиться о ребенке, его нисколько не тревожила: побеспокоятся и перестанут. Арестовали его через 2 дня, в течение которых он был в страхе от ожидания, что «вот-вот придут» за ним. Однако спал спокойно и работал, хотя и хуже обыкновенного. Затем за ним пришел агент, который на вопрос, чего ему нужно, сказал: вот тут штраф с тебя причитается в 3 руб. На это Иван ответил: «ну, здесь уже не этим пахнет», и рассказал о своем преступлении. На вопрос, зачем он убил мальчика, он отвечает, что и сам этого понять не может и полагает, что сделал это из-за тещи, которая расстраивала его семейную жизнь и очень его раздражала. Мальчик ему не досаждал, был

тихий, спокойно и доверчиво с ним ехал и его семейной жизни ничем не мешал. Иван винит во всем тещу и рассказывает, что некоторые ему говорили, что раз он был зол на тещу, а не на мальчика, так ему бы тещу и убить. Он теперь так сам думает, что лучше бы было убить тещу, тогда бы ему «меньше дали и, вероятно, условно», а то такое дело: «нешто это можно!» А теща — «зловредная», с ней и ее дети ссорятся. Не раз у него в душе возникало опасение, как бы, подвыпивши, не зарезать тещу бывшими у него острыми сапожными ножами. В день преступления Иван выпил с шурином немного, но пьян не был. Вообще он любит выпить, особенно — пива и охотно выпивает бутылок 12. Пьяный становится весел, поет песни, но не выносит, чтобы ему кто «перечил». От водки он скоро пьянеет и пить ее избегает. Отец его — деревенский кузнец — был горьким пьяницей и пропивал каждый раз чуть не всю получку. Иван уверяет, что он пьет менее, чем пил его отец, хотя, получив деньги за изготовленные башмаки, он «первым долгом обязательно напивается». В характере Ивана резко выдается злобность; он очень зол, но может сдерживаться и нередко удерживался, когда ему хотелось кого-нибудь ударить. В данном случае, убивая мальчика, который ему ничем не мешал, он действовал по злобе к теще, которой хотел этим досадить. Несомненно, что и алкогольная наследственность, и личный алкоголизм сыграли в этом случае не малую роль. Надо добавить еще, что Иван — мало развит и малограмотен. Он учился в начальной школе лишь 1½ года, бросил ученье отчасти вследствие бедности и необходимости с раннего возраста работать дома, а отчасти вследствие плохих способностей, в частности слабой памяти. Ученье ему давалось с трудом и мало его интересовало; особенно ему не нравилась арифметика, таблицы умножения он так и не мог усвоить, так что, напр., помножить 7 на 7 или 9 на 9 он не в силах.

Еще резче проявилось влияние алкоголизма в другом убийстве ребенка, учиненном Василием К., 25 лет, из крестьян-бедняков Калужской губ., сыном горького пьяницы, очень нервного и раздражительного человека. Василий очень

раздражителен и с трудом уживается с людьми. С отцом он так ссорился, что в 1919 г. из-за этого поступил 18 лет добровольцем в Красную армию и сразу попал на фронт в Донскую область, участвовал в ряде сражений, в частности и в нескольких рукопашных схватках, был ранен в голову и в ногу, почему последнее время служил в нестроевой части. К боевой обстановке привык, и она ему стала нравиться. Вернувшись с военной службы в 1922 году, стал опять ссориться с отцом. Затем, ушел от отца и стал работать в артели у дяди, но с последним также скоро рассорился из-за денежных расчетов, ушел от него и стал работать самостоятельно. Часто и сильно пьет, причем пить любит в компании, а в трезвом виде компании не любит и мало общителен. Сильно раздражителен и зол. В 1925 году женился. Через некоторое время родился ребенок. В больнице он узнал, что ребенок вполне доношенный, а между тем, по его вычислению, он родился на 2 месяца раньше срока. Отсюда его подозрение, что ребенок — не его. Его приятели — ссбутыльники в пьяном виде также намекали ему, что ребенок — не его и что у жены его до брака была связь. Что было до него, его не интересовало, а после брака с ним, по его мнению, жена его любовников не имела. Однако он признается, что очень ревнив и мстителен. После рождения ребенка он стал выпивать сильнее и однажды, получив от коменданта казарм, — где он служил водопроводчиком, — 50 руб. на покупку материалов, он особенно сильно запил. Растрата данных ему денег и угроза коменданта привлечь его к суду сильно его расстроили. А тут товарищи стали ему опять говорить, что ребенок — не его, а ему «через него приходится страдать». Когда он вернулся пьяный домой после двухдневного отсутствия, жена встретила его градом упреков, а затем ушла в лавку. Оставшись с ребенком один, он взял его из люльки, зажал его ноги между своими, отрезал ему ножом голову, дал стечь крови в ведро, бросил труп в люльку, ушел из дома и провел ночь у товарища. Помещенный в психиатрическую больницу на испытание признан «полувменяемым», почему срок лишения свободы понижен ему с 8 до 3 лет. Сам не понимает, как он

мог убить ребенка, тем более, что, как он уверяет, он любит детей. Несомненно, что в этиологии этого кровавого происшествия алкоголизм сыграл главную роль.

Под влиянием алкоголизма у человека падает способность сдерживаться, взвешивать, критически оценивать, обсуждать. Алкоголики многое упускают из виду в окружающих их условиях, судят поспешно и поверхностно, часто слишком легко и развязно переходят к действию. Их восприятия часто иллюзорны, а мышление весьма неустойчиво; им трудно более или менее долго держать в поле своего умственного зрения ту или иную цель и регулировать свое поведение требованиями, вытекающими из этой цели, как это необходимо для стойкого нравственного поведения. Нравственные и социальные цели, если и появляются в их сознании, то как бы мерцают и сравнительно легко уступают место чувственным влечениям. Алкоголизм морально деградирует личность, притупляет ее нравственно, ослабляет и уничтожает моральные задержки, увеличивает внушаемость и склонность к подражанию. Работоспособность человека, под влиянием этого яда, падает, и он быстро идет по пути все большего духовного оскудения. Вследствие всего этого, под влиянием алкоголизма падает коэффициент сопротивляемости человека внешним влияниям, толкающим его на преступный путь; человека же, попавшего уже на преступный путь, алкоголизм закрепляет на этом пути. Среди разнообразных действий алкоголизма на эмоциональную сферу человека особенного внимания, по их криминогенному значению, заслуживают следующие: особенная раздражительность, так сказать, взрывчатость алкоголиков; их наклонность к порывам гнева, ревности и мести, а также к длительным и напряженным порывам злобы, иногда не имеющим никаких для себя оснований.

Алкоголизм родителей не проходит бесследно для детей, по крайней мере, в громадном большинстве случаев. Алкоголь производит вредное влияние на семенные железы мужчин и яичники женщин, что не может не отражаться на продуктах этих органов. Особенно вредное значение имеет опьянение обоих или одного из родителей во время зачатия.

Алкоголики часто производят потомство с признаками вырождения, слабое в умственном отношении, с очень неустойчивой нервной системой, наклонное к душевным заболеваниям, с невро- и психопатической конституцией. По наследству передается, повидимому, и склонность к спиртным напиткам. Наблюдения показали, что большинство хронических алкоголиков обременены алкогольной наследственностью. Большая или меньшая умственная отсталость, нервная неуравновешенность, неустойчивость настроения, повышенная аффективность, раздражительность, изменчивость и слабость воли, с признаками более или менее глубокой физической и психической дегенерации, а иногда и с нервной или психической болезнью в придачу, — вот что достается потомкам от предков-алкоголиков. Ввиду умственной отсталости, нервной слабости, особенной аффективности и импульсивности детям алкоголиков особенно трудно устроиться, и они особенно легко и быстро соскакивают с колеи честной, трудовой жизни. Громадный процент беспризорных подростков является носителем алкогольной наследственности. К тяжелой наследственности у детей алкоголиков часто присоединяются и тяжелые переживания детства, связанные с алкоголизмом родителей: пьяный, злой и раздражительный отец колотит, как и чем попало, мать, бьет детей, ругается или делает детей свидетелями своих пьяных ласк с матерью и т. п., — все это оставляет глубокие следы в детской душе. В алкоголизме надо видеть одну из главных причин широкого распространения в наши дни того типа преступника, который я называю импульсивным. Эти преступники, за редкими исключениями, имели своими родителями алкоголиков, по крайней мере, отцы их более или менее сильно и часто пили. Просматривая вышеприведенные биографии преступников из-за алиментов, нельзя не заметить, что в них постоянно мелькает алкоголизм как самих этих преступников, так и их отцов. Это заметно у Петра М., у Василия М., у Петра Ф.; очень резко выражено у убийцы Королевой Николая П.; заметно у убийцы Лысаковой — З.; у убийцы Анны — Петра К. и у Григория Л. Вполне понятно, что,

если неприятные чувства, вызываемые перспективой платить алименты, зарождаются у субъекта, нервно-психическая сфера которого расшатана и подорвана личным алкоголизмом и алкогольной наследственностью, то для длительного напряжения и господства этих чувств в сознании оказывается вполне благоприятная почва. Два последние примера, — хотя алименты в них и не фигурируют в числе раздражителей, — показывают, с какой ужасной силой может обратиться злобное раздражение алкоголика против ребенка. Поэтому, при исследовании заключенных, я всегда обращаю большое внимание на отношение к наркотикам как самого испытуемого, так и его родителей.

Необходимо также обращать самое серьезное внимание на ту подготовку к выражению чувств насильственными действиями, которая нередко бывает связана с более или менее продолжительным пребыванием на театре военных действий, с тяжелыми переживаниями во время сражений и с кровавыми картинами, которые субъекту пришлось видеть в условиях боевой жизни. Все это, несомненно, часто расшатывает нервно-психическое здоровье, особенно, если субъект подвергся контузии или ранениям. Травматический невроз, эпилепсия, истерия и неврастения у того или иного преступника из-за алиментов должны всегда привлекать к себе пристальное внимание при исследовании этих преступлений. Под влиянием полученных травм люди часто становятся очень раздражительны, легко теряют душевное равновесие и поддаются бурным аффектам гнева, мести и ревности. У эпилептиков часто наблюдаются резкие изменения настроения, забывчивость, недостаток сообразительности, помрачение сознания, слабоумие, апатия. «Когда эпилепсия начинается у взрослого человека, то обыкновенно вместе с изменениями в интеллекте наблюдаются, говорит проф. Корсаков, чрезвычайно резкие изменения в характере индивидуума, вследствие чего дегенеративное расстройство эпилептиков в таких случаях носит название эпилептического характера». «Эпилептический характер проявляется в резких нравственных дефектах». «У очень многих эпилептиков заметно ослабление нравственного чувства». «Хотя у них и

остаются внешние проявления сочувствия, расположения, но истинной любви у них мало: их привязанности непрочны, неглубоки, память сделанного для них добра невелика». «С внешней стороны, однако, они стараются проявить много чувства, лицемерят, льстят, говорят слащаво, стараясь с выражением искреннего расположения смотреть в глаза тому, с кем говорят; выражают самую высокую степень благодарности, говорят всевозможные любезности». «Некоторые при этом проявляют большое ханжество, наклонность к похвальбе, и возвеличивают себя, как бы с смиренным видом указывают на свои высокие свойства, на высшую нравственную доброту, говорят о боге и в то же время отличаются большой жестокостью по отношению к близким; у эпилептиков молитвенник в кармане, бог — на языке и подлость в душе, — говорит Sammt». «У многих развивается большая жадность, скаредность». «При этом больные бывают чрезвычайно раздражительны, часто приходят в аффективное состояние, почти всегда соединенное у них с чувством злобы» [1]). «Под влиянием раздражения они нередко совершают дикие выходки». «У некоторых эпилептиков являются временами непреодолимые влечения, которые и обусловливают какие-нибудь странные, иногда преступные поступки (воровство, изнасилование); такие больные утрачивают нравственное чувство и правильное поведение в культурном обществе» [2]). Алкоголь иногда вызывает, иногда усиливает эпилепсию [3]). Алкоголизм родителей предрасполагает потомство к эпилепсии. Многие эпилептики становятся хроническими алкоголиками. По словам Зоммера, периодический алкоголизм обыкновенно имеет эпилептическую почву. Эпилепсия может стоять в связи также с травмой и иногда наступает спустя более или менее долгое время после повреждения или сотрясения мозга (травматическая эпилепсия).

Так же, как эпилепсия, благоприятной почвой для вспышек разных преступных настроений являются истерия

[1]) Корсаков. Курс психиатрии, изд. 1901 г., стр. 1032—1033.

[2]) Там же, II, стр. 1032.

[3]) Кримин. психология и судебная психопатология, пер. Г. Шлаттера и А. Щепинского, 1909, стр. 42—41.

и неврастения. Крайняя изменчивость настроения у истеричных, — особенно у истеричек, в период регул, — чрезвычайная подвижность их душевного содержания, противоречия в чувствах и поступках, чрезвычайная возбудимость в одних отношениях и пониженная восприимчивость, иногда прямая тупость в других, способность по ничтожным поводам приходить в состояние сильного раздражения и волнения, наклонность к псевдореминисценциям [1]), крайняя обидчивость, удивительное упрямство, эгоцентризм, у некоторых — большая лживость, наклонность к разыгрыванию разных сцен и ролей, часто половая распущенность, иногда извращенная реакция чувств, при которой то, что должно бы вызывать одно чувство, напр. нежность или сострадание, вызывает как раз противоположное чувство, — все это может послужить корнем для вспышки того или иного преступного настроения и налагать на тип преступника своеобразный отпечаток.

При исследовании преступников вообще и преступников из-за алиментов, в частности, на все отмеченные выше состояния невро-психической сферы надо обращать самое серьезное внимание и при выборе для них меры социальной защиты, и при организации отбытия ими лишения свободы в пенитенциарном учреждении. Стоя на точке зрения предупреждения преступлений, надо признать, что, раз преступное настроение вспыхнуло на почве такого подорванного и расшатанного невро-психического здоровья, необходимо длительное воздействие на субъекта, нередко с внесением в это воздействие мер лечебного характера, а иногда с превращением его в принудительное лечение. В этих случаях часто могут оказаться необходимыми те меры социальной защиты лечебного характера, о которых упоминает ст. 24 Уголовного кодекса, именно: принудительное лечение и помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией.

Конечно, принятие мер принудительного лечения, вместо обычного пенитенциарного режима, или внесение в общий

[1]) Т. е. к ложным воспоминаниям об известных событиях, как о прошлых, между тем как в действительности их вовсе не было.

исправительно-трудовой режим элементов лечебного характера есть вопрос фактический, который должен быть решен в каждом отдельном случае после внимательного исследования нервно-психического состояния субъекта. При этом такое исследование нужно не только тогда, когда есть определенные указания на какую-либо нервную или душевную болезнь, а и в случаях хронического алкоголизма. Выше приведены два случая, когда зверская расправа с ребенком стояла в несомненной связи с алкоголизмом и с усилившейся, благодаря ему, злобной раздражительностью субъекта. Конечно, если угроза алиментами падает на такую разрушенную алкоголем личность, она особенно легко может вызвать бурную, насильственную реакцию, направленную или на слабую женщину, или на беспомощного ребенка. Вот, в немногих словах, один, последний, пример подобной расправы.

Дмитрий З., 19 лет, из крестьян Вятской губернии, не женатый, ранее не судившийся, грамотный, окончивший сельскую школу, сын сильного алкоголика и сам сильный алкоголик с 16 лет, — сошелся в 1925 г. с односельчанкой, девицей Клавдией. После того, как осенью того же года она забеременела, он круто изменил свои отношения к ней, категорически отказался на ней жениться и признавать ребенка своим. Однако каких-либо определенных фактов неверности Клавдии у него не было, и, несмотря на то, что Клавдия жила в соседней избе и ее жизнь была ему известна во всех деталях, ничего подозрительного в ее поведении он не замечал. Ввиду его отрицательного отношения к ней и ребенку Клавдия подала в суд иск о признании Дмитрия отцом новорожденной ее дочери и о взыскании с него алиментов по 10 руб. в месяц. Платить такие алименты Дмитрий мог бы. Он — из зажиточной крестьянской семьи, после смерти отца старший в доме, 10 рублей его не разорили бы; у них — 2 лошади, 2 коровы, вполне достаточно и земли, и хлеба. Но когда, 11 августа 1926 года, он получил повестку о явке в суд, то «очень расстроился» и «стал задумываться», а его домашние — мать и две сестренки — залились горючими слезами и не столько от того, что жаль было платить

10 руб., — хотя им и это было очень неприятно, — сколько от стыда: «что теперь люди говорить будут». Слезы домашних еще более «расстроили» Дмитрия, и вот 13 августа, около 5 часов вечера, улучив момент, когда Клавдия ушла из избы и ее домашних также не было, Дмитрий пробрался в избу, подошел к двухнедельной своей дочери и влил ей уксусной эссенции в рот, от чего она через несколько часов, — уже в больнице, — скончалась. Во время преступления Дмитрий был трезв, но за несколько дней до этого был сильно выпивши, а последнее время, — со времени получения повестки о явке в суд, — «все задумывался». О чем же? Он утверждает, что очень боялся, что суд признает его отцом девочки и «силой женит на Клавдии», а он, до отбытия военной службы, жениться не хочет, а на Клавдии — и вообще не согласен жениться. Дмитрий — человек злой, малсразвитый и нравственно тупой; ничего не читал, обладает слабой памятью и сообразительностью. Школьные знания у него испарились; так, напр., он почти совсем не знает таблицу умножения и ни делить, ни множить не может. Любитель выпить, потанцовать, поиграть на гармонии, попеть песни и побалагурить с девицами. С целью поразвлечься часто ездил в г. Котельнич, находящийся в 10 верстах от их деревни. Однако на развлечения старался тратить как можно менее; человек он — экономный, расчетливый, даже скуповатый, «деньги зря швырять» не любит. Отчасти из экономии он избегал заводить приятелей, особых друзей не имел и выпить любил один. Сдержан, не раздражителен, холоден, скрытен и довольно решителен. В этом примере перед нами случай, когда даже еще у совсем молодого человека, которого алкоголь не успел еще сильно разрушить, алкоголизм, несомненно, содействовал длительному напряжению чувства злобы и устранил задержки, которые могли бы помешать образованию решимости учинить такую расправу с ребенком. Подобные случаи наглядно показывают, насколько важно обращать большое внимание в делах о преступлениях из-за алиментов на хронический алкоголизм виновников этих преступлений и их родителей; иногда в нем-то и скрыт самый глубокий корень преступления.

IX. Далее, изучая преступления из-за алиментов, нельзя не заметить, что в генезисе их несомненно часто принимает участие и экономический фактор. Однако сила влияния последнего в отдельных случаях весьма разнообразна. Иногда он не ярко выражен в генезисе преступления, как в только что приведенном примере убийства ребенка Дмитрием З. Иногда, наоборот, он выступает очень отчетливо. Так, просматривая приведенные выше примеры, не трудно заметить, что во всех этих случаях субъекты, уклонявшиеся от алиментов, находились в затруднительном материальном положении, и им, действительно, трудно было платить алименты, хотя, с некоторыми усилиями, они и могли справиться с этой задачей.

Из сказанного следует, что суды должны с величайшей осторожностью выбирать размер алиментов. При этом следует исходить из действительной стоимости содержания ребенка в данной местности, причем иметь в виду, что оба родителя одинаково обязаны принимать участие в расходах по содержанию их детей. Назначение алиментов в размере известной части содержания субъекта, признанного отцом ребенка, — большею частью в размере $^1/_3$ — далеко не всегда отвечает духу закона и не всегда может быть признано правильным. Алименты должны определяться не в виде той или иной дроби, а в абсолютных числах, в рублях. Нельзя не согласиться со Стельмаховичем, что в городе и в деревне алименты должны назначаться в различной форме, и в деревне нередко возможно и желательно назначение их в форме помощи натурой, а не непременно в денежной форме. Следует приспособить порядок назначения алиментов к деревенской экономике [1]). Затем, величина алиментов должна изменяться в соответствии с возрастом ребенка. Суду следует быть очень осторожным в признании отцовства и надо выбирать такой размер алиментов, который находился бы в соответствии, с одной стороны, «с прожиточным минимумом» ребенка в данной местности, а с другой — с имущественным положением родителей.

---

[1]) Стельмахович, у. с., стр. 68.

X. Из связи преступлений, совершаемых из-за алиментов, с экономическими условиями вытекает, что все меры, которые направлены к подъему экономического положения населения, являются вместе с тем и профилактическими мерами по отношению к росту данных преступлений.

Из связи этих преступлений с отмеченным выше предрассудком, с интеллектуальной отсталостью и малоразвитостью вытекает, что серьезное профилактическое значение в борьбе с этими преступлениями имеют и все меры просветительного характера, направленные к подъему уровня умственного развития широких народных масс, причем в сеть этих мер необходимо ввести специально направленные против ложных взглядов на алименты и непонимания социального значения обязанности их платить.

Из связи рассматриваемых преступлений с алкоголизмом вытекает, что серьезное профилактическое значение в борьбе с ними имеют все меры, направленные к уменьшению народного пьянства.

Не подлежит сомнению, далее, что многие из этих преступлений возникают на почве легкомысленного отношения к половым отношениям, на почве половой распущенности. Одной из важных задач социальной профилактики является воспитание у широких масс населения более серьезного и глубокого взгляда на половые отношения и большей сдержанности.

Все меры, направленные против половой распущенности, являются и профилактическими мерами против преступлений рассматриваемой категории.

XI. Что касается злостных неплательщиков алиментов, нарушителей ст. 158 Уголовного кодекса, то по поводу назначенных им в означенной статье мер надо сказать следующее. Закон угрожает им краткосрочным лишением свободы на срок до 6 месяцев или штрафом до 300 руб. Но краткосрочное пребывание в пенитенциарном учреждении, не принеся им существенной пользы, несомненно в массе случаев ухудшит их материальное положение, так как повлечет за собой потерю места или того случайного заработка, при помощи которого они так или иначе поддерживали свое

существование. В месте заключения они могут завести чрезвычайно опасные для них знакомства, при неоднократном пребывании легко привыкнут к столкновению с уголовным законом и перестанут опасаться попасть в тюрьму. В литературе много раз указывали на вред краткосрочного заключения, на то, что оно приучает к тюрьме, создает рецидивистов и что степень вероятности рецидива данного субъекта прямо пропорциональна числу раз, какому он подвергался краткосрочному заключению. В этих указаниях много правды, но есть и несомненные преувеличения. Краткосрочное заключение, конечно, часто оказывает вредное влияние, но, главным образом, потому, что оно обыкновенно плохо организовано, и места, в которых оно отбывается, отличаются большой неустроенностью, вследствие чего в них широко и беспрепятственно развиваются вредное общение заключенных и праздность. Однако, во всяком случае, что бы ни говорили, краткосрочное заключение необходимо, и без него не могло и не может обойтись ни одно государство. Для многих случаев его нечем заменить. Штрафы, ввиду своей неравномерности и бедности большинства преступников, не могут получить широкого применения без опасности превратить их в фактор преступности. Но; применяя краткосрочное лишение свободы, надо особенно позаботиться о хорошей его организации, прежде всего, об устройстве и в этих местах заключения работ и о разумном размещении заключенных, с достаточной изоляцией отдельных групп их друг от друга. Надо принять решительные меры к обособлению нарушителей статьи 158 Уголовного кодекса от воров и к занятию их работами, заработком от которых они, хотя бы отчасти, могли покрыть свою задолженность по уплате алиментов. Недаром некоторые из виновников преступлений из-за алиментов сами указывают на опасность для них воровской компании и боятся, как бы им не испортиться в подобном обществе [1]).

Из бедности громадного большинства неплательщиков алиментов вытекает, что штраф, которым им угрожает ст. 158,

[1]) См., напр., стр. 58.

как возможным наказанием за злостный неплатеж алиментов, может быть применен к ним судом лишь в виде редкого исключения.

Я полагаю, что было бы целесообразно включить в ст. 158, в качестве одного из альтернативно указанных наказаний, принудительные работы. Конечно, организация принудительных работ представляет много затруднений, особенно при больших размерах безработицы. Но, раз этот вид наказания в Уголовном кодексе существует, нет оснований не назначать его в данном случае; здесь принудительные работы более уместны, чем во многих других случаях, где закон их применяет. Принудительные работы, при правильной их организации, могут помочь субъекту, путем заработка, уплатить недоплаченные им алименты, хотя бы в известной части. Преимущество старой ст. 165а Уголовного кодекса заключалось в том, что в числе наказаний за неплатеж алиментов она указывала и принудительные работы [1]).

XII. Развитие преступлений из-за алиментов может быть остановлено лишь рационально построенной системой исправительно-трудового, а в иных случаях — лечебного воздействия на виновников этих преступлений, координированной с достаточно широкой и густой сетью профилактических мер. Кроме мер общей социальной профилактики, необходимы специальные профилактические меры, направленные против отмеченных нами выше ложных идей и поддерживаемых последними опасных настроений, которые, как показывает все вышеизложенное, играют нередко слишком заметную роль в генезисе этих преступлений. Уклонение от алиментов, как в простейших своих формах, так и в соединении с насильственными действиями, грозит стать социально-патологическим бытовым явлением. Ему надо не дать укорениться и следует энергично противопоставить сложную систему просветительных, лечебных и исправительно-трудовых мер, которая направлялась бы против всех его корней и осложняющих его

[1]) Ст. 165а гласила: „Неплатеж алиментов (средств на содержание детей) и вообще оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки карается принудительными работами и лишением свободы до 6 мес. или штрафом до 500 руб.

насильственных действий. Как я старался показать в настоящей работе, изучение преступников из-за алиментов и условий, при которых они совершили свои преступления, проливает достаточно яркий свет на те меры, которыми с ними надо бороться и которыми можно снизить волну этой преступности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. Задачи исследования	5
II. Положение и права женщины по советскому праву. Моральное и социальное значение обязанности платить алименты.	10
III. Импульсивные преступники из-за алиментов	28
IV. Импульсивные преступники из-за алиментов (вторая разновидность их)	53
V. Рассудочно-расчетливые преступники из-за алиментов	63
VI. Эмоциональные преступники из-за алиментов	85
VII. Злостные неплательщики алиментов — нарушители ст. 158 Уг. код.	119
VIII. Отказ в алиментах как фактор преступности	132
IX. Меры борьбы с преступниками из-за алиментов	138
Выводы и практические пожелания	—

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ

СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЧЛЕНОВ ИНСТИТУТА

Е. ШИРВИНДТА, Ф. ТАРАСКОВИЧА и М. ГЕРНЕТА

(Госуд. институт по изучению преступника и преступности.)

ВЫПУСК I.

Стр. 294. Ц. 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Е. Ширвиндт. О проблемах преступности (цели и задачи Государственного института). М. Исаев. Классовое начало в пенитенциарной политике. М. Гернет. Месяц за границей. В. Львов-Рогачевский. Литературное творчество заключенных. Т. Сегалов. Психология хулиганства. П. Люблинский. Половые посягательства против детей. Б. Куфаев. Детские убийства. Н. Гедеонов. Содержательницы домов разврата. С. Укше. Женщины — корыстные убийцы. Д. Родин. Статистика преступности во время и после мировой войны. Е. Тарновский. Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие. Н. Шестакова. Преступления против личности в деревне. Библиография. За рубежом. Деятельность Государственного института.

ВЫПУСК II.

Стр. 358. Ц. 3 р. 50 к.

Этот выпуск особенно интересен. В нем на основании совершенно новых материалов в живых очерках подробно освещен целый ряд вопросов, имеющих крайне злободневный интерес не только для специалистов, но и для широких читательских кругов. Так, напр., отдельные статьи посвящены как общим вопросам — преступности в городе и деревне, так и специальным, но весьма важным проблемам — об абортах, проституции, растратчиках, нищенстве, хулиганстве, половых преступлениях и т. д. Приведено много таблиц, диаграмм и т. д. Кроме того на-ряду с отчетом о деятельности Государственного института по изучению преступности приведен ряд ценных статей, очерков и заметок, рисующих постановку затронутых проблем за границей как в законодательных, так и в научных учреждениях.

Продажа во всех магазинах и отделениях ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год НА ЖУРНАЛ

СОВЕТСКОЕ ПРАВО

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА ▪ 6 НОМЕРОВ В ГОД

ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА СОВЕТСКОГО ПРАВА
(ОСНОВАН в 1922 году)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
И. С. ВОЙТИНСКОГО, Ф. И. ВОЛЬФСОНА, Д. А. МАГЕРОВСКОГО, Н. Н. ОВСЯННИКОВА, Е. П. ПАШУКАНИСА, С. М. ПРУШИЦКОГО, С. И. РАЕВИЧА, А. Я. ЭСТРИНА

Ответственный редактор Н. Н. ОВСЯННИКОВ

«СОВЕТСКОЕ ПРАВО»

ставит себе целью быть проводником марксистско-ленинской научной мысли в области права и содействовать практике советского социалистического строительства. Исходя из этой основной цели, „СОВЕТСКОЕ ПРАВО“ включает в свою программу: а) научное освещение проблем советского правового строительства, б) изучение и обобщение опыта работы суда, прокуратуры и других органов советской власти, в) удовлетворение запросов, возникающих у работников советского права в связи с их участием в социалистическом строительстве и в борьбе за укрепление начал революционной законности, г) критическое освещение современного буржуазного права.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА ПОЛУЧАЮТ ПРАВО ПОЛУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАНИЯ ГИЗа НА СУММУ 20 руб. ПО НОМИНАЛУ СО СКИДКОЙ в 40%.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 7 р. 50 к., на полгода — 4 руб.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 1 р. 60 к.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, Центр, Рождественка, 4, телефон 4-87-19, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев.

Продажа отдельных номеровво всех магазинах и киосках

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

А. А. ПИОНТКОВСКИЙ

СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ТОМ ПЕРВЫЙ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Изд. 2-е, перераб. и дополн.

Стр. 315. Ц. 3 р. 25 к.

Оглавление. Введение. I. Социологическое учение о преступности. II. Меры борьбы с преступностью. III. Юридическое учение о преступности. IV. Процесс применения уголовно-правового принуждения

М. М. ИСАЕВ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА РСФСР

Стр. 199 Ц. 1 р. 50 к.

М. М. ИСАЕВ

ОСНОВЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Стр. 196 Ц. 2 р.

М. М. ИСАЕВ

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

С приложен. текста „Основных начал“ и материалов.

Стр. 140 Ц. 1 р. 50 к.

Н. В. КРЫЛЕНКО

СУД И ПРАВО в СССР

Теоретический и практический комментарий к основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР

Часть I. Основы судоустройства.

Стр. 164. Ц. 1 р. 50 к.

Часть вторая. Основы уголовн. судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Стр. 158. Ц. 1 р. 50 к.

1 р. 10 к. 7271

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Д. Б. РУБИНШТЕЙН

УГОЛОВНЫЙ СУД РСФСР

СИСТЕМА И ПРОИЗВОДСТВО

Стр. 200. Ц. 2 р.

Проф. А. А. ЖИЖИЛЕНКО

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Стр. 140. Ц. 2 р. 25 к.

Проф. М. П. КОВАЛЕНКОВ

ОСНОВЫ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Вступительный очерк и законодательные материалы.

Стр. 127. Ц. 90 к.

Проф. А. Н. ТРАЙНИН

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РСФСР

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ

Преступления против государства и социального порядка.

Стр. XVI, 256. Ц. 2 р. 40 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

Москва. Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 1-91-49, 5-04-56 и 3-71-37.

Ленинград, „Дом книги", проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18.

И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР.

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ, „КНИГА — ПОЧТОЙ" или ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, „КНИГА — ПОЧТОЙ" или РОСТОВ-на-Д., ГОСИЗДАТ РСФСР, „КНИГА — ПОЧТОЙ", а в пределах УКРАИНЫ — ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ РСФСР, „КНИГА — ПОЧТОЙ" высылают книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

Каталоги и проспекты высылаются по требованию бесплатно.